

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Краткие сообщения и автоаннотации

У1 годовичная научная сессия ЛО ИВ АН,
посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина
апрель 1970 года

Москва 1970

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА**

Краткие сообщения и автоаннотации

**У1 годичная научная сессия ЛО ИВ АН,
посвященная 100-летию со дня рождения В.И. Ленина
апрель 1970 года**

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

Главная редакция, восточной литературы

Москва 1970

И. В. Н. ЛЕНИН И ВОПРОСЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Д.Е.Бертельс

В.И.ЛЕНИН И С.Ф.ОЛЬДЕНБУРГ.

Широко известно, что крупный ученый-востоковед академик Сергей Федорович Ольденбург был также талантливым организатором науки - четверть века на посту постоянного секретаря Академии наук (1904-1929), директор Азиатского музея - Института востоковедения АН СССР (1916-1934). Перечень его административных должностей можно было бы продолжить, но ограничимся упоминанием, что ряд лет он возглавлял Таджикостанскую базу АН СССР. Организационная деятельность Ольденбурга сравнительно мало освещена, а именно как организатор советской науки встречался он с В.И.Лениным.

Первая встреча произошла, однако, еще задолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Весной 1891 г. молодой Владимир Ульянов приехал в Петербург сдавать экстерном государственные экзамены и захотел познакомиться с человеком, хорошо знавшим его брата Александра и сестру Ольгу. Этим человеком был Сергей Ольденбург - товарищ Александра Ульянова по Научно-литературному обществу при университете, он же оказал несколько услуг молодой курсистке Ольге Ульяновой (умерла в мае 1891 г.).

"Помню его мрачным и молчаливым, - вспоминал Ольденбург об этой встрече с В.Ульяновым, - смерть брата он переживал трудно. Ему, видимо, хотелось услышать о нем от человека, с ним работавшего. Вопросы его касались, главным образом, научной работы, и это одно из самых сильных воспоминаний об этой встрече. Владимиру Ильичу было, видимо, особенно дорого и важно, что брат его занимался именно научной работой. Казалось бы, при тех

обстоятельствах, в которых мы встретились, нам обоим было не до научных вопросов, между тем о них в сущности и шла только речь... За всеми вопросами Владимира Ильича чувствовался живой, непосредственный интерес к, если бы я не знал, что он занят активной борьбой, я подумал бы, что он решил посвятить себя науке".

Прошло много лет. Свершилась Великая Октябрьская революция в России. Незадолго до переезда В.И.Ленина из Петрограда в Москву в 1918 г. он принял в Смольном С.Ф.Ольденбурга и часа два беседовал с ним о нуждах Академии. Придавая большое значение теоретическим исследованиям, В.И.Ленин призывал академиков к участию в строительстве нашего нового государства, в возрождении нашей страны. Коснулся В.И.Ленин и востоковедения. "Вот Ваш предмет..., - обратился он к Ольденбургу, - как будто бы он далек от нас, но он и близок нам... Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных, порабощенных и угнетенных англичанами многомиллионных масс, и Вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то Вы вдохновитесь на новые искания, на новые исследования, на новые работы огромной научной важности".

Встреча эта потрясла Ольденбурга. "Это удивительно! - говорил он В.Д.Бонч-Бруевичу, - "Это... пророк величайшей силы... Он призван "глаголом хечь оердца людей"! Я очень смущен... Я так рад, что его видел, что с ним говорил. Я вскоре буду опять у вас..." И академик Ольденбург ушел взволнованный и потрясенный (В.Д.Бонч-Бруевич, "В.И.Ленин в Петрограде и Москве", М., 1966, стр.32).

В начале апреля 1918 г. Ольденбург приехал в Москву с группой академиков по поводу постановления Академии наук о широком развертывании исследования естественных богатств Советской России. Во время приема у председателя Совнаркома В.И.Ульянова-Ленина вновь затронуты были вопросы развития науки. Материалы об этой встрече скудны (см.В.И.Ленин, Полн.собр.соч., т.36, стр.690).

Уже эти две встречи заставили Ольденбурга по-иному осмыслить события 1917 г. Если в его вступительной речи к отчету о работе Академии в 1917 г. отчетливо прозвучало осуждение, прямо говорилось о том, что "Россия стала на край гибели", то год спустя

он обратился к общему собранию Академии с такими словами: "В наши трудные и сложные дни многие склонны падать духом и не понимать тех величайших переворотов, которые совершаются во всех странах, у всех народов, переворотов, глубоко болезненных и мучительных, но тем не менее великих и замечательных. И многим из нас, людей науки, начинает казаться, что и наука гибнет от непонимания и невнимания к ней. Опасения эти напрасны - ничто и никогда не может остановить науку или заставить ее повернуть вспять, ничто, пока существует жизнь, ибо все изменчиво и преходяще в жизни, одно - искание истины, то есть работа науки - неизменно и вечно".

Вяля Сергей Федорович и призыву В.И.Ленина идти к рабочим и рассказать им о Востоке. В 1919 г. он прочитал в Лутугинском народном университете публичную лекцию о культуре народов Индии.

Открывая годичное общее собрание Академии, посвященное работе в 1919 г., он говорил: "...у научных работников есть ясное сознание их долга перед страной и народом не давать прекрещаться ни на минуту этой научной работе, без которой не мыслима никакая культура, никакая человеческая разумная жизнь. Сильные сознанием этого долга, ученые работами, работают и будут работать, не взирая ни на что".

Тяжелым был 1920 г. для молодого Советского государства. Голод, нужда не давали возможности восстановить научную работу. 22 ноября 1920 г. Ольденбург доложил общему собранию Академии проект обращения в Совнарком о положении русской науки. Проект был одобрен и собрание поручило Ольденбургу лично вручить его председателю Совнаркома. В Москву обращение повезла делегация ученых во главе с М.Горьким. 21 января 1921 г. Владимир Ильич принял ученых в Кремле. Об этой исторической встрече и четвертой встрече Ольденбурга с В.И.Лениным писали в свое время М.Горький и вице-президент АН В.А.Стеклов, упоминается о ней и в сочинениях В.И.Ленина (Полн.собр.соч., т.52, с.362). Обратимся к воспоминаниям о ней самого Ольденбурга (см. 10 Архива АН СССР, ф.208, оп.1, № 242).

"Мы, старые работники АН, - обращался Ольденбург к общему собранию 22 января 1927 г., - храним глубокую благодарную память о Владимире Ильиче, его исключительном внимании к работникам науки и прежде всего к самой науке... Для меня, который

из личного общения знал, что это отношение к науке было у В.И. еще в молодые годы, при самой интенсивной революционной работе, такое отношение у вождя Советского Союза не было удивительным... В.И. говорил ученым: "Имейте в виду, что теперь широкие массы, страхнув с себя старую власть, взяли свою жизнь в собственные руки, они являются вершителями жизни, в которой и вам, представителям науки, принадлежит соответствующее место... Мы, я и другие, конечно, понимаем значение науки, но сейчас не в нашем понимании дело, а в понимании масс".

Затронут был во время этой встречи и вопрос о научной смене. "Необходимо, чтобы вы, старые работники, идущие с нами, покили подожье, - при этом Владимир Ильич улыбнулся, - а затем необходимо, чтобы вы не жалели сил и времени на подготовку смен себе, новых научных кадров".

Далее Ольденбург привел слова В.И.Ленина из его работы "Что делать?" - "Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду со старыми, а замены последних первыми" (Полн. собр. соч., т.6, стр.9). Эти слова Ольденбург связал с тем, что Владимир Ильич хорошо понимал, что многие старые работники, работа которых во многом была очень ценна и нужна, не могли сразу переключиться на новую работу новыми методами, и хотя отчетливо требовал, чтобы работа шла по-новому, он признавал в отдельных случаях возможность постепенных переходов. В этом ленинском принципе подхода к старым научным кадрам специфика формирования советской науки, и Ольденбург первый обратил на это внимание ученых в год 10-летия Октябрьской революции.

Об этой встрече Ольденбург писал неоднократно, приводя все новые подробности, а последний раз заключил воспоминания о ней такими словами: "В истории советской науки это наше свидание - Ленина и представителей науки - останется навсегда памятным" (газ. "За социалистическую науку", № 2/41/, 20.01.1934).

Это была последняя встреча.

26 января 1924 г. на траурном II Всесоюзном съезде Советов от имени советских ученых выступил С.Ф.Ольденбург. "Владимир Ильич, действительно великий человек, обладал свойствами гения. Прежде всего, у него было удивительное чутье, та интуиция, которая позволяла ему зачастую угадывать то, что потом другим

приходилось доказывать. Он обладал пониманием того, какими путями надо идти для достижения чего-нибудь. Это тоже свойственно только гениальным людям. И третьим свойством обладал он — это понимание того, что не надо замалчивать своих ошибок... Через всю нашу жизнь — и старых и молодых — прошел великий человек, и поэтому в сознании каждого из нас жизнь представилась и богаче, и ярче, и сильнее, ибо та жизнь, которая создает таких великих людей, есть действительно сильная, могучая и прекрасная" (ЦО Правда, 31.01.1924).

А через несколько дней Ольденбург открыл общее собрание Академии такими словами: "Отчет этот был закончен, когда до нас дошла весть, что скончался большой человек, которому и научная работа в России и Академия многим обязаны, — Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Еще три года тому назад, когда Академия наук обратилась к правительству с запиской о тяжелом положении русской науки и русских ученых, Владимир Ильич, с присущей ему энергией и ответственностью, принял личное участие в тех мерах, которые были срочно намечены правительством и, постоянно, с неослабным вниманием среди громадных своих работ он сознательно уделял время заботам о науке, твердо веря в ее громадное значение для жизни... Мы твердо уверены, что то глубокое понимание значения науки для культуры страны и для всего ее будущего, которое отличало Владимира Ильича, разделяется всеми теми, кому пришлось принять его громадное наследство и что Академия наук, при вступлении своем в третье столетие своего существования, встретит в правительстве ту же всемерную поддержку в своей работе, какую ей оказывал Владимир Ильич".

Этим не исчерпывается Ленинщина С.Ф.Ольденбурга — о Ленине он писал не раз (известно 12 статей).

Весьма далек был С.Ф.Ольденбург от идей партии большевиков в 1917 г., но встречи с В.И.Лениным заставили его поверить в их непреодолимую силу и правоту. Не будет преувеличением, если мы скажем, что вместе с Ольденбургом, под значительным его влиянием как организатора науки, прошла сложный, трудный, порой полный противоречий путь вся русская наука, ставшая советской наукой, наукой первого в мире социалистического государства.

**В.И.ЛЕНИН О КУЛЬТУРЕ В АНТАГОНИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ДОМОНГОЛЬСКОГО ИРАНА.**

Ленинское положение о двух идеологиях и двух национальных культурах в антагонистическом обществе находит удивительную по своей наглядности иллюстрацию при анализе творчества так называемых придворных персоналических поэтов. Параллельно с парадной панегирической поэзией, вычурной и тенденциозной, в литературных придворных кругах, в творчестве тех же панегиристов, живут и развиваются неофициальные литературные жанры с извечными, вполне реалистичными, человеческими темами - любовь, сетования на судьбу, на жизненные тяготы. В творчестве многих придворных одиошцев, особенно наиболее искусных среди них (напр. Анвари, Камал Исмаил Исфাহани), мы непременно находим антитезу безудержному панегиризму - злое осмеяние и обличение власть имущих, жестокое проклятие существующих порядков.

Сама традиционная структура дивана по четырем разделам как бы канонизирует такое жанровое деление средневековой поэзии. Первый раздел дивана составляют касиды - официальное, служебное творчество поэта по заказу патрона и ему в угоду, творчество, как правило, исключавшее все личное. К этому разделу отчасти примыкает и второй раздел дивана - газели - любовно-лирические стихи для более интимных придворных собраний и для чтения в своем кругу. Закрывают диван, как правило, наиболее свободные от литературных канонов жанровые формы - секривно-лирические кита (отрывки) и философские, иронические рубай (четверостишия) - то непроданное творчество поэта для себя, в котором мы слышим его живой и страдающий голос. Неофициальные литературные жанры, вызванные к жизни потребностью самовыражения поэта, четко отличаются от придворных од и своим набором художественно-выразительных средств - реалистическим отражением жизни, безыскусностью внешней формы.

Элементы простонародной литературы мы можем найти также в произведениях ранних суфийских авторов (Абу Саид, Ансари), которые охотно прибегали в проповедях к фольклорным четверостишиям,

народными притчами, баснями, легендам и анекдотам в поисках средств эмоциональной выразительности и широкой популяризации своих идей.

Всемерный учет и изучение неофициальных поэтических жанров кыта и рубаи, народных по происхождению рассказов-вставок в произведениях ранних суфиев, представляется весьма перспективным для восстановления той литературы, которая развивалась параллельно блестящей и изысканной придворной поэзии и была в обращении широких слоев населения.

Вместе с тем, научно не оправдан и отказ от изучения придворной одической поэзии, которая была монументальным творением, хотя и подневольным, того же национального поэтического гения. Пренебрежительное перечеркивание ее таит в себе опасность упрощенного толкования сложных явлений духовной жизни, против чего строго предостерегает ленинское эстетическое учение. Изобретенная риторика, антиреализм, лежащий в самой основе придворного панегирика, у крупнейших поэтов как бы компенсируя внутреннюю скудость содержания, восполняется виртуозной техникой стиха, удивительной емкостью строки, совершенным владением полисемантическим богатством персидского слова и, прежде всего, высшим мастерством в создании выразительного, наглядно-живописного художественного образа. Панегирическая поэзия безусловно сыграла огромную роль в формировании национального литературного вкуса и национальных особенностей художественного восприятия. В частности, персидского читателя, как можно заметить, подчас в меньшей степени занимает сюжет произведения и его композиционная структура; основное внимание сосредоточивается на искусстве отдельной строки, отдельного стиха - его музыкальности, чеканности и более всего заключенного в строке образа. Отсюда проистекает широкая практика варьирования в персидской литературе одного и того же сюжета (сказаний о Хосрове и Ширин, Исуфе и Зухейхе и др.). Заимствование сюжетной линии и характеров не считается плагиатом, напротив, поощряется, как вступление в нелегкое соревнование в искусстве сказать о том же самом более сильными и свежими образами. Самостоятельная художественная жизнь каждого отдельно взятого бейта в стихотворении, афористичного, выраженного запоминающимся образом, восприятие бейта как законченного поэтического произведения - в этом заключено

основное, воспитанное традицией, своеобразие эстетических критериев персидской средневековой поэзии. Литературоведы, по-видимому, недостаточно еще учитывают это художественное своеобразие чужой поэзии, исходя в своих суждениях преимущественно из европейских эстетических представлений. Анализ и оценка явлений литературы и искусства с ленинских позиций народности, широкой доступности, реализма предполагает вместе с тем и всемерный учет своеобразия национальных эстетических представлений. Всякое изучение культуры и искусства должно иметь своей основой знание этнопсихологии изучаемого народа. Между тем этой важной проблеме уделяется до сих пор непростоительно мало внимания.

Ленинская теория отражения дала философское обоснование реалистической, познавательной роли литературы, гносеологической функции художественного образа. Вместе с тем ленинская теория отражения отрицает вульгарную прямолинейность в процессе пере-воссоздания действительности в художественном произведении, напоминая, что всегда исторически условна мера правдивости, глубины, равносторонности художественного перевоссоздания жизни. Этот принцип ленинской эстетики является одним из важнейших при исследовании памятников письменности прошлого и их использовании для создания возможно более полной и верной картины культуры минувших веков.

Памятники литературы, как показал, например, опыт работы над сочинением XII в. "Собрание редкостей" Низами Арузи, могут дать значительный материал, в частности и по исторической этнографии и этнопсихологии. Вероятно, стоило бы поставить вопрос об учете и сведении воедино сообщений правоописательного характера, в большей или меньшей степени присутствующих как в произведениях художественной литературы, так и в исторических летописях и географических трудах. В совокупности эти сведения могут нарисовать живую картину нравов эпохи, едва ли не наиболее характерную и необходимую при восстановлении национальной истории народа и его культуры.

Свидетельства памятников литературы, наравне со свидетельствами других произведений искусства, например, миниатюрной живописи, могут быть привлечены с пользой для дела в качестве сравнительного и дополнительного источника к скудным еще данные для средневекового города вещественным данным. В ряде случаев

письменные памятники содержат уникальные свидетельства по истории материальной культуры народа, не имеющие подкрепления в археологических параллелях. Уместно поэтому ставить также вопрос о необходимости сквозного учета, своего рода "инвентаризации" реалий, описание которых содержат средневековые памятники письменности.

Идет своего исследователя и внутренняя жизнь феодальных иранских дворов. В ряде случаев эти дворы выступали важными очагами средневековой культуры, собирая под своим кровом лучших представителей феодальной интеллигенции — поэтов, писателей, служивших секретарями, астрологов, математиков, философов, лексикографов, географов, историографов, врачей. Здесь, при дворах, начиная с X века, с развитием меценатства интеллектуальный труд становится профессиональным, появляется социальная категория феодальных интеллигентов-профессионалов. В трудах этих придворных ученых, наряду с господствующей феодальной идеологией, которой они служили, мы ясно улавливаем элементы противоборствующей ей идеологии, которую не мог не породить жестокий подневольный унижительный быт этих творцов средневековой культуры.

В.Н.Горегянд

В.И.ЛЕНИН О КУЛЬТУРЕ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯПОНСКИХ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

1. Проблемы культурно-исторического процесса впервые были затронуты В.И.Лениным в 90-х годах XIX века в полемике с идеологами русского народничества.

Впоследствии они разрабатывались во многих трудах В.И.Ленина, касавшихся националистических тенденций в буржуазных движениях и проблем отношения пролетариата к культурному наследию.

Первостепенное значение имеют методологические и методические принципы, которыми В.И.Ленин руководствовался при исследовании историко-культурных вопросов.

2. Заложенные марксистской теорией основы новой философии культуры были дополнены В.И.Лениным многими принципиальными положениями, к числу которых относится в первую очередь тезис

о классовом, партийном характере культуры антагонистического общества, о двух нациях и двух культурах¹ в каждой буржуазной нации, в каждой буржуазной культуре.

Взамен господствующего в буржуазной науке фактологического метода изучения культуры был предложен марксистский метод, который "не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость" (В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I., стр. 419).

3. Для изучения истории культуры важно иметь в виду ленинское положение об устойчивости, "неустрашимости" культурных традиций.

4. В статье "Статистика и социология" (Полн. собр. соч., т. 30) В.И. Ленин убедительно показал необходимость учитывать "всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения", для создания прочного фундамента научной работы. Такая необходимость в полной мере относится к исследованиям культурно-исторических проблем, где "общие" и "примерные" рассуждения неминуемо приводят к искажению сути культурно-исторического процесса.

В работах, посвященных исследованию отдельных аспектов истории средневековой японской культуры (литература, искусство, ремесла и пр.), такие "общие" рассуждения чаще всего относятся к проблеме взаимосвязи этих аспектов культуры и религиозно-философских учений. Совершенно игнорируется воздействие на социальную психологию даосизма, почти не затрагивается проявление в литературных памятниках конфуцианских идей, очень огрубленно представляется влияние буддийских школ на развитие отдельных аспектов культуры.

5. С середины I-го тысячелетия н.э. в Японию стала активно проникать культура Китая, Индии и Кореи - письменность, религиозно-философские учения, литература, наука, искусство, архитектура, принципы административного управления и т.д. Чужеземная высоко-развитая культура вступила в соприкосновение с местными верованиями, бытом, фольклором, языком, общественным укладом и оказала на них определяющее влияние. Это влияние поддерживалось до конца IX в. тесными японо-китайскими контактами в экономической, политической и культурной сферах.

6. Ослабление /а по государственной линии - прекращение/

этих контактов в конце IX века задержало приток из-за рубежа новых идей, предметов искусства, памятников литературы, достижений науки и т.п., что стимулировало самобытное развитие японской культуры. В течение IX-XI вв. в стране сосуществовало два культурных слоя - столичной знати и воинского сословия с весьма слабыми признаками взаимопроникновения. Во множестве возникавшие в ту эпоху идеологические учения были рассчитаны на восприятие одним из двух правящих сословий /придворной аристократии и самурайства/ и именно в нем находили своих приверженцев.

7. Мощные социальные сдвиги XII в. (крушение власти придворной аристократии и возвышение самурайства, рост числа крестьянских восстаний) привели к расцвету самурайской культуры и увеличению влияния новых буддийских сект (особенно в связи с популярной легендой о наступлении "Последнего конца Закона"). Крупным феодалам, взявшим в свои руки политическую и экономическую власть в стране, чрезвычайно импонировало учение амидаистской секты дзёдо, основанное на проповеди принципа "чужой силы" (тарика - достижение нирваны посредством слепой веры в милосердие будды Амитабы), и концепции сунских конфуцианцев, проповедовавших верность господину. Две эти идеологические школы, распространив свое влияние в среде низших дружинников, в сочетании с уже существовавшими там традициями привели к зарождению новой самобытной концепции - самурайского кодекса чести, послужившего впоследствии насаждению крайне реакционных идей среди разных слоев японского общества.

Распространение тех же учений способствовало развитию военно-феодалного эпоса, появлению новых стихотворных жанров, школ живописи, видов прикладного искусства, обрядов и т.д.

Для изучения социального содержания японской культуры необходим тщательный анализ конкретного материала. Такой анализ поможет решению и некоторых общих проблем: влияния соотношения самобытных и чужеродных элементов на формирование культурной традиции, образования устойчивых элементов в культуре и в конечном итоге - проблемы поэтапного воздействия идеологических, этических и эстетических концепций на формирование данного культурного комплекса.

МНОГОЗНАЧНОСТЬ В ГРАММАТИКЕ В СВЕТЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О СООТНОШЕНИИ ОБЩЕГО И ЕДИНИЧНОГО

Одним из основных методологических вопросов грамматического исследования является вопрос о принципах истолкования соотношения отдельных значений грамматических форм в рамках многозначности, свойственной им. Теоретическое обоснование этой проблемы, поставленной в русском языкознании еще в прошлом веке (работы Н.П. Некрасова и А.А. Потебни), в наиболее завершённом виде разработано в трудах представителей пражской лингвистической школы (Р. Якобсон и его последователи). Представители этого направления утверждают, что за многообразием значений той или иной формы скрывается некое константное, неизменное, инвариантное значение, объединяющее частные случаи употребления данной формы, что все частные значения представляют собой манифестации общего значения — общего семантического элемента всех этих значений.

При всей правомерности поисков инвариантных представлений в грамматике следует признать, что существующая теория общих инвариантных значений несостоятельна в свете диалектического учения о соотношении общего и единичного. Диалектическая логика утверждает, что общее понятие не может быть получено путем абстрактного выделения одинакового признака в видовых представителях данного родового класса. Таким способом образуется лишь абстрактно-общее представление, а не конкретное общее понятие. Согласно диалектической логике, общее — это система связей, в которую включено данное единичное. Следовательно, по отношению к частному значению какой-либо формы общим будет система всех ее значений.

Для уяснения того, что можно понимать под системой значений формы, представляется применимым диалектическое понятие сущности как скрытой от непосредственного наблюдения основы некоей системы взаимодействия, в данном случае — взаимодействия частных значений. Понятию сущности противостоит понятие явления: отдельные случаи использования грамматической формы — это явления, обусловленные определенной сущностью, которую необходимо установить в результате исследования. Совокупность значений формы, система их необходимых связей и представляет собой ее сущность.

Отдельный факт получает смысл только в системе фактов: отдельное значение формы - по отношению к другим значениям той же формы; отдельная форма - по отношению к другим формам в рамках категории; категории - по отношению друг к другу в пределах части речи (именные категории, глагольные категории); части речи с их категориями - по отношению друг к другу (отношения между именем и глаголом).

Вопрос о сущности грамматической формы связан с одной из главных проблем грамматики - проблемой о соотношении морфологии и синтаксиса. Если грамматическая форма проявляет свои отдельные значения в синтаксисе, в строе языка, то как определить самостоятельный предмет морфологии? Для возможного решения этой проблемы представляется целесообразным использовать диалектическое понятие субстанциальности, ближайшим образом - диалектические категории предмета, свойства и отношения; предмет первичен относительно заложенных в нем свойств, свойства первичны по отношению к связям (отношениям), в которых они проявляются. Грамматическую форму можно понимать как предмет, обладающий свойствами (значениями), проявляющимися в его отношениях (синтаксических функциях). Маркс указывал, что "Свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении" (К.Маркс. Капитал, т. I, М., 1952, стр. 64). Такая точка зрения ведет к обоснованию понятия субстанциальной морфологии и позволяет разграничить сферы морфологии и синтаксиса: морфология - это учение о значениях формы, проявляющихся в ее отношениях (функциях), а синтаксис - это учение об отношениях, в которые вступает та или иная форма благодаря наличию у нее определенных значений.

Наконец, к истолкованию грамматических форм должно быть привлечено еще одно понятие диалектической логики - понятие о противоречивости всякой сущности. Через отношение какого-либо предмета ко всем другим в рамках его взаимодействия с ними выявляется противоречивое отношение его сущности к самой себе. Познание сущности как всеобщей основы внешне, эмпирически "разрозненных" и как будто бы далеких друг от друга явлений и воспроизведение этой сущности, этой всеобщей основы как содержащей противоречивое отношение к самой себе и составляет суть учения диалектической логики о конструировании научного понятия о каком-либо объекте.

Е. Я. Люстерник

ИНДИЙСКИЕ ПОСЕТИТЕЛИ И КОРРЕСПОНДЕНТЫ В. И. ЛЕНИНА
(К проблеме: В. И. Ленин и национально-освободительное движение в Индии)

По мере отдаления человечества от 1917 года все явственней становится великое влияние В. И. Ленина на мировой исторический процесс. Враги общественного прогресса, идеологи современной реакционной буржуазии неутомимы в стремлении извратить ленинизм, опорочить его. Они надеются таким путем подорвать воздействие ленинских идей, исторического опыта Советского Союза на миллионы людей всех стран и континентов, динить революционные силы важнейшего идеологического оружия.

Одним из проявлений фальсификации истории идеологами индийских реакционных кругов является их утверждение, будто бы Октябрьская революция, идеи Ленина оказали влияние только на коммунистическое и частично на рабочее движение Индии. Они не только отрицают положительное воздействие идей Ленина на индийское национально-освободительное движение в целом, но усматривают в них нечто чуждое, враждебное, решительно неприемлемое для Индии.

Вся история самоотверженной борьбы индийского народа за последние 50 лет убедительно опровергает эту несостоятельную концепцию.

Одним из существенных факторов воздействия ленинских идей на развитие антиимпериалистического движения в Индии являлись личные контакты В. И. Ленина с индийскими революционерами. В 1918-1921 годах Ленин неоднократно принимал видных деятелей освободительного движения Индии, с некоторыми из них обменивался письмами, с отдельными индийскими революционерами вступал в личные контакты в связи с работой в Коминтерне (М. Н. Рой), встречался со студентами Университета трудящихся Востока.

Анализ состава индийских посетителей и корреспондентов В. И. Ленина показывает, что они были людьми весьма различными по социальной, национальной и религиозной принадлежности, по образованию, философским и социологическим концепциям, политическим воззрениям, месту и роли в национально-освободительной борьбе

индийского народа. Среди них были:

известный редактор Махендра Пратап Сингх - один из религиозной секты намдхари, глава временного индийского правительства, созданного им в Кабуле в 1915 г.;

меулана Мухаммед Баракатулла, профессор языка хинди. Он участвовал с начала XX века в антианглийском движении, выступавшем под флагом панисламизма, затем стал премьер-министром Временного индийского правительства Пратена Сингха, был членом индийской Мусульманской Лиги и Национального Конгресса;

профессора Ахмад Харис (Джабар) и Мохаммед Ходи (Сеттар) - посланцы мелкобуржуазной патриотической организации Северной Индии в качестве первой индийской делегации в Москву. Они первыми из индийцев были приняты Лениным в Кремле 28.XI.1918 г.;

Абдур Раб Пенварри - широко образованный индиец, владевший несколькими восточными и европейскими языками. Он служил одно время чиновником английского колониального аппарата, но вскоре отказался от выгодного поста и посвятил жизнь борьбе за независимость родины;

Бхунендра Натх Датта, бенгалец, интеллигент, издатель первой в Индии подпольной революционной газеты "Джугантар" (1906г.), затем политический эмигрант, активный участник индийских патриотических организаций в Европе и одновременно студент.

Среди остальных посетителей и корреспондентов Ленина - Шри Тримбу Ачарья, Сардар Далип Сингх Джинд, Бирендра Натх Чоттопадхьяя и др. - были индусы и мусульманины, бенгалец и маратх, теософы и молодые интеллигенты, стремившиеся познать марксизм.

Таким образом, даже неполный перечень посетителей и корреспондентов Ленина дает представление о том, что в их числе были, помимо коммунистов (М.П.Рой, А.Мукхерджи и др.), индийцы, представлявшие самые различные круги участников национально-освободительного движения Индии. Среди них преобладали буржуазные националисты.

Главным, что объединяло столь различных деятелей, являлось: острая ненависть к британскому колониальному господству в Индии; длительная, самоотверженная борьба за ее независимость; глубокая вера в действенную помощь Ленина, Москвы. Их единение на этой прогрессивной патриотической основе ярко выражало многоликий и разношерстный состав участников национально-освободительного движения Индии, а также объективную необходимость создания еди-

ного антиимпериалистического фронта в целях освобождения родины. В лице Ленина индийские патриоты справедливо видели великого поборника и вдохновителя сплочения всех антиимпериалистических сил в национальном и международном масштабе.

Одна весьма существенная особенность отличала индийских посетителей и корреспондентов Ленина и те круги, которые они представляли, от их соотечественников, таких же пламенных патриотов, как и они, следовавших за М.К.Ганди. Ганди и его приверженцы абсолютизировали ненасильственные, мирные методы борьбы, объявив их универсальными и неизблеыми. Махендра Претан Сингх, Абдул Раб, Тримул Ачарья, Барракетулла и др. были решительными сторонниками наиболее эффективных форм борьбы, включая вооруженную борьбу. Это обстоятельство позволило ходокам в Москву - в том числе и очень далеким от социализма - скорей и полней, с реалистических позиций оценить всемирную роль молодой Советской республики, Ленина, как верного союзника и оплота в их борьбе за освобождение Индии.

Документы и повествовательные источники - воспоминания индийских патриотов - дают представление о содержании их бесед и переписки с В.И.Лениным. Основными вопросами были политическая обстановка в Индии и национально-освободительная борьба ее народа. Особое внимание Ленину уделял положению трудящихся масс, народным движениям, единству антиимпериалистических сил, в том числе и индусско-мусульманскому. Темами служили также вопросы освободительной борьбы в сопредельных с Индией странах, в частности в Афганистане. Из материалов о втором посещении Лениным Абдур Рабом (14.П.1921 г., первое состоялось в мае 1919 г.) можно сделать заключение, что речь шла также об индийской научной литературе по социально-экономической тематике и истории индийского национально-освободительного движения. Особое место в беседах с индийскими коммунистами (М.П.Роем и др.) занимали вопросы стратегии и тактики Коминтерна, характера и роли национальной буржуазии. Этой теме в последние годы посвящен ряд работ советских индологов.

В.И.Ленин, не считаясь с временем и состоянием своего здоровья, без промедления откликался на письма своих индийских корреспондентов, на книги, статьи, тезисы, присланные ему для отзыва.

Беседы с Лениным, его письменные ответы оказывали неотразимое влияние на его посетителей и корреспондентов. Последовательный интернационализм Ленина, его поразительная чуткость и гибкость в сложнейших проблемах стратегии и тактики, национальных отношений, религии - вопросах, которые в условиях Индии были особенно сложны и остры - помогали прогрессивным деятелям ее освободительного движения отодвинуть на второй план националистические и религиозные аспекты во имя укрепления антиимпериалистического единства. Одним из важнейших результатов воздействия идей Ленина на индийских революционеров явилось сближение ее передовой интеллигенции с народом, переосмысление ее роли народных масс в национально-освободительном движении. С этой точки зрения весьма показательны жизненный путь Бхупендра Натх Датта после его пребывания в Москве в 1921 г. Совет Ленина заняться крестьянским движением стал для него, как он заявил, откровением. "Национал-революционеру никогда не приходило в голову, что "крестьянское движение имеет значение для движения за национальную свободу". Указание Ленина изменило, как впоследствии писал Датта, его "взгляд на средства и методы борьбы за свободу в Индии". Он выполнил совет Ленина и создал фундаментальный труд о развитии сельского хозяйства в Индии. В 1939-40 годах он по поручению коммунистической организации Бенгалии возглавил крестьянский союз.

По-разному сложилась жизнь и деятельность посетителей и корреспондентов Ленина после 1921 года. Некоторые из них стали коммунистами (Абдир Раб), другие отошли от активной политической борьбы, посвятили себя науке, как, например, Бхупендра Натх Датта - он внес существенную лепту в переосмысление проблем антропологии, археологии, этнографии и истории Индии в свете марксизма. Мохаммед Баракатулла умер в 1927 г. политическим изгнанныком, неогибким патриотом. Махендра Претан Сингх вернулся на родину, избирался в парламент республики Индии и по сей день делится светлыми воспоминаниями о встрече с Лениным.

Независимо от последующего жизненного пути, индийские патриоты-последователи к Ленину, его корреспонденты сыграли выдающуюся роль в разоблачении лживой антисоветской английской пропаганды, в распространении правды о советской республике и великом друге Индии Ленине, о "Ноббо Мокке" ("Новой Мекке") - Москве, о нена-

виста Ленина к империалистическим и всяким иным угнетателям, о его вере в народные массы, в их грядущую победу.

А.Пайкова, К.Друсов

В.И.ЛЕНИН НА СТРАНИЦАХ ЛИВАНСКОЙ ПРЕССЫ (1941-1969)

В декабре 1950 г. в Ленинграде в Институте востоковедения состоялось совместное заседание группы арабистов при Секторе восточных рукописей и Кафедры арабской филологии Восточного факультета ЛГУ, посвященное ливанскому журналу "ат-Тарик" ("Путь") в связи с награждением его Золотой Медалью Мира. Академик И.Ю.Крачковский рассказал о первых годах журнала, который стал выходить с декабря 1941 года и с первых же номеров начал давать правдивую объективную информацию о Советском Союзе, о его героической борьбе с фашизмом. На страницах журнала публиковались переводы художественных произведений и публицистических статей советских писателей. И.Ю.Крачковский познакомил слушателей с прогрессивной деятельностью основателей журнала - Антуана Табата, Омара Фахури и других его сотрудников.

Вслед за "ат-Тариком" в 1952 г. в Ливане появился новый журнал "ас-Сакафа аль-Ватания" ("Национальная культура"), а в следующем 1953 г. - газета "аль-Ахбар" ("Известия"). Эти новые прогрессивные органы существенно дополнили деятельность журнала, публикующего главным образом материалы общественно-политического характера. "Ас-Сакафа аль-Ватания" - журнал литературно-публицистический - регулярно из номера в номер начал знакомить арабских читателей с культурной жизнью советской страны, помещая многочисленные переводы произведений русских и советских писателей, литературные обзоры и рецензии на театральные и кинопостановки. В еженедельной газете "аль-Ахбар", помимо аналогичных материалов, которым отводится обычно шестая страница, часто публикуются подробные изложения выступлений руководителей советского правительства, переводы теоретических статей по партийному или государственному строительству, очерки истории Советского государства.¹

Большое место среди материалов, помещаемых в ливанской прессе, занимает переводы произведений В.И.Ленина. Здесь и его речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работников 28 сентября 1919 года "О задачах женского рабочего движения в советской республике"²⁾, доклад о тактике РКП 5 июля 1921 г. на III Конгрессе коммунистического Интернационала³⁾, доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.⁴⁾, отрывки из его капитальных трудов "Детская болезнь левизм в коммунизме"⁵⁾, "Империализм, как высшая стадия капитализма"⁶⁾ и др.

Иногда арабские журналисты вместо перевода прибегают к пересказу работ Ленина. Так, журнал "ат-Тарик" поместил подробное изложение пяти статей о Л.Н.Толстом под общим заглавием "Толстой, каким его видел Ленин"⁷⁾.

Подчеркивая важность ленинских работ для решения практических задач, стоящих перед арабскими народами, литераторы большое внимание уделяют качеству переводов, публикуемых на арабском языке. Показательна в этом отношении статья Ильяса Муркоса "Государство и революция" Ленина, в связи с изданием этой работы в Бейруте.⁸⁾ Отмечая важность и своевременность подобного перевода, автор подробно останавливается на отдельных его недостатках.

В ряде статей и выступлений освещаются различные стороны деятельности и характера вождя международного пролетариата. О человеке "простом как правда" говорит Х.Мурузва в статье "Из плоти и крови",⁹⁾ о первом в истории вожде, который верил в народные массы и опирался на них, пишет Надим Абд ас-Самад в статье "Ленин - государственный деятель",¹⁰⁾ о Ленине - "пророке свободы и счастья" для всех угнетенных народов, говорит Джордж Ханна, выступавший в Советском культурном центре в Бейруте.

Среди этих многочисленных материалов заслуживает особого внимания статья Хусейна Мурузва "Ленин и проблема национального освобождения"¹²⁾, в той ее части, где автор подходит к чрезвычайно важному вопросу о необходимости рассматривать личность вождя во всей сложности и многообразии различных черт его характера, как человека, политического и государственного деятеля, мыслителя и ученого.

"Мы, писатели, - говорит Хусейн Мурузва, - допускаем подчас погрешность против истины в изображении исторических личностей,

участвовавших в величайших событиях. Сознательно или невольно мы расчленяем тот или иной многогранный образ, отделяя одну его грань от других, словно каждая из граней есть независимо существующая личность. И это крайне удивительно. Ведь величие великого человека и состоит в совокупности его отличительных черт и качеств, взаимосвязанных, взаимодействующих, взаимодополняющих и переходящих один в другие".¹⁾ Далее, обращаясь к словам Генриха Манна о том, что "Ленин любил людей не меньше чем дело, которое он защищал", Х.Мурузва пишет: "Как можно отделять любовь Ленина к людям от его любви к делу, которое он защищал? Разве дело людей и дело, за которое боролся Ленин - это не одно и то же? Разве можно сказать, что он любил людей всем сердцем, а дело, которому служил, - другим сердцем? Здесь не должно быть разделения: одна любовь, одно сердце, одна проблема".

Эта мысль ливанского критика имеет большое методологическое значение не только для арабской литературы, так как и у нас еще бытует представление, будто о Ленине - вожде должна рассказывать история, а задача искусства - в изображении Ленина-человека. Выделять какую-либо одну сторону этого сложного характера - значит выбрать путь упрощения, отказаться от диалектики в его познании.

Особое внимание заслуживают публикуемые в прогрессивной ливанской прессе публицистические статьи и очерки, рассматривающие отдельные проблемы ленинизма в связи с насущными вопросами политики, экономики и культуры арабских стран: "Ленин и национально-освободительное движение"¹³, "Ленин и мирное сосуществование"¹⁴, "Ленин - первый марксист, давший полный анализ империализма".¹⁵ Среди авторов этих статей и очерков - видные общественные деятели, художники и литераторы арабских стран, такие как известный критик и историк литературы Хусейн Мурузва, хорошо знакомый советским читателям ливанский писатель Хорх Ханне, поэт и художник Радван ам-Шахаль, ливанский адвокат и общественный деятель Хасиб Нимр и многие другие, а также советские журналисты М.Вестин, М.Бетурич, А.Холодов, Л.Фетеева и др.¹⁶

Из года в год апрельские номера журналов и газет отмечают годовщину рождения Ленина, посвящая этой дате различные материалы, знакомящие арабских читателей с жизнью и деятельностью великого вождя. Здесь и биографии¹⁷ и рассказы старых большевиков о

встречах с Лениным¹⁸, характеристика его личности, данная художниками и писателями Запада, посетившими Советское государство на заре его становления, воспоминания о встречах с Лениным Моу, Уэллса.¹⁹

В настоящем обзоре мы не касаемся художественных произведений, оригинальных и переводных о В.И.Ленине, публиковавшихся на страницах прогрессивной ливанской прессы, так как этот материал подробно освещен в статьях Г.И.Марбетова и А.Ходикова.

Библиография

- 1) ل. بريجنيف. اللينينية راية النضال العظيم لانصار الكادحين. الطريق، ١٩٥٩، العدد ٧، ص ٥٢-٥٩.
- 2) ف. لينين. عندما تحرر المرأة. الطريق، ١٩٥٠، العدد ٧، ص ٧-٦.
- 3) ف. لينين و شعوب الشرق. تفرير عن خطة الحزب الشيوعي الروسي القى في مؤتمر الثالث للاهمية الشيوعية. الاخبار، ١٩٦٧، ٤ نيسان.
- 4) ف. لينين. قسم من خطاب القاہ لينين في مؤتمر بلدان الشرق السوفياتي الاخبار، ١٩٥٩، ١٩ نيسان.
- 5) ف. لينين. مقتطفات من مؤلف لينين الشهير «مرضى الطفولة» للسياسة» في الشيوعية». الاخبار، ١٩٦٧، ٢٧-٢٥ نيسان، ١٩٦٩، ١٢-١٩ كانون الثاني.
- 6) ف. لينين. مركز الانتاج والاحتكارات. فصل من كتاب «الاستعمار اعلى مراحل الرأسمالية». الطريق، ١٩٥٦، العدد ١٥/٩، ص ٦٦-٧٥.
- 7) لينين كيف يرى تولستوي. الطريق، ١٩٦١، العدد ٢، ص ٧٩-٥٥.
- 8) الياس مرقي. «الدولة والثورة» تاليف لينين. نقد الترجمة. الثقافة الوطنية، ١٩٥٥، العدد ٨، ص ٤٧-٤٩.
- 9) حسين مروة. من لحم ودم. تحية لذكرى لينين. الاخبار، ١٩٦٥، ٤ نيسان.
- 10) نديم عبد الصمد. لينين رجل الدولة. الاخبار، ١٩٦٧، ٢١ ايار.
- II) جورج حنا وحسين مروة ورضوان الشهابي يتحدثون عن لينين. الاخبار، ١٩٦٤، ٨ نيسان.
- 12) حسين مروة. لينين وقضية التحرر الوطني. الثقافة الوطنية، ١٩٥٤، العدد ١، ص ٧٦-٤٥.
- 13) نديم عبد الصمد. لينين وحركة التحرر الوطني. الاخبار، ١٩٦٦، ١ ايار.
- 14) حسين نهر. لينين والتعايش السلمي. الطريق، ١٩٦٥، العدد ٧، ص ٤٨-٥٥.

- لينين تولد ماركسي اعطى تمليلا كاملا عن الاستعمار . الاخبار ، ١٩٥٧ ، ٢١ نيسان (15)
- ٢٠ فيسكين . لينين في النظرية والنشاط العملي . الثقافة الوطنية ، ١٩٥٠ ، العدد ٤٤ ، ص ٣٣٣ (16)
- ٢٠ باقرين . لينين واضع فكرة التعايش السلمي . الاخبار ، ١٩٦٠ ، ٢٤ نيسان
١. خولودوف . لينين والفض . الطريق ، ١٩٦٢ ، العدد ٥ ، ص ٥٢ - ٥٦ .
- ك. فوتيفا . ذكريات عن لينين . الاخبار ، ١٩٦٧ ، ٢٧ نيسان .
- موجز تاريخ حياة مؤسس دولة اشتراكية في العالم . الاخبار ، ١٩٥٦ ، ٢٢ نيسان (17)
- لمسة عن حياة لينين . الاخبار ، ١٩٦٧ ، ٢٧ نيسان
- فلاديمير لينين في حياته وعمله . الاخبار ، ١٩٦٥ ، ٢٥ نيسان .
- ن. كروبيسكايا . حديث مع لينين في يوم ميلاده ٥٥ . الاخبار ، ١٩٥٨ ، ٢٥ نيسان (18)
- ذكريات عن لينين . الاخبار ، ١٩٦٦ ، ٦ تشرين الثاني .
- لينين القائد والانسان . الاخبار ، ١٩٦٨ ، ٢١ نيسان .
- محمد عيتاني . رسوم في دفتر لينين . الاخبار ، ١٩٦٥ ، ٢٥ نيسان (19)

И. П. Петрушевский

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Богатейшее и исключительно разнообразное по содержанию и предметам исследования научно-теоретическое наследие великого В. И. Ленина содержит, в частности, научные выводы и обобщения, весьма важные для проблемы изучения истории феодальных обществ Ближнего и Среднего Востока, их закономерностей и специфики. Эти положения В. И. Ленина являются дальнейшим ценным развитием того, что было раньше сделано по данной проблеме К. Марксом и Ф. Энгельсом. Эта сторона творческого наследия В. И. Ленина до сих пор еще не полностью изучена в приложении к исследованию данной проблемы.

В своем классическом труде "Развитие капитализма в России" - в главе II - В.И.Ленин дал блестящую характеристику феодального хозяйства оседлых отрогов, отношений между его двумя основными антагонистическими классами и феодального поместья.¹ Некоторые советские историки до сих пор не делают ясного различия между феодальной зависимостью и крепостничеством, которое согласно выводам К.Маркса² и Ф.Энгельса³, является лишь наиболее законченной и тяжелой формой феодальной зависимости. Развивая их выводы и указав, что общим признаком любого феодального общества является внеэкономическое принуждение при присвоении прибавочного сельскохозяйственного продукта феодалом и, следовательно, личная зависимость крестьянина от феодала-землевладельца, В.И.Ленин разъяснил: "Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неравноправностью крестьянина"⁴. Уже Маркс связывал крепостничество с барщиной - господством отработочной ренты.⁵ В.И.Ленин подробно исследовал эту связь на базе анализа крепостного поместья в России, основанного на барщинном хозяйстве. В.И.Ленин пришел к выводу, что "для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель... был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки"⁶.

Этот вывод имеет очень важное значение для изучения феодализма в Средней Азии, Иране, Азербайджане, Ираке и Сирии. Изучение источников приводит к выводу, что существовавшая в этих странах феодальная зависимость до XIII в. (до монгольского завоевания, вызвавшего глубокий кризис всей феодальной экономики этих стран) не принимала формы прикрепления крестьян к земле с запрещением права перехода. Эта особенность "мусульманского феодализма" получает объяснение в свете приведенного выше ленинского вывода: крепостничества в названных странах не было, поскольку в них не было крупного господского хозяйства, основанного на барщинном труде; там крупное феодальное землевладение сосуществовало с мелким парцеллярным землепользованием держателей - зависимых крестьян.

Ленинский анализ крепостного поместья позволяет нам объяснить и другую особенность "мусульманского феодализма" в названных выше странах - господство там продуктовой ренты как ведущей формы ренты на протяжении почти всего средневековья. В.И.Ленин указал, что в России отработочная рента держалась "едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена

Русской Презвды)⁷. Из этого вытекает, что тот последовательный порядок смены периодов господства трех форм феодальной ренты — отработочной, продуктовой и денежной, какой характерен для "классического" феодализма Франции и ряда других стран Западной Европы, является не общим законом развития феодальной формации, но специфической особенностью экономической истории этих стран.

Ленинский вывод о том, что в России отработочная рента и связанная с ней крепостническая форма феодальной зависимости господствовали на протяжении всей эпохи феодализма, показывает, что разные формы феодальной зависимости могут появляться, в зависимости от историко-экономических условий той или иной страны, на разных этапах (или же одна и та же форма может сохраняться на всем протяжении) эпохи феодализма.

Так, в противоположность Западной Европе и России, в названных странах "мусульманского Востока" на раннем этапе феодализма зависимость крестьян приняла форму "простого оброчного обязательства" (К.Маркс). Эту форму зависимости мусульманское право трактовало как надольную аренду земли, срочную (что указывает на отсутствие запрещения перехода) или "вечную" (наследственную). Анекдот надольной аренды эпохи феодализма, как формы феодальной зависимости дан Лениным⁸. Впоследствии эта зависимость постепенно принимала здесь более тяжелые формы, вплоть до закрепощения в XII в., однако все же в смягченной форме (прикрепление крестьянина к земле, а не к личности владельца, без права продажи его отдельно от земли) по сравнению с крепостничеством в России.

---

1) В.И.Ленин, Развитие капитализма в России, Полн. собр. соч. т.3, стр.184-246.

2) К.Маркс, Капитал т.III, в кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс, Сочинения, изд. второе, т.25, ч.II, М., 1962 г., стр. 352.

3) Ф.Энгельс, Крестьянская война в Германии в кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс, Соч., т.7, М., 1956, стр. 356-357, 432-433; Ф.Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Соч., т.21, стр. 56.

4) В.И.Ленин, Полн. собр. соч., т.3, стр. 184-185.

5) К.Маркс, Капитал, т.III, Соч., т. 25, ч.II, стр.852-858; Капитал т.I, Соч., т.23. стр. 248-249.

6) В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т.8, стр. 184.

7) Там же, стр. 199.

8) Там же, стр. 198-194.

Б.А.Серебряков

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ОБРАЗНОСТИ КИТАЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЭЗИИ

Сознавая важность требования научного диалектико-материалистического метода о выделении того звена, с которым связаны остальные категории поэтики, советские ученые все больше внимания уделяют художественному образу. "Центральным понятием, имеющим, в частности, определяющее значение для дальнейшей систематизации понятий науки о литературе является понятие образа или - точнее и шире - образности" (Л.Тимофеев). Без внимательного и тщательного изучения проблемы образа трудно представить подлинную научную разработку истории восточных литератур, ибо решение важнейших вопросов метода, стилей, изобразительных средств и пр. зависит от изученности образной структуры той или иной литературы.

Ленинская теория отражения, выражающая сущность диалектического процесса познания объективной истины, позволяет выработать критерии для соотнесения художественных образов, созданных китайскими поэтами разных веков, с действительностью. Можно положительно оценить мнение о том, что "в известном смысле художник делает упор не на "опыт факта", а на "опыт отношения", и именно этот неповторимый и несущий в себе атомы гуманизма опыт отношения и является той ценнейшей информацией, которую содержит образ" (Н.Борев).

Однако при рассмотрении китайской средневековой лирики не стоит сбрасывать со счета и те детали реального мира, которые содержатся в стихотворениях и которые порой сливаются в целостную картину. Не следует ограничиваться тематическим анализом, но и не надо от него отказываться, так как в истории китайской поэзии крупные поэты всегда выступали открывателями новых тем

и взорили в литературу ранее столь широко не отображавшиеся пласты бытия, явления жизни (Тао Вань-мин — тема сельского труда, Ду Фу — тема народного горя, Бо Цзэй-и — тема тяжелого труда крестьян, Ду Ю — тема борьбы с иноземными захватчиками). Обогащение "опыта факта" сопровождалось более полным раскрытием внутреннего состояния поэта, выявлением еще не показанных в поэзии душевных качеств человека.

Для понимания характера образной структуры средневековой поэзии Китая методологически крайне важно указание В.И.Ленина на то, что "художник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии" (В.И.Ленин, Полн.собр.соч., т.47, стр.148). В истории китайской поэзии не так уже много авторов типа Ван Ань-ин или Ли Гоу, взгляды которых во многом близки к материалистическим, большинство же поэтов находилось под воздействием идеалистических учений.

Поскольку всякая философия обладает гносеологическими корнями, поэты средневекового Китая могли многое познать в окружающей действительности, в духовном мире человека. Потому образы средневековой китайской поэзии наделены в такой сильной степени познавательной функцией. В китайском поэтическом образе сплавлены воедино личный опыт художника, порожденный его практической деятельностью, наблюдениями над жизнью, и общественный опыт, обусловленный бытовыми культурными традициями.

В.И.Ленин подчеркивал, что "без "человеческих эмоций" никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины" (В.И.Ленин, Полн.собр.соч., т.25, стр.112). Важно обратить внимание на то, что у поэтов, которые "искали истину", свое место в жизни, пути к улучшению дел в государстве, эмоциональное начало как составная часть структуры образа проявляется в значительной мере (Тао Вань-мин, Ли Бо, Ду Фу, Су Ши). Те же авторы, которые исходили из якобы неизменных истин, отдавали предпочтение поучению, проповеди определенных идей, в своих стихотворениях увеличивали удельный вес рационального при подчас полном отказе от эмоционального. Примером могут служить проникнутые неоконфуцианскими представлениями некоторые произведения сунских литераторов.

Конечно, рациональное — это не только идея, прямо, в лоб излагаемая, но и рассудочное отношение к форме, которая рождается в таком случае как результат широкой образованности, начитанности.

В подобной, пусть порой даже искусной, стихотворной конструкции нет или крайне мало эмоционального и, следовательно, теряется художественность, образность. Показательна в этом отношении творческая практика Хуан Тин-цзяня и других представителей "цзяньсийской поэтической школы".

Диалектико-материалистический принцип: "Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его" (В.И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 194) объясняет характер художественного образа, представляющего собой сложную структуру, части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены. Китайский средневековый стих зачастую и выступает как образ, являющийся "системой взаимоотношений" (П. Палевский). При наблюдаемом в китайском стихотворении известном тяготении отдельных строк (в четверостишиях) и двустиший к самостоятельности особенно важно автору добиться целостного впечатления от всего произведения. Как сказано в "Чжэньчжай шихуа" Ли Чжун-хуа: "Если в стихотворении семь строк (воспринимаются как) голос отважного мужа, а одна — как голос красавицы, то неудачно все произведение".

В архитектонике китайского поэтического образа важная роль принадлежит и звуковой организации стиха, основанной на определенном числе иероглифов в строке, на чередовании тонов, использованием рифмы, цезуры, и композиционной структуре, предусматривающей необычайно широкое введение параллелизмов и учет правила: "начало — развитие — поворот — заключение", и разнообразным тропам, и литературным и историческим намекам. Поэтический образ создается средствами языка и потому слово не только участвует в организации образа, но и подпадает под воздействие эстетического начала, лежащего в основе произведения.

О. Л. Фимман

В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ ИДЕОЛОГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Проблема взаимодействия между мировоззрением писателя (его философскими взглядами, его видением мира) и художественными образами его произведений не может решаться однозначно и прямолинейно; полный отрыв мировоззрения писателя от его творческого

метода научно бесплоден; с другой стороны, полное отождествление мировоззрения и творческого метода писателя приводит к мнимому равенству между идейным замыслом и результатами творчества.

История литературы знает множество примеров сложной зависимости между идейной позицией писателя и его художественным творчеством (творчество Бальзака, чьи легитимистские взгляды не помешали ему объективно изобразить историю французского общества своего времени; творчество английского сатирика начала XIX века Уильяма Коббета, которого Марко называл "инстинктивным защитником народных масс против посягательств буржуазии",¹ и который сам себя считал борцом за интересы промышленной буржуазии; наконец, творчество Л.Н.Толстого).

2. При разработке вопросов о взаимоотношении мировоззрения и метода писателя центральной является проблема отношения художественного метода к изображаемой писателем действительности. Художественный метод — это совокупность основных принципов, определяющих подход писателя к действительности, отбор им фактов, их специфическое освещение. Мировоззрение же является опосредствующим звеном между действительностью и творческим методом писателя.²

3. В своем труде "Материализм и эмпириокритицизм" В.И.Ленин затрагивает сложные проблемы эстетики в свете материалистической теории познания. В цикле ленинских статей о Л.Н.Толстом разработка вопросов о правильном понимании гносеологической природы литературы и о применении к искусству принципов теории отражения носит уже практический характер. В.И.Ленин дал блестящий анализ творчества Толстого, подчеркнув объективное историческое содержание художественного творчества и специфическую природу литературы, как особой формы отражения действительности.

Исходя из представления о художественном творчестве как о своеобразном отражении действительности, В.И.Ленин по-новому подошел к творчеству Толстого; он показал, что противоречия мировоззрения и творчества Толстого явились выражением объективных жизненных противоречий в условиях существования и в настроениях крестьян в пору массового революционного движения крестьянства 1861—1905 г.г., с одной стороны, а с другой, — противоречий внутри мировоззрения самого Л.Н.Толстого. В то же время В.И.Ленин показал, что подлинное художественное творчество имеет не только

субъективное, но и более широкое и важное объективное содержание, являясь отражением определенных сторон жизни народных масс.

4. Сложная опосредствованная связь идеологии писателя и его художественного метода хорошо прослеживается при изучении творчества писателей эпохи Просвещения.

Изучение литературы эпохи Просвещения плодотворно и для показа того, что сходные идейные позиции могут порождать различные творческие методы (метод просветительского реализма в творчестве Филдинга, сентиментализм просветителей Руссо и Голдсмита), и для подтверждения тезиса о том, что в пределах одного творческого метода возможны разные принципы эстетического отношения к действительности (оптимизм Шефсбери, суровая критика английской действительности Свифтом и т.п.).

5. В статье "От какого наследства мы отказываемся?" (1897г.) В.И. Ленин дал классическую характеристику основных черт Просвещения и в п е р в ы е показал, что Просвещение имело место не только в Западной Европе, но и в России. Тем самым был открыт путь к расширению географического и хронологического диапазона Просвещения.

В настоящее время советская наука, изучая проблемы Просвещения, привлекает материал, не только касающийся идеологии и литературы Просвещения в Западной Европе, но и аналогичных явлений в странах Восточной Европы, Азии и Америки.

6. Включение литератур Востока в общемировую картину литературного процесса, изучение таких крупных культурно-исторических явлений, как э п о х и Возрождения и Просвещения с привлечением фактов из истории восточных литератур, обогащают наше представление о взаимосвязи идеологии и художественной литературы демонстрацией того факта, что сходные идейные течения вызывают к жизни в разных углах земного шара и сходные литературные явления (при всей их неповторимой специфике).

7. Китайская просветительская проза некоторыми своими чертами сопоставима с просветительской литературой Западной Европы: в романе У Цзин-цзы "Неофициальная история конфуцианцев" много общего с произведениями европейского просветительского реализма (типа романа Филдинга); "Сон в красном тереме" Цао Сюэ-циня близок к роману "воспитания чувств", к сентименталистскому направлению европейской просветительской литературы; "просветительские

иллюзии", "просветительский оптимизм" Цзи Дия, его борьбе за улучшение нравственных устоев общества сближает его "Заметки из хижины Великое в мелом" с сатирико-нравоучительными журналами Стиля и Аддисона; творчество Вань Мэя, противопоставившего консерватизму мышления, лицемерию и ханжеству официальной идеологии реабилитацию земной, чувственной природы человека, также сходно с аналогичными явлениями в произведениях европейских просветителей (хотя здесь труднее однозначно определить родственное явление).

-
- 1) К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, 2 изд., т.9, стр.196.
  - 2) См.: Д.Борев. Введение в эстетику. М., 1965, стр.196.

В.А.Якобсон

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

1. Постановка вопроса.

1. Ленин отмечает, что "Едва ли найдется другой вопрос, столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве.

...Вопрос этот так усложнен и запутан потому, что он, уступая в этом отношении только основаниям экономической науки, затрагивает интересы господствующих классов больше, чем какой-нибудь другой вопрос" (В.И.Ленин, Полн.собр. соч., т.39, стр.66).

К этому можно добавить, что вопрос о сущности права вполне может соперничать по тем же причинам с вопросом о государстве.

2. Буржуазная наука выдвинула ряд теорий государства и права, но все они имеют идеалистический или даже религиозный характер.

Ленин, последовательно отстаивая в полемике с народниками позиции исторического материализма, указывает, что государство возникает вместе с классовыми противоречиями и как результат непримиримости этих противоречий.

Основные признаки государства:

- а) Наличие публичной власти, стоящей над обществом и до известной степени обособившейся от него. Эта публичная власть опирается на специальные органы (войско, полиция, суд, бюрократия), содержащиеся на средства, взимаемые с общества в виде налогов и повинностей.
- б) Территориальное разделение граждан, пришедшее на смену прежнему родо-племенному.

Публичная власть всегда является властью определенного класса и защищает интересы именно этого класса, поддерживая выгодный для него порядок. Воля господствующего класса выражается и закрепляется в праве.

В. Ленин указывал, что методы исторического материализма, давшие столь блестящие результаты при анализе и объяснении капиталистической формации, должны быть распространены и на остальные общественные формации. При этом Ленин неоднократно подчеркивал необходимость тщательного анализа фактов, строгого историзма при решении той или иной проблемы.

II. Государство на Древнем Востоке.

1. В советской науке широко распространено определение древневосточного государства как "восточной деспотии". Ее основными признаками считаются:

- а) сохранение сельской общины и отсутствие частной собственности на землю;
- б) сильная степень централизации и неограниченная власть единоличного наследственного главы государства (монарха);
- в) обожествление этого монарха;
- г) сосредоточение в его руках управления, суда, законодательства и командования армией.

(См. например, учебник "Теория государства и права", М. 1967).

2. Изучение новейших фактических данных показывает, что это определение нуждается в некоторых уточнениях.

а) Частная собственность на землю возникает, например, в древней Месопотамии очень рано (возможно, еще в конце III тыс. до н.э.), а сельская община постепенно утрачивает большинство своих функций, превращаясь в чисто фискальную единицу.

б) Степень централизации сильно различалась в разные периоды. В большинстве случаев власть местных правителей была очень значительной. Да и в центральной власти очень длительное время сохраняются пережитки военной демократии (народное собрание и совет старейшин). В Хеттском царстве совет знати имел право даже судить царя. В Ассирии до самого конца ее истории царь, вступая на престол, заключал "договор" с народом. В Урарту царская власть опиралась на договор царя с общинами. Власть царя в Месопотамии в принципе никогда не была наследственной, но опиралась на "божественное избрание". Принцип легитимности не был известен.

в) Обожествление царей при жизни существовало только в Египте.

г) Имеющиеся данные позволяют думать, что царь не был (по крайней мере, в Месопотамии) главой суда. По-видимому, именно судебные функции наиболее длительное время сохранились за общинными властями.

д) Царь был окружен бесчисленными ритуальными ограничениями.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что вопрос о характере публичной власти на Древнем Востоке требует дальнейшего изучения.

III. Древневосточное право.

1. Изучение права позволяет сделать ряд очень важных выводов социально-политического и идеологического характера, вследствие чего ему следует уделить особое внимание.

2. Правовые памятники следует подразделить на три категории:

- а) памятники материального права (законы),
- б) памятники правовой практики (различного рода юридические документы),
- в) памятники правовой доктрины.

При изучении и сопоставлении правовых памятников следует помнить, что материальное право и правовая доктрина отличаются значительной консервативностью по сравнению с правовой практикой, ибо эту последнюю подталкивают потребности экономики. Доктрина же и материальное право испытывают на себе сильное воздействие традиции и, в частности, социальной психологии.

8. В качестве примера такого разрыва между социальной психологией и экономическими потребностями можно привести развитие частной земельной собственности в Старовавилонский период. Хотя отчуждение земли практикуется здесь очень широко, земля еще не рассматривается как обычный предмет купли-продажи, вследствие чего не возникает еще представление о средней цене земли. Общественное мнение осуждает эту практику, а цари вынуждены время от времени издавать указы о "справедливости", т.е. о возвращении определенных категорий отчужденных земель их прежним собственникам. Но эти меры, разумеется, не могут воспрепятствовать действию экономических законов, и обезземеление общинников идет быстрыми темпами.

П. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

И.Д.АМУСКИ

К 4Q ТЕСТИМОНΙΑ

В кумранском оборнике цитат мессиянско-эсхатологического содержания - 4Q Testimonia - (издан Аллегре в 1956 г. и переиздан им без изменений в 1968 г. См. J.M.Allegro, Further Messianic References in Qumran Literature, JBL, LXXV, 1956, p.III, pp.182-187 = 4Q 175, DJD V, 1968, pp.57-60) приведена цитата из кн. Второзакония 33,9, которая в 4Q Test 15-17 гласит: кто говорит эту оловку (I6) и матери своей: "Я не знаю тебя" (יְהוָה לֹא יָדָעְתִּי), кто братьев своих не признает и синовей своих не (I7) знает, потому что он соблюдает слова Твои и завет Твой охраняет». В кумранском тексте особое внимание привлекает различие: יְהוָה לֹא יָדָעְתִּי - יֵשׁוּעַ אֵלֹהֵינוּ - "Я не знаю тебя", вместо масоретского чтения: י'ל'קל קל - "Я не видел его".

В библейской критике этот стих считается несправным, главным образом, по метрическим соображениям. Все предлагавшиеся emendationes (например, вычеркнуть слово וְיֵשׁוּעַ אֵלֹהֵינוּ - "и матери его") и конъектуры не касались масоретского чтения י'ל'קל קל. В полном согласии с этим масоретским чтением, находится сирийская версия, а с некоторыми вариациями - и другие версии: Септуагинта, самаритянская и арабская версии, Таргум Йерушалми. И только в Вульгате сохранилось чтение, совпадавшее с кумранским: Nescio vos!

Таким образом, кумранская цитата, подтвердившая в целом истинность масоретского текста, вместе с тем обнаружила любопытное совпадение в чтении кумранском и Вульгаты против всех остальных версий. Этот факт указывает на необходимость учета всех различий, имевшихся в Вульгате, при осуществлении планируемого нового критического издания Ветхого Завета.

Рассматриваемый текст 4Q Test. 15-17 = Dt. 33,9 представляет интерес и в другом отношении. 4Q Testimonia является, по-видимому, одним из тех дохристианских сборников библейских цитат, которые имели хождение в раннехристианских кругах и которыми пользовались авторы новозаветных произведений. В этой связи было обращено внимание, что содержащаяся в 4Q Test. 5-8 цитата из Dt. 18, 18-19 в Новом Завете применена к Иисусу Христу (Лца 3,20-23; ср. 7,37; Ян 1,45). Приведенный в 4Q Test. 9-13 знаменитый оракул Валаама (Изм.24, 15-17), истолкованный в кумранской литературе (ср. УП, 18-20) применительно к "Истолкователю Торы" (= Учитель праведности?), в Новом Завете также применен к Иисусу Христу (Евн. 22,16; ср. Мт.2,2).

Третий абзац этого документа (4Q Test. 14-20), содержащий цитату из Dt. 33,8-11, не привлек к себе достаточного внимания. Между тем содержащийся в этой цитате мотив отречения от родителей и всех родных представляет несомненный интерес, так как нашел свое отражение и в кумранской литературе, и в Новом Завете.

В 1q Нод.IX, 29-30 автор этого гимна говорит, что он от чрева матери посвящен богу. Несколько ниже автор этого гимна, обращаясь к богу, говорит, что "отец мой не знал меня (יְיָוִתִי מִבְּרֵחַ אִמִּי) и мать моя на тебя меня оставила, ибо ты отец для всех [сынов] твоей правды" (1q Нод.IX, 34-35). (Следует также отметить, что согласно CD XII,9 надзиратель общины (מִשְׁרָאֲדֵיךָ) казает членов общины как отец своих сыновей). Таким образом, и в свитке Гимнов и в 4Q Test. 15-16 = Dt.33,9 проводится сходная идея превосходства духовного отцовства над отцовством физическим и утверждается приоритет familia dei над естественным родством. Достаточно вспомнить о роли ааронитов в идеологии и практике кумранской общины и о том, что Учитель праведности был священником, чтобы убедиться, что идеи, выраженные в 1q Нод, переключаются с Dt.33, 8-11.

В синоптических Евангелиях прослеживается непосредственное

влияние Дт. 33,9 на земную биографию Иисуса Христа и существенные стороны его учения.

В двенадцатилетнем возрасте Иисус ушел от своих родителей, усиленно искавших его (Лк. 2,42-46). Когда родители нашли Иисуса в Иерусалиме и мать обратилась к Иисусу со словами упрека (Лк. 2, 49), Иисус ответил ей: "Зачем было вам искать Меня?.." (Лк. 2,49). Позднее, когда Иисус говорил с народом и ему было сообщено, что мать и братья желают говорить с ним (Мт. 12,46-47), "Он же сказал в ответ говорившему: кто мать Моя, и кто братья Мои? И указав рукой своей на учеников своих, сказал: вот, мать Моя и братья Мои..." (Мт. 12,48-50; = Мк. 3,31-35 = Лк. 8,19-21).

О некоторых из последовавших за Иисусом Христом учениках его сообщается, что предварительно они разрывали свои семейные связи. Так, призванные Иисусом братья Иаков и Иосиф Зеведеевы оставили отца своего в лодке и последовали за Иисусом (Мт. 4,22 = Мк. 1, 20; ср. Мт. 19,27 = Мк. 10,28; см. Мт. 19,29 = Мк. 10,29-30). Показательна непреклонность, с которой Иисус отказывает своим ученикам даже в разрешении похоронить отца (Мт. 8,21-22 = Лк. 9, 59-60) или проститься с родными (Лк. 9, 61-62), прежде чем следовать за ним.

Наиболее четко этот принцип сформулирован у Матфея: «ибо я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее; и враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мт. 10, 35-37 = Лк. 14,26). Хотя указанное место не является прямой цитатой из Дт. 33,9, перекичка здесь настолько очевидна, что не случайно в критических изданиях Нового Завета источником Мт. 10, 37 = Лк. 14,26 указан именно Дт. 33,9.

Разумеется, близость новозаветных и кумранских идей, вытекающих из Дт. 33,9, может быть обязана общности библейских источников. Однако следует иметь в виду, что в талмудической традиции текст Дт. 33,9 осмысливается и толкуется в совсем ином аспекте, чем в кумранской и новозаветной литературе. Между тем и ессеи-кумраниты и позднее христиане сходным образом, хотя и не без различий, применяют заключенную в Дт. 33,9 идею к своей специфической идеологии и социальной практике. Чуждая кудалезу идея отречения от родных и близких соответствовала монашескому образу жизни ессеев

- в описании Филона, Плиния и Флавия и, по-видимому, кумранитов общины Устава (1QS). Если к тому же учесть, что и другие цитаты, приведенные в 4Q Test., как выше было отмечено, в Новом Завете применялись к Иисусу Христу, то трудно исключить предположение, что 4Q Test. принадлежал к кругу тех дохристианских мессианско-эсхатологических сборников библейских цитат - *testimonia*, которые обрабатывались в раннехристианских кругах. В этом случае приведенная в 4Q Test., 15-17 цитата из Dt. 33,9 могла способствовать кристаллизации идеи *e familia dei*.

Ч.Г.-А.Байбурди, В.Е.Борцовский

**ИСКУПИТЕЛЬНОЕ ПОСОЛЬСТВО ХОСРОВ-МИРЗА В РОССИЮ
В 1829 г. И ЕГО ДНЕВНИК - "РУЗНАМА-И САФАР-И
ПИТЯРБУРГ".**

О посольстве, отправленном из Ирана с извинениями за убийство А.С.Грибоедова, много писалось в русской повременной печати, ему посвящено несколько статей отечественных, западноевропейских и иранских ученых, попало оно и на страницы романа В.Н.Тинякова "Смерть Вазир-Мухтара". Однако, ирановеды-историки не занимались этим посольством, и потому, очевидно, незамеченными оказались два обстоятельства: 1. В состав посольства входили люди, сыгравшие видную роль в общественной и культурной жизни Ирана, и пребывание их в России отразилось на их жизни и карьере; 2. Посольство вело дневник, рукописи которого сохранились.

Перечислим некоторых членов посольства: Мирза Мас'уд Ансари Гармруди, занимал различные должности при Аббас-Мирзе, не раз встречался с А.С.Грибоедовым, стал министром иностранных дел Ирана; правил дневник посольства и поэтому ему иногда ошибочно приписывают авторство (см.П); очевидно, написал какой-то исторический труд, отрывок из которого зафиксирован у Стора, стр.338, № 434. Мухаммад-Таки-хан, впоследствии знаменитый садр-а'зам Амир-и Кабир. Мирза Мухаммад-Салих Ирази, будущий издатель первой иранской газеты, вывезший с посольством в Иран "полную литографию и мастера литографа", из Петербурга, автор двух важных географических трудов. Мирза Хаджи Баба, давший имя герою

знаменитого романа Джеймса Морьера, один из первых европейски образованных врачей в Иране, будущий лейб-медик Мухаммад-шаха. Бартолеми Семини, француз, ставший генералом иранской службы и оставивший ценные записки, часть которых имеется в Архиве востоковедов ИО ИВ АН СССР.

Автором дневника посольства был секретарь Мирзы Мас'уда Мирза Мустафа б. Насраллах Афшар, в 1279/1862-63 г. ставший управляющим делами Мазендарана (с титулом Баха ал-Мулк), а с 1281/1864-65 г. - министром юстиции.

Очевидно, имелось довольно много списков дневника; нам известны 3 рукописи: а) Рукопись Британского музея, От. I2639, I268/1851-52 г., 189 лл. (I); б) ИГУ, № 680, 20 ви-а-хиджа 1271/5. IX. 1855 г., 188 лл. (II); в) ИИД Ирана, 1282/1865-66 г., перепечатана и частично воспроизведена факсимиле в (III). Подлинное название дневника - "Рузнама-и сафар-и Питирбург", титулы "Сафарнама-и Мирза Мас'уд", "Ахвалат-и сафар-и Мирза Мас'уд" - не авторские. Редакции просмотренных нами текстов "б" и "в" отличаются друг от друга; первый из них ближе к авторскому оригиналу.

Согласно предисловию дневник должен был состоять из 6-и фаслей (глав), но в списках "б" и "в" имеется их всего 4, причем содержание 5-го включено в 4-ый, а 6-ой, посвященный обратному пути посольства, отсутствует. Названия глав: 1. "Описание путешествия от Табриза до Петербурга". 2. "О днях, проведенных в Петербурге". 3. "Страны, входящие в состав Российской державы, их положение и количество населения; о том, каковы каждая страна и ее народ". 4. "О России, нравах и обычаях ее населения". Главы разбиты на разделы, снабженные заголовками.

Дневник интересен как для историков России, так и для иранистов: это одно из немногих свидетельств о России XIX в., оставленных персами; в дневнике подмечены многие факты русской жизни, ввиду их общности не привлекающие внимание русских наблюдателей; выбор фактов и, особенно, манера их освещения ярко характеризуют мировоззрение и психологию образованного перса XIX в., его восприятие европейских наук, промышленности, административного устройства, образа жизни и т.п.; наконец, это один из памятников географической литературы, оказавшей в XIX в. большое влияние на развитие персидской прозы, в том числе и художественной.

Критический текст и комментированный русский перевод "Рузанама-и сафар-и Питирбург" готовятся авторами этой заметки.

БИБЛИОГРАФИЯ:

- (I) - G.M.Meredith-Owens, Handlist of Persian manuscripts, 1895-1966. /Л./, 1968, с.49.
- (II) - К.Залеман и В.Розен, Список персидским, турецко-татарским и арабским рукописям Библиотеке И.СПБ. Университета, СПб., 1888, стр.16.
- (III) - Намрӯйа-и вазърат-и умӯр-и ҳариджа, Ш/3, шаҳривар 1345/1966, стр.179-322.
- Стори - C.A.Storey, Persian literature. A bio-bibliographical survey, I, L., 1927-39.

М.В.Воробьев

ИСТОРИОГРАФИЯ В ЧЖУРЧЖЭНСКОМ ГОСУДАРСТВЕ ЦЗИНЬ (1115-1234)

Историография в чжурчжэньском государстве Цзинь развивалась чиновниками государственных учреждений и историками, не состоящими на службе.

Как и в Китае, государственная историография отнюдь не ограничивалась рамками чисто научных изысканий. Государственное, политическое и пропагандистское знание истории всячески подчеркивалось. Служащие историографы должны были в своих трудах дать оценку предшествующей династии, прославить правящую династию и ее основателей, вести всю текущую, протокольную и архивную работу, подавать прямые и косвенные советы императору в государственных делах, подкрепляя эти советы материалами исторического прошлого, трактуемого с позиций конфуцианства.

Для осуществления этих задач в стране существовала коллегия государственной истории (гошикань) и протокольная коллегия (цзичжувань), последняя - для фиксации ежедневных деяний императора. В штаты коллегии входили редакторы, составители, вычитчики, корректоры, протоколисты. До конца 12 в. не менее половины всех этих постов занимали чжурчжэни, затем число чжурчжэней в этих

учрежденных увеличилось. Внешне вся эта система немного напоминает киданьскую и суонокую, но рационально упрощенную.

Наиболее полные из "Литературных заметок к истории Ляо, Цзинь, Сунь" ("Ляо Цзинь Сунь кваньчжи"), принадлежащие Сунь Дэ-цзиню и др., в разделе "История" перечисляют 116 известных сочинений, созданных в государстве Цзинь. Сюда же включены географические (10) и юридические труды (11). Исторических сочинений в нашем понимании - 95, из них сохранилось меньше десятка. В "Заметках" выделены следующие рубрики: "государственные и династийные истории" (18), "хроники" (4), "частные истории" (20), "протоколы трудов и отдохновений императоров" (3), "предания" (7), "церемониал" (7), "чины" (9), "биографии и мемуары" (12), "родословные" (9), "реестры" (4), "документы" (2 сочинения).

"Протоколы трудов и отдохновений", "правдивые хроники" (нигу), два варианта истории Ляо (Ляоши) составлены почти исключительно чжурчженями - слушателями обеих исторических коллегий.

Государственная историография Цзинь уже придерживалась принципа: "Хотя государство гибнет, история сохраняется; так повелось с глубокой древности", сформулированного позднее. Поэтому цзиньские коллеги составляли истории вчерашних врагов - киданей, хотя работа осложнялась политическими соображениями: чжун государственным и культурным наследником признает себя династия Цзинь - Тан, Сун, Ляо?

"Частные истории" сохранились довольно хорошо. До нас дошло 6 сочинений из 20-ти, в т.ч. известное "Описание государства Великая Цзинь" /"Да Цзинь го чжи"/; "Бэйцзин янлау", описывающее состояние дел в Цзинь; "Да Цзинь дяофалу" с ее ценной дипломатической документацией; "Бэйцзиньлу", рассказывающее о ссылке северосунокских императоров на север; "Наньцзиньлу", повествующее о переселении чжурчженей на юг под натиском монголов; "Да Цзинь цзюли" или сборник цзиньских церемоний, позднее легший в основу соответствующих глав "Цзиньши".

Основная масса исторических трудов Цзинь пережила разгром государства и вошла - целиком или в отрывках - в ваньские и минские библиотеки. Но до нас дошли лишь единичные произведения.

Оригинальная историческая литература государства Цзинь, известная нам, написана по-китайски (однако существовали чжурчженские переводы китайских исторических трудов). Процент авторов-чиновников (40%) и авторов-чжурчженей (30%) высок по

сравнению с тем, что мы видим в неисторической литературе Цзинь. Впрочем этот процент служащих историков низок по сравнению с положением в танской или сунской историографиях. Неслужащие ученые были в Цзинь довольно многочисленными и активны. Большинство сохранившихся сочинений тоже написано неслужащими учеными. Определенная свобода исторических исследований, характерная для Цзинь, отразилась даже в "Цзиньши", материалы для которой были подготовлены еще при Цзинь. В ней выше, чем в других династийных историях, процент наиболее творческих, исследовательских глав (чи), но в них относительно много места уделено церемониям и этикету и сравнительно мало — науке.

Цзиньская историческая наука вполне отвечала требованиям эпохи. Она создала династийные истории Ляо (утраченные), сохранила ляосские архивы, подготовила источники для составления собственной династийной истории. В результате для составления "Цзиньши" (вместе с "Ляоши" и "Сунши") ваньским ученым потребовалось всего 2,5 года.

М. И. Демидова

ИСКУССТВО РАННЕЙ ДУНЬХУАНСКОЙ КНИГИ.

Рукописи и ксилографы, обнаруженные в одной из "Пещер тысячи будд" Дуньхуана в начале XX в., принято называть дуньхуанской книгой. В современных коллекциях многочисленных образцов этой книги (в Китае, Англии, Франции, СССР и Японии) особое место занимают ранние китайские рукописи (конец IV в. — 70-е гг. VI в.)

Изучение искусства ранней дуньхуанской книги, как и всякой другой, связано с вопросами формы и внешнего вида книги, с ее содержанием, техникой производства и художественного оформления, с проблемами датировки и локализации книги, ее миграции, с установлением имен книжников, определением степени их мастерства и т.д. Рассмотрение вопросов искусства ранней дуньхуанской книги с особой остротой выдвигает проблему доступности этой книги. Китайская коллекция Дуньхуанского фонда Института Востоковедения предоставляет богатый материал для такого исследования. Многие рукописи зарубежных дуньхуанских коллекций известны нам по микрофильмам, фотокопиям и ротокопиям. Отсутствие у нас копий других

дуньхуанских списков из названных коллекций частично возмещается их публикациями и подробными каталогами-описаниями.

Самая ранняя рукопись в Дуньхуанском фонде Института востоковедения, по-видимому, представлена фрагментом "Сутры о Вималакирти", приблизительно датированным концом IV-началом V в. Сведения об этом фрагменте (шифр: Дх-2III) приведены в статье Л.Н.Меньшикова "О датировке рукописей из Дуньхуана" во 2-м выпуске "Описания китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии". Фрагмент списка "Сутры о Вималакирти" в нашей коллекции по качеству бумаги, высоте листа и количеству знаков в строке сходен с фрагментом той же сутры, хранящимся в дуньхуанской коллекции Китая. Исследование последнего было сделано Пань Цзи-сином ("Венъю", 1966, № 3).

Сопоставление внешних данных двух рассматриваемых фрагментов рукописи "Сутры о Вималакирти" позволяет говорить о сходстве их формы и техники производства. Перед нами фрагменты китайской книги-свитка ("цзвань"), которая состояла из многих листов бумаги, склеенных в одну длинную полосу. Бумага свитка, в которой обнаруживаются волокна конопли, получила в китайской литературе название "мачжи". Бумага коричневая, неокрашенная, плотная, с гладкой поверхностью, не имеет сетки. Текст списка на китайском языке написан черной тушью с помощью кисти. Строки грубо разграфлены той же тушью, идут сверху вниз и справа налево. В каждой строке 18 знаков, написанных архаичным почерком (ли). Изучение внешних данных рукописи, важных для палеографического определения возраста книги (цвет бумаги, характер поверхности и окраски, ее толщина, плотность, своеобразие сетки, графление, почерк и др.), показало, что она может быть отнесена к концу IV-началу V в. Так как в названных фрагментах отсутствуют какие-либо записи о месте их переписки, мы не касаемся вопроса локализации этой рукописи.

Значительно лучше сохранились дуньхуанские книги V в. Ныне зарегистрировано свыше 40 названий таких книг. Из них 21 в английской коллекции Стэйна. Девять поддающихся датировке рукописей этого периода находятся в нашей коллекции. Сопоставление наших списков с публикациями и материалами описаний рукописей зарубежных коллекций дает возможность более полно характеризовать искусство дуньхуанской книги V в.

Книга того времени разнообразна по содержанию. В ее репертуаре можно видеть буддийские канонические и неканонические произведения, исторические тексты, выписки из даосского сочинения, комментарии к буддийским произведениям, переписи населения Дуньхуанского уезда и библиотечные каталоги. Все названные книги, независимо от их содержания, имеют форму свитка.

В четырех из перечисленных рукописей имеются записи о месте их переписки. Устанавливаются районы переписки указанных книг — Дуньхуан, г. Кунчэн (местоположение которого пока не установлено), Иба (Хами), Лочжоу (Лоля). Рукописи каждого из этих районов различаются по качеству их бумаги, вместе с тем наблюдается большое сходство внешних данных указанных книг. На рукописях этого периода почерк архаичный (ли), линии графления, намечавшие строки и отбивавшие поля, грубые, проведены тушью обычной концентрации.

Почти в каждой дуньхуанской книге уже в V в., кроме ее основного текста, была заключительная запись переписчика — колофон. В колофоне чаще всего указывали точную дату, место и цель переписки произведения. Здесь же упоминались имена переписчиков, корректоров, заказчиков и жертвователей рукописей. В ряде названных списков были пометы их собственников. Трудно определить социальное положение китайских книжников того времени. Но некоторые колофоны, наряду с именами книжников, указывают, что последние были близки или членами буддийской общины.

В большом количестве экземпляров дошла до нас дуньхуанская книга VI в. Книга этого столетия (до 70-х гг. включительно) представлена в нашей коллекции более 40 поддающимися датировке списками. В зарубежных дуньхуанских коллекциях зарегистрировано около 70 точно датированных списков того времени. Среди названных списков многие буддийские произведения, комментарии к буддийским произведениям, фрагмент "Даодэ-цзиня", исторические и географические сочинения, литературный текст и хозяйственные документы.

Районами переписки указанных книг, по свидетельству их колофонов, являются Дуньхуан, Динчжоу (пров. Хэбэй), Цзинчжоу (пров. Хубэй) и Чжунцзин (Лоля). Искусство книги каждого из этих районов имеет свои особенности. Нужно, однако, отметить то новое, что характеризует большинство дуньхуанских рукописей дан-

ного периода. Это прежде всего лучшее качество бумаги и более высокая техника производства книги. В VI в. используются два вида бумаги: "мачля" и бумага из рами. Заметно улучшается сорта неокрашенной бумаги. Широкое распространение получает бумага, подкрашенная в желтый или золотисто-желтый цвет. Почерк того времени занимает среднее положение между архаичным почерком "ли" и почерком современного типа "кай". Линии графления в рукописях тонкие, проведены тушью обычной или более слабой консистенции.

Во многих книгах имеются пометы, сделанные рукой корректора. Более совершенной становится форма колофона в рукописи.

Переписчиками дуньхуанской книги VI в. были писцы-профессионалы и служители буддийских монастырей Китая.

Н.В.Елисеева

БИОГРАФИЯ ПОКОЙНОГО МИРЗЫ АБУ-Л-КАСИМА КАЙИМ МАКАМА (сочинение Абд ал-Ваххаба Кайим Макама)

Как историк Ирана первой трети XIX в. не может дать полноценный исторический очерк Ирана, не упомянув Абу-л-Касима Кайим Макама (1779-1835), так и литературоведу невозможно обойти молчанием его роль в развитии персидской литературы. Его деятельность политика и литератора освещается с большей или меньшей степенью полноты как иранскими, так и западно-европейскими учеными в монографиях, посвященных целиком ему, и в трудах общего характера. Упомянутое сочинение дополняет наши сведения об этом выдавшемся деятеле Ирана, будучи интересно еще и тем, что оно составлено его праправнуком и включает данные из семейных преданий.

В последней главе этого сочинения мы находим автобиографические данные. Абд ал-Ваххаб Кайим Макама сообщает, что он родился в 1882 г. в Тегеране, служил чиновником во время наместничества Ахмад-хана, потом в министерстве внутренних дел, затем - в министерстве просвещения. По его словам он написал ряд сочинений - "Историю русско-японской войны", "Дополнения" к "Истории Надир-шаха" Дж.Фрезера, подробную "Всеобщую географию", трактат об искусстве стрельбы из лука, названный им

"Книга о луке" (хранится в Архиве востоковедов ИО ИВ АН СССР, фонд 95, архив Ю.Н.Марра), составил французский словарь (французско-персидский или персидско-французский - не уточняется). Помимо вышеназванных сочинений его перу принадлежит статья "Данные, которые следует добавить к биографии и "Дивану" Кайим Макама" (опубликована в журнале "Армаган" в 1957 и 1958 гг.). Он писал также стихи, о чем свидетельствует помещенная в конце рукописи касида по случаю выпадения града. Кроме этих сведений мы располагаем некоторыми высказываниями о нем известного советского ираниста Ю.Н.Марра, познакомившегося с ним во время командировки в Иран в 1925-26 гг. (Ю.Н.Марр, Вступительная лекция к курсу новой персидской литературы, Статьи и сообщения, М.-Л., 1939 г., стр.126; Ю.Н.Марр, Добавления к статье "Тегеранские литературные впечатления", Труды Тбилисского государственного университета, т.99, 1962 г., стр.49-50). По заказу и плану Ю.Н.Марра и было составлено данное сочинение, о чем свидетельствует его письмо к Абд ал-Ваххабу Кайим Маками от 25 ноября 1925 г. (опубликовано в приложении к десятому году издания журнала "Армаган", /1929 г./, стр.5-6).

В настоящее время рукопись этого сочинения находится в Архиве востоковедов ИО ИВ АН СССР в материалах архива Ю.Н.Марра (фонд 95). Сочинение было составлено Абд ал-Ваххабом Кайим Маками в месяце шабан ал-муаззам 1344 г.х. /марте 1926 г. и переписано известным каллиграфом Мухаммадом Али ал-Музаххиби ан-Наини с тахаллуом "Ибрат" в месяце раджабе 1345 г.х./январь-февр. 1927 г. Рукопись сочинения содержит 83 страницы текста, написанного четким насхом на обеих сторонах листов желтоватой лоценой бумаги, заголовки выполнены красной тушью, количество строк на странице - 18, размер страницы - 22 x 15 см., размер текста - 16 x 8 см. Рукопись поступила в Архив востоковедов в 1955 г. в составе архива Ю.Н.Марра, переданного вдовой ученого С.М.Марр.

Сочинение состоит из предисловия, трех глав и заключения. В п р е д и с л о в и указываются обстоятельства написания сочинения - знакомство с Ю.Н.Марром и его рекомендация изложить биографию Абу-л-Касима Кайим Макама в виде отдельного сочинения, затем приводится план сочинения и список источников на персидском и европейских языках, использованных автором в сочинении. В п е р в о й г л а в е - "Происхождение отца

и предков покойного мирзы Абу-л-Касима Кайим Макама" - содержит генеалогия Абу-л-Касима, которую автор сочинения возводит в тридцать местом колена к Али ибн Абу Талибу. Глава включает два подраздела - о дяде отца и отце Абу-л-Касима - "Хаджи мирза Мухаммад Хусайн" и "Покойный мирза Иса, известный как Мирза Бузург Кайим Макам Сайид ал-Бузара". В т о р а я г л а в а - "Биография покойного мирзы Абу-л-Касима Кайим Макама Сайид ал-Бузара" - целиком посвящена Абу-л-Касиму, его политической деятельности, литературному творчеству и его трагическому концу. В т р е т ь е й г л а в е - "Биографии сыновей и потомков покойного Кайим Макама после его смерти" - рассказывается о гонениях, обрушившихся на родственников Абу-л-Касима после его казни. З а к л ю ч е н и е содержит биографии отца автора сочинения Али Мухаммад-хана, его дяди хаджи мирзы Али Акбер-хана и самого автора.

В 1929 г. в приложении к десятому году издания журнала "Армаган" это сочинение было опубликовано как предисловие к "Дивану" Абу-л-Касима Кайим Макама. Публикация сравнительно с рукописью имеет некоторые различия - в публикацию включено несколько отрывков из персидских, арабских и западных источников, характеризующих Абу-л-Касима. Кроме того, в публикацию внесена некоторая стилистическая правка.

Рукопись сочинения подготовлена к изданию факсимильным способом. В издании, кроме факсимиле рукописи, войдет предисловие, перевод, указатели, а также дополнения и разночтения сравнительно с публикацией "Армагана".

И. Н. Карокая

ПЕРСИДСКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ (РИСАЛЕ) МУХАММАДА ал-БАГДАДИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРДИСТАНА НАЧАЛА XIX в.

Сайид Мухаммад ибн Ахмад ал-Хасанй ал-Муний ал-Багддй, автор рассматриваемого "Рисале", в течение нескольких лет находился на службе у резидента английской Ост-Индской компании в Багдаде К.Д. Рича в качестве секретаря и сопровождал последнего во время его путешествия по Курдистану в 1820-21 гг. После

смерти К.Д.Рича в октябре 1821 г. от холеры в Ширазе Саййид Мухаммад уехал в Бомбей к его вдове - М.Рич - и здесь в 1237 г.х./1822 г. закончил это "Рисале".

"Рисале" - географическое сочинение, объемом в 40 лл., содержит описание некоторых районов Ирака Арабского, западного Ирана и Курдистана и состоит из десяти глав, предисловия автора и посвящения губернатору Бомбея лорду Маунт Стюарту Эльфинстону.

Нам известны три списка этого сочинения. Первый, являющийся автографом, находится в собрании рукописей ИО ИВ АН СССР. Он поступил в Азиатский Музей в 1850 г. от некоего К.Тригулова из Ирана, обстоятельства его приобретения не известны. Написан он в Бомбее в 1237 г.х./1822 г.; в тексте и на полях много исправлений и дополнений авторского характера (описание рук. см. Миклухо-Маклай, I, № 80; Storey, I, стр.1150, II, стр.153). Второй список находился в Багдаде в частной коллекции известного иракского ученого 'Аббаса ал-Аззави. Он переписан в Бомбее в том же 1822 г. переписчиком Мир Саййид Мухаммадом (на списке печать резидента Ост-Индской компании в Бомбее) и предназначался в дар резиденту (сведения о списке доставлены С.М.Бацмевой, побывавшей в 1964 г. у 'А. ал-Аззави и видевшей рукопись). В 1948 г. доктор 'А. ал-Аззави надал арабский перевод своей рукописи с комментариями (см. Storey, I, стр.1420). Третий список "Рисале" находится в собрании восточных рукописей Библиотеки Эдинбургского Университета. Он не датирован, не указаны место переписки и имя переписчика, но по всей видимости он переписан позже, может быть, с автографа, так как все имеющиеся на полях ленинградской рукописи дополнения и исправления в эдинбургском списке уже внесены в текст. В ИО ИВ имеется микрофильм эдинбургского списка.

"Рисале" Мухаммада ал-Багдади представляет собой дорожник, составленный с практической целью - дать путешественникам и купцам полные и обстоятельные сведения об этих районах, главным образом о состоянии дорог и станций, о степени безопасности движения, о дорожных сборах, о производимых в этих краях продуктах. Подробно описаны дороги от Багдада в Хамадан, Керманшах, Сулеймание, Сенне, Керкук, Сакныз, Эрбиль, Табриз, Басру и в другие местности, приведены сведения о каравансарах, переправах через реки, горных проходах, о городах и селениях, лежащих

на этих дорогах, а также о памятниках древности (разрушенных городах, крепостях, камнях с надписями и т.д.). При описании городов и селений автор указывает количество жителей, как мусульман так и иноверцев, их занятия, обычаи и нравы, вероисповедание (принадлежность их к тому или иному толку ислама), местные святые и достопримечательности.

В "Рисāле" приведены ценные сведения о кочевых и оседлых арабских, курдских и других иранских племенах, об их численности и занятиях, топографии их кочевий, вооруженных силах, о взаимоотношениях племен с Ираном и Турцией.

Интересны также исторические сведения, приведенные в "Рисāле", в частности, сведения о взаимоотношениях между Ираном и Багдадским пашалыком, который входил в состав Турецкой империи, но пользовался относительной самостоятельностью, о взаимоотношениях между правителем пашалыка и курдскими племенами, о деятельности в Ираке Арабском английской Ост-Индской компании.

Материалом для сочинения, в основном, явились наблюдения автора. "Рисāле", таким образом, содержит разнообразные сведения, которые представляют особый интерес как показания очевидца и позволяют проверить и дополнить материал, особенно топографический, известный из других источников.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. Н.Д.Миялухо-Маклай, Описание таджикских и персидских рукописей Института Востоковедения, вып. I - Географические сочинения. М.-Л., 1955.
2. Persian literature. A bio-bibliographical survey by C.A.Storey. Vol.I; vol.II, pt.I. London. 1927-1958.
3. Itinerary of al-Mumahi al-Baghdady written in 1937 A.H. = 1822 A.D. Translated from the Persian by Abbas al-Azawi. Baghdad. 1367/1948.

А. И. Куликова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАЛАЙСКОЙ РУКОПИСИ.

Рукопись в списке XVII века¹, которой посвящено данное сообщение, может заинтересовать специалистов, занимающихся изучением Юго-восточной Азии.

При знакомстве с ней обращает на себя внимание запись на немецком языке (готическим письмом) на форзаде (л. Юб поздней карандашной пагинации) I тома рукописи. Запись эта - автограф Х.Д.Френа, сделанный мелким трудночитаемым почерком, из текста которого следует, что эти рукописные книги содержат "Историю малайцев с древнейших времен до завоевания Малайи португальцами" и являются копией с малайской рукописи, сделанной местным переписчиком после полученного разрешения "официальных лиц" по заказу "коммодора Крузенштерна" во время его пребывания в Малайе в июле 1798 г. В заключение Х.Д.Френ сообщает, что Крузенштерн послал данную копию с рукописью "История малайцев", которой "придавалось очень большое значение", в Академию наук в С.-Петербург.

Сопоставив данные записи Х.Д.Френа с другими, имеющимися в нашем распоряжении, сведениями.

Наиболее ранние сведения мы находим в "Протоколах заседаний конференции Имп. Академии наук"², где приведены следующие данные на французском языке, датированные 13 октября 1802 г.: "Коллекский советник и кавалер Кюберт подарил библиотеке историческую рукопись, содержащую легендарную индийскую хронику, начиная с Александра Великого, на малайском языке, написанную арабской графикой по приказу Alla-Eddin'a, правителя d'Atchien. Этот дар был принят с признательностью и будет помещен дарителем в академическую библиотеку"³.

Х.Д.Френ в своем сообщении от 1819 года, упоминая "...многие до Восточных языков касающиеся бумаги и рукописи...", имевшиеся уже к моменту основания Азиатского музея, называет среди них "Историю Малайцев на Малайском языке (Крузенштерном привезенную и подаренную)"⁴.

Б.А.Дори в своем известном труде, посвященном истории

Азиатского музея, дважды касается интересующего нас списка рукописей: во-первых, в материалах III отделения числится "История малайцев с древнейших времен до завоевания Малакки португальцами, на малайском языке, 2 тома. Адмирал Крузенитер велел списать ее в Малакке в 1798 году и привез оттуда с собою". Во втором случае Б.А.Дори сообщает о том, что академик Шуберт в 1802 году принес в дар Академии наук малайскую рукопись исторического содержания⁵.

При сравнении приведенных данных бросается в глаза их противоречивость в вопросе о том, как "История малайцев" попала в Академию наук. Согласно френовской записи Крузенитер послал рукопись в Академию наук в С.-Петербург, что мало вероятно при отсутствии регулярного морского сообщения между Юго-восточной Азией и Россией, тем более что рукописи "придавалось большое значение" и переправить ее нужно было надежным способом. Б.А. Дори сообщает, что Крузенитер привез рукопись в С.-Петербург с собою. Последнее наиболее вероятно, и сам Френ в другом месте говорит об этом же.

Дальнейшее передвижение "Истории малайцев" предположительно таково: от Крузенитерна (после его возвращения в Россию в 1799 году) она попала к Шуберту, а от последнего в 1802 году - в библиотеку Академии наук. Академик Ф.И.Шуберт был хорошо знаком с И.Ф.Крузенитером, находился с ним в переписке, известный мореплаватель присылал Ф.И.Шуберту путевые заметки, сообщения и рукописи своих работ для передачи в Академию наук. Имеются данные, что академик Шуберт предложил избрать Крузенитерна членом-корреспондентом Академии наук. Таким образом не вызывает удивления тот факт, что рукопись, привезенная И.Ф.Крузенитером, была передана в Академию через Ф.И.Шуберта.

Остается выяснить вопрос о том, находился ли И.Ф.Крузенитер в 1798 г. в районе Малакки и, следовательно, мог ли он заказать там копию с указанной "Истории малайцев".

Из литературы известно, что И.Ф.Крузенитер в 1797-1798 годах совершил плавание к берегам Индии и задался мыслью посетить Китай. Воспользовавшись ремонтом фрегата, Крузенитер списался с него в Пуло-Пенанге и отправился вначале в Малакку⁶, где "перенес тяжкую болезнь, которая была облегчена ему теплым участием его друзей; поддерживаемый теми же друзьями в своих

предположениях, он отправился на небольшом судне в Кантон⁷. Пребывание свое в Кантоне И.Ф.Крузенштерн относит к 1798 и 1799 годам⁸.

Более точно определить это помогает "Дневник И.Ф.Крузенштерна": судя по тому, как помечена первая запись, автор ее 19 ноября 1798 года был уже в Кантоне⁹.

Наиболее вероятно, что И.Ф.Крузенштерн раздобыл название "Историю малайцев" в Малакке, где его задержала болезнь, и тем самым у него было время на то, чтобы заказать список о рукописи и дожидаться выполнения заказа.

Если сравнить приведенные сведения о плавании Крузенштерна в Ост-Индию и Китай, то можно предположить, что в Малакку он прибыл приблизительно весной-летом 1798 года. Это совпадает с данными френзовской записи.

---

1) Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР; разряд (коллекция) "Индия и Индонезия"; инв.р. Р.1, оп.5, ед.хр.8 и 9; 2 тома, на малайском языке.

2) т.1У₁, 1786-1803, СПб., 1911, стр.1027, § 309.

3) О том, что "манускрипт", переданный в библиотеку Академии Нубергом, и названная "История малайцев" - одно и то же - см. дальше прим.5.

4) Прибавление к № 93 "С.-Петербургских ведомостей" 1819 года, стр.15.

5) В.Догг, Das Asiatische Museum..., St.-Pb., 1846. В обих случаях (стр.11 и 114) имеется в виду одна и та же рукопись, это доказываются тем, что оба сообщения помещены во всеобщем указателе под одним названием (S.765).

6) В.В.Невский, Первое путешествие россиян вокруг света, /М./, 1951, стр.26.

7) Адмирал Иван Федорович Крузенштерн (Биографический очерк), - "Морской сборник", т.СП, № 6, СПб., 1869, стр.10.

8) И.Ф.Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях "Надежде" и "Неве", М., 1950, стр.9, где имеются слова: "В бытность мою в Кантоне в 1798 и 1799 гг. ..."

9) ЦГА ВМФ СССР, ф.14, оп.1, ед.хр.266, л.1.

ТРУДЫ АМИНЕ АВДАЛА (1906-1961) ПО КУРДСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В настоящем сообщении мы ограничиваемся краткой характеристикой основных трудов Амины Авдала, видного курдского писателя, ученого и педагога, по этнографии курдов Закавказья и курдскому фольклору.

Работы Амины Авдала, посвященные описанию быта, материальной и духовной культуры курдов Армении, Грузии и Азербайджана, изданы в большинстве своем на армянском и курдском языках, поэтому их краткое изложение на русском языке может представить определенный интерес.

Амине Авдал окончил в 1936 г. Ереванский государственный университет и аспирантуру Армянского филиала Академии наук по специальности литература и фольклор курдского народа. Будучи сельским учителем в Апаранском районе Армении, он проявлял большой интерес к собиранию произведений курдского народного творчества. В 1936 г. вместе с видным фольклористом Аджие Джинди он издал сборник курдского фольклора (*Folklore kurmanca, Rewan, 1936*), содержащий лирические, героические и свадебные песни, а также сказки и эпос. В сборник, кроме того, вошли записанные им варианты классических поэм "Мам и Зин", "Шехе Санаи и Дога горджан", "Лейле и Маджнун", "Замбильфрон" (стр. 261-337).

Первая научная работа А. Авдала по этнографии курдов называется "Курдская женщина в патриархальной семье по этнографическим и фольклорным материалам" (Ереван, 1948). В ней подробно освещаются вопросы положения женщины в семье, обряды бракосочетания, воспитание детей, права наследования.

В 1952 г. вышли из печати две работы Амины Авдала: "Кривая месть у курдов и ликвидация ее пережитков" (Ереван) и "Курдская этнография и фольклор и их изучение" (Тбилиси), последняя из которых подводит итог изучению этнографии курдов закавказских республик.

В 1957 г. в Ереване было издано большое исследование А. Авдала "Быт курдов Закавказья", состоящее из двух частей, в которых

освещаются дореволюционные (стр. II-107) и послеоктябрьский (стр. 108-193) периоды в жизни курдского народа. Главную тему работы составляют изучение социально-экономического строя у курдов, детальное описание рода, племени, семьи и их взаимоотношений. Автор подробно останавливается на таких вопросах, как расселение курдов, скотоводческий уклад их жизни, способы ведения хозяйства. В разделах, посвященных курдской семье, содержатся сведения о членах и организации семьи, о жилище, пище и одежде; сообщается об обрядах бракосочетания и похорон, семейных праздниках, воспитании детей, детских играх и т.д. Автор отмечает существенные изменения, происшедшие в экономике и культуре курдов после революции. О развитии культуры своего народа после Октября А.Авдал также специально говорит в статье на русском языке "Культура курдов в Советской Армении" ("Востокведческий сборник", т. I, 1960). К книге "Быт курдов Закавказья" приложены образцы курдского фольклора в переводе на армянский (стр. 193-214), резюме на русском языке (стр. 215-241), курдско-армянский словарь этнографических терминов и фотографий советских работников-курдов, получивших образование в годы советской власти.

В 1965 г. вышла в свет монография Аминне Авдала "Родственные отношения у курдов" (Бреван, на курдском яз.), представляющая первую попытку исследования родовых отношений у курдов. Она содержит как темы, разрабатывавшиеся автором ранее, так и значительный новый материал об экономических основах рода и племени у курдов Закавказья (стр. 5-59). К работе приложены курдские фольклорные тексты (стр. 213-231) и краткое резюме на армянском языке (стр. 239-244). Автор относит к основным признакам, определяющим родоплеменной строй у курдов, материальную взаимопомощь между членами рода или племени, взаимную защиту от нападения врагов, защиту чести членов рода, обычай кровной мести, культ предков, родовые кладбища, общую опеку над осиротевшими детьми и т.д. Автор отмечает, что у советских курдов большинство этих признаков родоплеменного строя в значительной степени исчезло, т.к. революция коренным образом изменила весь строй социально-экономической жизни курдов. Описывая свадебные обряды, обычай кровной мести, права собственности и наследования, различные поверия, Аминне Авдал показывает общие

и отличительные черты у курдов-мусульман и курдов-езидов.

Аминне Авдал оставил большое количество рукописных материалов по этнографии и фольклору курдов Армении, Грузии и Азербайджана. Интересны его незавершенные труды о езидах и их верованиях, в том числе работа о езидах Талинского и Аларанского районов Армении. Представляется весьма желательным и полезным для специалистов-курдоведов издать эти рукописные материалы Аминне Авдала.

В.В. Кушев

“ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ НА ЯЗЫКЕ ПАНТО”

Всестороннее изучение рукописей на языке панто - от их выявления, каталогизирования и описания до публикации и анализа отдельных сочинений и представляющих их списков - крайне необходимо. Без него немислыми никак не подлинно научные, основанные на источниках и фактах исследования по истории афганской культуры последних пяти столетий. Лишь всеобъемлющее и детальное изучение письменного наследия афганского народа позволит при составлении истории его литературы, науки, философско-религиозных представлений избавиться от некоторых фактических неточностей, заблуждений, спекулятивных утверждений, проникших в афгановедческие труды, определить, что подлинно и что ложно в дошедших до нас тезисах и других работах. Одновременно, благодаря исследованию рукописей, история афганской культуры, без всякого сомнения, обогатится многими новыми фактами, именами, событиями, литературными памятниками.

Однако до сих пор нельзя считать выполненным даже первый этап этой работы - выявление всех существующих в коллекциях разных стран рукописей на языке панто и публикацию этих данных, хотя такая работа началась. В отдельных каталогах персидских рукописей, главным образом, собрания Британского музея и Индия оффис в Англии, Национальной библиотеки в Париже упоминаются и афганские манускрипты. Недавно появился в свет достаточно представительный количественно, но не лишенный погрешностей и очень бедный сведениями о каждой рукописи перечень восточных

рукописей, в том числе на языке пашто, пяти крупнейших собраний Афганистана. Большим событием явилось издание каталога рукописей на афганском языке, хранящихся в британских библиотеках. Предпринятое Д.Н.Маккензи и включившее в себя как новый, так и уже опубликованный ранее материал, оно стало первым значительным по охвату списков квалифицированным научным описанием, изложенным весьма четко и лаконично, но при этом иногда, к сожалению, излишне кратко.

На все списки сочинений на пашто, имевшиеся в Советском Союзе, введены в научный обиход. Из рукописей, хранящихся в собраниях Средней Азии и Закавказья, описан только диван Ахмад-шаха из коллекции Института востоковедения АН УССР, хотя существование других рукописей несомненно; в частности, в Матенадаране имеется одна рукопись, в которой нет печатных сведений.

Предпринятое Институтом описание рукописей на языке пашто имеет целью с оптимальной полнотой информации представить все сочинения и рукописи фонда на языке пашто, многие из которых не были даже упомянуты в литературе.

Коллекция афганских рукописей ИВ АН насчитывает двадцать шесть разных сочинений, заключенных в двадцати девяти переплетах, и составляет, с учетом дублетных списков и фрагментов, тридцать восемь единиц описания. Несмотря на относительно малочисленность - сравнительно с периодской коллекцией - она занимает заметное место в мировом рукописном фонде на афганском языке. Так, например, в семи библиотеках Великобритании находятся семьдесят сочинений, представленных ста семьдесятью списками, в трех крупнейших собраниях Афганистана - 60 рукописей 52 сочинений.

Собирание афганских рукописей в России началось в 1834 г. Первые две рукописные книги на пашто были переданы в Азиатский музей академиком Х.Д.Френом и его сыном Р.Х.Френом. Основные поступления относятся к 1858 и 1859 гг. - три коллекции Н.В.Ханькова, купленные им в Мешхеде и Герате. Все эти рукописи были кратко перечислены в списках, опубликованных в *Bulletin scientifique* Академии наук. Последующие приобретения не были отмечены в литературе.

В рукописях собрания ИВ АН отражена основная тематика памятников афганской письменности.

Поэзия представлена в коллекции тремя списками дивана весьма популярного афганского поэта 'Абд ар-Рахман Моманда, двумя рукописями дивана одного из старейших поэтов Мирза-хана Ансарӣ, списком дивана поэта-лирика 'Абд ал-Хамид Машоуха; имеются отдельные стихотворения Хушхал-хана Хатака и других поэтов; украшением коллекции можно считать рукопись очень редкого дивана талантливого поэта 'Абд ар-Рахима Хотака Кандахарӣ; два списка содержат выполненный 'Абд ал-Кадиром Хатаком перевод поэмы Джамӣ "Йусуф ва Зулайха"; в переработке Мухаммад-А'зама имеется уникальная версия народной афганской "Повести о Махбӯбе и Джаллате".

Одно из наиболее ценных сочинений собрания - ранняя грамматико-лексикографическая работа Махаббат-хана "Рийаз ал-махаббат", содержащая первую детальную, написанную на высоком для того времени научном уровне грамматику афганского глагола и папто-персидский словарь с любопытным словариком.

Не лишена значения богословская и религиозно-этическая часть фонда (включающая в себя уникальные сочинения), также дающая богатый материал для истории духовной культуры афганского народа.

Здесь капитальные, хотя и в значительной мере компилятивные труды "Махзан ал-ислам" Ахунда Дарвезы и "Фавә'ид аш-шарӣ'ат" Ахунда Мухаммад-Касима Шинварӣ, энциклопедия по религиозной этике - "Рисāла" Бабӯддана, учебники основ ислама, пособие для чтецов корана. К ним примыкают предания о Мухаммаде ("Ми'радж-нама", "Вафāt-нама") и 'Али ("Китāб-и Заққум").

По-видимому, уникальна рукопись пространного сочинения об основателе одного из суфийских орденов 'Абд ал-Кадире Джиланӣ, его преемниках, учениках, последователях.

Подготовленное к печати автором настоящей аннотации "Описание рукописей на языке папто Института востоковедения АН" дает подробную характеристику всех сочинений фонда, раскрывая их содержание и структуру; содержит биографические данные об авторах, почерпнутые из имеющейся скудной литературы и, главным образом, из источников; сообщает сведения о литературном наследии авторов рассматриваемых произведений и названия использованных ими сочинений. Приводимый материал о времени и месте переписки и переписчиках рукописей, а также внешнее описание

последних уже сами по себе представляют определенную ценность для истории афганской культуры, позволяя – особенно в сочетании с аналогичными сведениями других каталогов – выявить центры публикации рукописей, профессиональных каллиграфов, периоды подъема в деле создания афганских рукописных книг, особенности оформления их.

Работа снабжена введением и необходимыми указателями и иллюстрирована фотокопиями отдельных страниц из рукописей.

Л и т е р а т у р а. Catalogue of Pashto manuscripts in the libraries of the British Isles. By the late J.F. Blumhardt and D.N. Mackenzie. London, 1965.

Manuscripts d'Afghanistan par S. de Laugier de Beaurecueil. Paris, 1966.

Н.Д. Миклухо-Маклай

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVI–XVII вв.

Со второй половины XVI в. между Средней Азией и Россией установились довольно регулярные дипломатические и торговые связи. Однако обстоятельство это не нашло никакого отражения в среднеазиатской географической литературе XVI–XVII вв.

В 60-х годах XVI в. в Балхоком уделе государства Шейбанидов было составлено сочинение под названием Мадма^с ал-гараиб, т.е. "Собрание редкостей". Автор его – Султан Мухаммад ал-Балхи (вторая редакция сочинения, принадлежащая сыну автора, относится к 70-м годам того же века).

Третья глава сочинения содержит заметки о странах и городах мира. Среди них (судя по рукописям сочинения в собрании ИВ АН СССР) заметки, посвященной Руси, нет. Правда, в другой главе сочинения ("Диковинки людей") приводится краткая заметка, относящаяся к Руси: сообщение о монистах из монет, носимых женщинами в "Русской стране" (рук. ИВ АН СССР, С609, л. 50а).

Это сообщение заимствовано из труда XII в. "Аджаиб ал-мах-дукат ва гараиб ал-мавджудат ("Диковинки сотворенного и редкости существующего"), принадлежащего Наджибу Хамадани (см.

рук. ИВ АН СССР Д 129, л. 180аб).

Отметим попутно, что Султан Мухаммад ал-Балхи широко использовал это сочинение, обозначая его то как 'Аджаиб ад-дунья, то как 'Аджаиб ал-'алам (перевод с обоих случаев один - "Диковинки мира"), но нигде не приводя подлинного названия сочинения и имени его автора.

В 40-х годах ХУП в. в том же Балхском уделе было написано сочинение 'Аджаиб ат-табакат, т.е. "Диковинки разрядов". Его автор - Мухаммад Тахир ибн Абу-л-Иясим - в географической части сочинения приводит две заметки - о стране славян и о Руси (рук. ИВ АН СССР С453, лл. 122б-123а). Содержание первой заметки заимствовано из Асар ал-Билад - труда Захарийа Кавзини (XIII в.), а второй - из уже упоминавшегося сочинения Наджиба Хамадани (XIV в.).

Как мы видим, приводимые в обоих названных выше среднеазиатских сочинениях сведения о Руси отличаются большой архаичностью для XVI-XVII вв. и имеют чисто книжное происхождение.

Добавим еще, что ханы, которым посвящены эти сочинения ('Абдаллах II - ему посвящено Маджма' ал-гараиб во второй редакции, и НаDIR Мухаммад - ему посвящено 'Аджаиб ат-табакат), неоднократно отправляли посольства в Москву ('Абдаллах II - не менее 7 раз, а НаDIR Мухаммад - 4 раза). Между тем, даже название этого города не упоминается в обоих сочинениях. Зато в них приводятся заметки о стране Хазар, о Булгарах и т.д.

Наука уже давно дала объяснение такому странному явлению, указав на преимущественно компилятивный, книжный характер, присущий поздней мусульманской географической литературе. Как мы видим, два названных здесь среднеазиатских произведения могут быть признаны ее классическими образцами.

За исключением некоторых данных, относящихся главным образом к Средней Азии (особенно Балха и его района), специалист по исторической географии почти не найдет в этих двух сочинениях оригинального материала.

Однако для историка культуры они представляют определенный интерес. Уже много времени спустя после их создания они очень интенсивно переписывались в Средней Азии, а следовательно, имели своих читателей. Более того, судя по известным ныне спискам Маджма' ал-гараиб, их количеству, времени и месту их переписки,

можно заключить, что в XIX в. на всем его протяжении это сочинение являлось самым читаемым в Средней Азии географическим произведением.

Об этом могут свидетельствовать также данные. В Ташкентском каталоге зарегистрировано 25 списков Маджма' ал-гараиб (I № 676-681, У № 3994-4000, У I № 4315-4326); все они среднеазиатского происхождения; из них 23 списка относятся к XIX в. и только два - к XUI-XUI вв.

В Душанбинском каталоге зарегистрировано 10 списков (I № 217-226); все они также среднеазиатского происхождения; из них один список относится к XUI в., остальные к XIX в., а один даже к началу XX в. (1325/1907 г.).

Все 13 списков Маджма' ал-гараиб, находящиеся в ИВ АН СССР, относятся к XIX в. и происходят из Средней Азии.

Нам неизвестно ни одно географическое сочинение, которое по количеству выполненных в Средней Азии в XIX в. списков можно было бы поставить рядом с Маджма' ал-гараиб. Укажем для сравнения, что в названных здесь каталогах зарегистрировано всего только два изготовленных в Средней Азии в XIX в. списка Нузхат ал-кулуб - знаменитого и в свое время очень популярного географического труда Хамдаллаха Казвини (XIV в.).

Нет нужды говорить, что широкая популярность Маджма' ал-гараиб в Средней Азии еще в недавнее время является фактом, достойным внимания: он проливает яркий свет на одну из граней культурной жизни Средней Азии в прошлом столетии.

Л. К. Павловская

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

(О некоторых вопросах структуры и приемах изложения истории)

На протяжении многих веков история Китая фиксировалась на двух уровнях: изначально на уровне народном, это была изустная история (мифы, предания, легенды), а позднее и на уровне государственном - появилась письменная история. С разной степенью активности в разное время оба эти направления оказывали друг на друга воздействие: легенды и предания вошли составной

частью в официальную историю, а исторические сочинения вернулись в сферу народную и получили там свою новую жизнь. "Пинхуа по истории Пяти династий" - как раз пример бытования в народной среде исторического сочинения - труда Сыма Гуана "Цзи чжи тун цзянь". Это - первое известное нам в народной литературе сводное повествование, близкое к историческому роману, где зафиксирован опыт изложения исторического сочинения народным рассказчиком в традициях простонародной китайской литературы.

Хотя автор-рассказчик называет свое произведение "Пинхуа по истории Пяти династий", он ведет рассказ с конца династии Тан - с восстания Хуан Чао (875 гг.), которое, по его мнению, привело к гибели династии Тан и вывело на историческую арену будущих первых государей эпохи Пяти династий (906-960 гг.). Такое четкое логико-тематическое и хронологическое ограничение материала для изложения избранной темы было первым творческим шагом автора в освоении исторического источника. Позднее этот прием нашел свое выражение: в романе "Повествование об истории гибели Тан и истории Пяти династий" само название уже отражает как хронологические рамки, так и логическую связь и взаимозависимость событий.

Имея теперь заданный материал и основную линию развития сюжета (с момента, когда главные герои отмечены в истории Сыма Гуаном), автор должен объединить материал композиционно и дать движение сюжету. У авторов - историка и народного рассказчика - направленность и задачи творчества разные: первый - адресует свой труд правителям, дабы на примере всего хода китайской истории показать как надо управлять страной; второй пересказывает историю прежде всего простым людям, он как бы популяризирует ее и со своих позиций, своими средствами должен объяснить, почему и как произошло то, о чем рассказывает история. Отсюда и разные структурные решения: в истории - хронологическое, материал излагается в строгой временной последовательности, а в пинхуа - тематическое, причем каждая тема (лицо - династия - эпоха) излагается как своего рода "цзи ми бань мо" (запись событий от начала до конца).

Новое структурное решение позволило автору-рассказчику сделать и еще один шаг - дать движение сюжету. Исторический источник не отражает начального периода жизни и деятельности главных героев эпохи Пяти династий, в историях Пяти династий - Новой и

Старой — об этом периоде тоже содержатся сведения очень скудные и подчас разноречивые, и это дает автору свободу. Он сам воссоздает весь начальный период жизни своих героев и объясняет здесь, что явилось причиной событий, зафиксированных в истории, т.е. дает завязку данному сюжету, связывает вступительные части своего рассказа причинно с изложением собственно исторического материала.

Изложение темы "от начала до конца" в сочетании с хронологической канвой и материалом исторического источника, приводит в пикнуа к такой особенности, как повторение в разных его частях одних и тех же фактов истории. В "Цзы чжи тун цзянь" каждое событие фиксируется единожды, тогда, когда оно произошло, независимо от того, кто в нем участвовал и как оно отразилось на судьбах участников событий. Рассказчик же излагает материал по теме "династия" и вычленивает этот материал на другую тему "лицо" (главный исторический персонаж данной эпохи), поэтому, невзирая на время свершения событий, о них наиболее полно и подробно рассказывается в истории династии, которую каждый из них представляет. Но поскольку функционировать данный герой начал раньше — он принимал участие в борьбе за становление другой или других династий, то автор сообщает о нем и в предыдущих частях. Правда, эти сообщения касаются, как правило, только фактов, имеющих особое значение в судьбе главных героев. Факты повторяются, но не повторяется их изложение и интерпретация, автор творчески решает задачу повторов. Оставаясь в рамках исторического материала, он каждый раз меняет оттенки, переставляет акценты, изменяет соотношение цитируемого исторического материала; он вводит дополнительные сюжетные ходы и детали, показывая, то, что скрыто за подчас лаконичной записью истории, объясняя, почему и как случилось то или иное событие, названное историей, т.е. осознанно творит в пределах заданного соответственно с задачей, которую решает — чья история в каждом данном случае рассказывается "от начала до конца".

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РАССКАЗЫ О ДРЕВНИХ ПОГРЕБЕНИИХ ЙЕМЕНА

Во многих арабских сочинениях различных жанров приводятся рассказы о находках в Йемене древних погребений. Почти все они собраны в восьмом томе знаменитого труда ал-Хамдани (ум. 945 г.) - "ал-Иклил". Среди этих рассказов можно выделить три разряда.

I. Рассказы литературно-фольклорные, содержащие много обих для всех историй о кладовщиках мотивов и фантастических деталей. Таков, например, рассказ о находке могил царей племени Джурхум, сохранившийся во многих вариантах, на материале которых можно проследить долгую эволюцию его текста в арабской литературе (I, 209-211; 2, 171-172; 3, 183-190; 4, 141-142; 5, ст. Са'бан). С ним сходен рассказ о могиле Надада, в котором А. Кармали (3, 192, пр. I) и Ш. Пелла (6, 44-45) видят первоначальную версию истории о джурхумских могилах.

II. Рассказы литературно-фольклорные, но явно связанные с действительными событиями, показывающие хорошее знание обстановки и реалий. Примером может служить история о находке погребений царей народа 'Ад (3, 160-167), в которой нет невероятных событий, а детали описания подтверждаются археологическим материалом. Этот рассказ не имеет вариантов, и отдельные его отрывки не встречаются в других описаниях могил, как это имеет место в случае с историей о гробнице царей Джурхум.

III. Описания действительных находок. К этому разряду принадлежит большая часть описаний в "ал-Иклиле", УИ. Они очень кратки и являются сообщениями, а не развлекательными историями. Информационный характер и значительные совпадения с данными археологии делают данный разряд рассказов наиболее пригодным для реконструкции древнейеменских погребальных обрядов.

Средневековые описания дают нам об этих обрядах следующее представление (особо отмечены сведения, встречающиеся только в рассказах разрядов I и II):

Основные могильники располагались по обеим сторонам караванных дорог, царские же гробницы находились в горных пещерах Хадрамаута.

Погребальные сооружения: грунтовые погребения без инвентаря (3, 154, 155, 156, 198), пещеры, искусственные сикепы /3, 147/, сикепы в стенах туннелей (3, 183, раз. I). Наиболее распространенный тип погребального сооружения - гробница со сводом ($\text{ج}^{\text{أ}} \text{ن}$) (большинство описаний).

Положение тела: "скорченное" положение и следы окраски охрой (легенда о том, что тела кровоточили) во всех грунтовых погребениях без инвентаря; положения полусидя на ложе, прилонившись к стене (большинство описаний), есть намеки на бальзамирование /3, 154, 175/; положение в саркофаги - мраморный /3, 161, раз. II/, железный (3, 171), золотой (3, 172); захоронения стоя (3, 209 - в колонне, 208 - в пещере); захоронения костей - два черена на ложе (3, 146), золотой оссуарий на ложе (3, 169).

Погребения в основном одиночные. Есть парные погребения девушек (3, 146, 169, 170), есть несколько групповых (раз. I и II).

Инвентарь: одежды, украшения драгоценностями, печати, очкистры, оружие, конская упряжь (3, 149), ключи (3, 164, раз. II), статуи (музыканты с инструментами, женщина и девушка на ложе, танцовщица) (3, 165, раз. II) механические фигуры животных (1, 69 - дракон и лев, 5, ст. Са'бал - дракон), ложа, таблички с надписями (материал - золото, серебро, медь, слоновая кость, мрамор).

В настоящее время не представляется возможным окончательно проверить эти данные с помощью археологического материала. Из-за малого количества раскопок и неудовлетворительного качества результатов работ мы еще не можем получить полное представление о погребальных обрядах древнего Йемена. Все же, хотя полная проверка и невозможна, большая часть сведений, приводимых в рассказах, подтверждается данными археологии.

Почти все рассказы кроме описания погребения приводят переводы надписей из могил и имена людей, которые якобы были там похоронены. К действительно найденным погребениям эти материалы в большинстве случаев не имеют прямого отношения, и их следует рассматривать как составную часть хактанитского (визоваробского) историко-эпического предания. На основании текстов из могилы и стихов 'Алкамы ибн Зу Джадана к списку героев предания можно добавить имя хайла Хассана. Много могил связывается с деятельностью пророка Ну'айба. Это указывает на

то, что этот малоизвестный коранический пророк был очень популярен в средневековом Йемене.

Большая часть "переводов" надписей - это образцы "хмийаритской" поэзии, посвященной восхвалению и оплакиванию былого могущества Йемена. В них отразились некоторые действительные события и ситуации древней истории страны.

В отдельных местах имеются явные попытки перевода вкносарабских текстов. Приводимые иногда якобы подлинные тексты надписей скорее всего таковыми не являются, но могут послужить материалом для исследования средневековых арабских диалектов.

Анализ рассказов о находках древних погребений в Йемене показывает, что они могут быть широко использованы для изучения культуры древней и средневековой Южной Аравии.

Л и т е р а т у р а :

1. Вахб ибн Мунаббих-Ибн Хишам, *Китаб ат-таджан*, Хайдарабад, 1347 г.х.
2. Ибн Хабиб. *Китаб ал-мунаммак фи ахбар Курайн*, Хайдарабад, 1964.
3. Ал-Хамдани. *Ал-Иклиля*, УИ, ал-Кармали, Багдад, 1931.
4. Ал-Шибли. *Ахам ал-мурджан фи аххам ал-джан*, Миср, 1326 г.х.
5. Ад-Дамири. *Хайат ал-хайаван*, Миср, 1321 г.х.
6. *The Encyclopaedia of Islam* (2), I, Leiden-London, 1960.

М.А.Салахетдинова

ОБ ИСТОЧНИКАХ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ХАФИЗ-И ТАНЫШЕМ В ПРЕДИСЛОВИИ К "ШАРАФ-НАМА-ЙИ ШАХИ".

Труд Хафиз-и Таныша "Шараф-нама-Йи Шахи" или "Абдулла-нама" в основной части, где повествуется о походах Шейбанида Абдулла-хана (1583-1598), является первоисточником для истории Средней Азии второй половины XVI века.

Предисловие к этому сочинению, в котором большое место занимает описание многих исторических событий предшествующих времен (начиная с Ноя) в связи с изложением родословной Абдулла-хана, а также передается цель духовной преемственности шейхов Джуйбары, написано по трудам других авторов.

И.И.Умняков в статье "Абдулла-нама" Хафиз-и Таныша и его исследователи" (Записки Коллегии Востоковедов, т.У, Ленинград, 1930, стр.307-328) сообщает много важных сведений о данном сочинении Хафиз-и Таныша, о его списках, излагает историю изучения этого памятника, останавливается также на вопросе об источниках, использованных в этом произведении. В частности, он дает перечень источников, упомянутых Хафиз-и Танышем в предисловии к "Шараф-нама-и Шахи". В перечень вошли следующие сочинения: "Джами ат-Таварих" Рашид ад-дина, "Тарих-и Рашиди" Мирзы Хайдара, "Зафар-нама" Шараф ад-дина Али Йезди, "Равахату айн ал-хайат" Али ибн Хусейна Камифи, "Тарих-и Шейбани" (без указания автора).

Настоящий перечень следует дополнить и внести поправку к сказанному в статье об одном источнике.

Помимо приведенных в статье источников Хафиз-и Таныша называет еще следующие источники: исторический труд Мирхонда "Рауфат ас-Сафа" и известные произведения по суфизму "Фасл ал-Хитаб" Мухаммеда Парса, "Унсиййа" Якуба Чархи, "Кузват ал-Кудуб" Абу Талиба Мекки, а также "Бахр ул-Ансаб" и "Тазкира-и Табсират ул-Мубтади" (в двух последних случаях имя автора не приведено).

Последние пять произведений упоминаются в рассказах о Дхуйбарских шейхах, ходже Исламе и его сыне ходже Са'де, (духовных наставниках Абдулла-хана), при изложении цепи духовной преемственности их.

Сочинение Рашид ад-дина "Джами ат-Таварих", наиболее широко использованное в предисловии к "Шараф-нама-и Шахи", упоминается под этим названием только два раза. Это же сочинение фигурирует здесь под названием "Тарих-и Рашиди". Во всех трех случаях, когда встречается это название, надо иметь в виду не сочинение Мирзы Хайдара, носящее такое же название ("Тарих-и Рашиди"), как полагал И.И.Умняков (см. Записки Коллегии Востоковедов, т.У, стр. III, прим. № 3), а известный исторический труд Рашид ад-дина, ибо при ссылке на "Тарих-и Рашиди" рассказывается о таких событиях, которые совершенно не отражены в сочинении Мирзы Хайдара. Сочинение же Мирзы Хайдара упоминается в предисловии к "Шараф-Нама-и Шахи", но название его не приводится. При ссылке на сведения, сообщаемые этим автором, Хафиз-и Таныш пишет: "Эмир-зада Хайдар Мирза Кашири из племени дуглат в своей истории (дар тарих-и хин) описывает это событие".

В настоящее время установлено, что сочинение, упомянутое Хафиз-и Танини под названием "Тарих-и Нейбани" принадлежит Камал ад-дину Биван, а автором "Бахр ул-Ансаб" является Мухаммед Джа'фар Хусейни (см. Хафиз Танини ибн Мир Мухаммад Бухорий, Абдулманома, Ташкент, 1966, стр.347, прим.№ 391, стр.349, прим.№ 415).

Перечисленными выше сочинениями Хафиз-и Танини не ограничен круг источников для составления предисловия к "Нараф-нама-йи Шахи", а пользовался еще и другими источниками, название которых он не счел нужным привести.

Кроме письменных источников нам автор широко пользовался также существовавшими в его время устными преданиями и рассказами об исторических событиях и лицах.

Хафиз-и Танини не просто списывает сведения из того или иного источника, он часто сопоставляет данные двух или ряда источников, сравнивает их с устными преданиями и рассказами и на основании этого высказывает свое отношение к сообщаемому в источниках.

Ярким примером того, как относился Хафиз-и Танини к сведениям из источников, является его рассказ о Бурудж-углани. Подробно изложив события, связанные с этим лицом, он предупреждает читателя следующими словами: "включение Бурудж-углана в число синовых Абульхайр-хана представляется очень странным, ибо точно установлено, что у него было не более II синовой, при известных жизненных обстоятельствах хана, были приведены имена его синовой. Среди его синовой также нет никого, кто волевал бы с Друс-ханом и был бы убит. Как ясно и очевидно для мудрых истину в этой науке, и упоминается в устах турков, среди счастливых потомков хана согласно документу о нем, нет никого по имени «углан». Далее нам автор говорит, что он привел этот рассказ потому, что об этом написано у Миран Хайдара.

Приведенный пример (а число примеров можно было бы увеличить), позволяет говорить о том, что Хафиз-и Танини проявил известное критическое отношение к используемым им источникам.

I. Мы не призываем во внимание произведения художественной литературы, на которые также имеются ссылки в предисловии к "Нараф-нама-йи Шахи".

И. И С Т О Р И Я

А.С. Боголюбов

О МЕСТЕ КИЯС В РЯДУ ОСНОВ МУСУЛЬМАНСКОГО ПРАВА

Мусульманское схоластическое право фикх опирается на четыре основы: коран, сунна, иджма', кийас. Порядок расположения этих основ соответствует порядку их применения в юридической практике. Учение о четырех основах мусульманского права сложилось во II в.х./ VI в.н.э. и было закреплено трудами Мухаммада б. Идриса ан-Нафи'и (150-204 г.х.). С этого времени число основ и их порядок не изменились.

Позднейшие поколения правоведов и комментаторов восприняли этот порядок как историческую последовательность. Современные же историки ислама и мусульманского права, придерживаясь традиционных взглядов (Абу Захра, Махмассани, Зейдан и др.), только так и рассматривают эту проблему. Схема такова: коран - сунна, дополнение к корану - иджма', дополнение к корану и сунне - кийас, дополнение ко всем предыдущим.

В действительности же все источники мусульманского права формировались отнюдь не последовательно. Основатели мазхабов аш-Азха'и, Абу Ханифа и Малик б. Анас еще не систематизировали основы мусульманского права.

Их порядок, зафиксированный ан-Нафи'и предполагает, что кийас (суждение по аналогии), который представляет собой формализованное умозаключение ар-ра'и, занимает последнее место сре-

ди прочих источников, не может быть применен помимо них и всеми ими отводится. Этот порядок сохраняется до наших дней.

Однако ранние мусульманские правоведы использовали ар-ра'и Ал-Азза'и рекомендовал обращаться к разуму ('акил) и учитывать полезность (истихсан). Халиф Омар б. ал-Хаттаб (убит в 23 г.х.) в своем письме к сподвижнику Абу Мусе ал-Ан'ари рекомендовал применить кийас. И это в первые десятилетия ислама, когда даже коран не имел еще канонизированного текста, сунна только складывалась, а иджма' просто не могло еще существовать.

Таким образом, весь порядок основ мусульманского права может выглядеть так:

Почему же аш-Шафи'и, один из величайших знатоков предания, пренебрег этим свидетельством и поставил кийас на последнее место? Как последователь Малика б. Анаса, он с чрезвычайным уважением и осторожностью относился к корану и оуине. Как ученик аш-Шейбани, он очень хорошо осознавал необходимость рационалистического элемента в источниках права. Поэтому он ввел кийас в их ряд, но поставил его на последнее место. Это соответствовало его представлениям о предпочтении одних источников другим, но вовсе не соответствовало порядку их возникновения.

Д.Е. Борцовский

ВОССТАНИЕ ДЕКАБРИСТОВ И ЕГО ИСТОЛКОВАНИЕ ЦАРСКОЙ ДИПЛОМАТИЕЙ В ИРАНЕ

1. События, последовавшие после смерти Александра I (19.XI.1825) - так называемое междуцарствие (18.XI - 14.XII.1825) и восстание декабристов 14.XII.1825 г. - придали особую остроту и без того напряженным русско-иранским отношениям: Иран был на грани объявления войны России и любые беспорядки в ней спо-

собствовали успеху "военной партии" при дворах Фетх-Али-шаха и наследника престола Аббас-Мирзы.

2. 2.I.1826 г., - т.е. через 18 дней после воцарения Николая I, - секретарь русской дипломатической миссии в Иране А.К.Амбургер официально уведомил Аббас-Мирзу "о кончине всевысвейшего ... Александра Павловича" и воцарении Константина Павловича (АКАК, VI/2, стр.329, № 592); официальные извещения о тех же событиях были посланы главноуправляющим Грузию ген. А.П.Ермоловым самому шаху приблизительно в это же время, т.к. ответы на них шах и министр иностранных дел Ирана датированы 22.I.1826 г. (там же, стр. 332, № 594).

3. Однако, вскоре А.К.Амбургер попал в очень неловкое положение, описанное им в донесении от 9.II.1826 г. к ген.-л. И.А.Вельяминову, управляющему гражданскою частью на Кавказе: "Служу всякого рода распространяются по Персии: говорят, что Е.Вис.Николай Павлович взомел на Всероссийский Престол, что Е.В.Г.И.Константин Павлович собрал войско и что Россия раздираема междоусобною войною. Аббас-Мирза сам мне говорил о восшествии на престол Николая Павловича с такою уверенностью, которая меня изумила, и хотя я уверял его, что если бы была какая-нибудь перемена, то, конечно, мое начальство не оставило бы меня уведомить, но я не мог его разуверить. Таковые слухи могут иметь только неблагоприятное влияние на министерство Персидское... Повсюду разосланы приказы быть в готовности войску. Е.виз.Аббас-мирза отправляется на днях на Мугань..." (там же, стр.337, № 608). А.П.Ермолов наложил содержание этого письма в своем отношении к канцлеру Нессельроде от 4.II.1826 г., добавив, что "в Тавризе... распространялся слух... о случившемся в С.-Петербурге 14-го декабря промешствии" и подчеркнул опасность подобных слухов.

4. Совершенно очевидно, что при создавшейся ситуации необходимо было разъяснить иранскому двору характер "случившегося промешствия" в таком духе, чтобы в Иране были уверены, "что если бы и могла случиться перемена в России, то она только может быть последствием собственной воли... Государя и никогда не может иметь малейшего влияния на спокойствие нашего отечества" (слова А.К.Амбургера из цитированного выше его письма, там же, стр. 337).

Такого объяснения нет ни в последних Николая I и Нессельроде к иранским властям (см. там же, стр.384, № 598, 599; стр. 386, № 604), ни в других доступных мне русских и западно-европейских публикациях. Но объяснение было дано.

5. Пересказ его содержится в персидской хронике "Тарих-и нау" ("Новая история"), составленной в 1850 г. сыном Аббас-мирзы Джахангир-Мирзой, который присутствовал при свидании Аббас-мирзы с А.К.Амбургером в конце февраля - начале марта 1826 г. в небольшом селении Нахичеванской округи, где наследник остановился во время объезда пограничных районов.

6. "Мирза Амбургер, который был поверенным в делах Российского государства, а по русскому выражению консулом и имел резиденцию в стольном городе Тебризе, прибыл на упомянутую стоянку и, выразив скорбь по случаю кончины русского императора Александра Павловича, произнес поздравления (в связи с восшествием на престол императора Константина и поздравления /по волеу/ восшествия на престол великого императора Николая Павловича. Из этих сообщений стало ясно, что в Российской державе приключились волнения и, по причине их необычности, этот рассказ здесь вкратце изложен.

Александр Павлович не имел детей и по русским обычаям наследником престола был старший из /оставших/ его братьев Константин. Этот Константин питал склонность к одной женщине недостаточно благородного происхождения, а по законам той страны дети подобных женщин недостойны трона. Из-за своей страсти Константин хотел обвенчаться с этой женщиной и сделать ее своей женой. Александр Павлович через посредство своей матери объявил брату: "Если ты обвенчаешься с этой женщиной, то это будет несовместимо с положением наследника престола. Либо откажись от этой женщины, либо дай письменное отречение от престолонаследия". По великой своей любви к той женщине, Константин вручил матери письменное отречение от престолонаследия.

Когда Александр Павлович скончался, большинство русских, ничего обо всем этом не зная, были сторонниками его /Константина/ воцарения, /однако/ некоторые из осведомленных вельмож поспешили в услужение к младшему брату Николаю Павловичу и сочли его императором.

Несколько дней в стольном городе Петербурге происходили эти скандалы и между приверженцами обеих сторон дело дошло от переговоров до рукопашной: на площади стольного города Петербурга стали палить из пушек и ружей и многих поубивали. Тогда мать вызвала Константина, предъявила ему письмо его и Константина, утвердив /права/ брата на царство, поспешил к нему на помощь: выйдя к поддерживавшим его войскам, он заявил о своем подчинении /брату/ и удержал от таких деяний. Так досталась русская держава царю, который и ныне, когда я пишу это, является повелителем всея Руси" (Тарих-и нау, стр. II-I2).

7. Так, с помощью полуправды и умолчаний, восстание декабристов было подменено даже не борьбой за престол, - привычной для францев тех времен спутницей смены монарха, - а печальным недоразумением, которое носило как бы законный характер: ведь оба наследника и на престоле побывали, и дело полюбовно разрешили.

БИБЛИОГРАФИЯ:

АКАК - Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Издание Архива Главного управления наместника кавказского, т. VI, ч. 2, Тифлис, 1875.

Тарих-и нау - Тарих-и нау (Ибми-и хавдид-и даур-и Каджарийа, аз сай-и 1240 гъ 1267 камарй). Та'алиф-и Джахангир-Мирза б. Аббас-Мирза Нб'иб ас-Сайтана. Ба са'й ва мхтимй-и Аббас Икбал. Тегеран, 1327 х.с.

К. В. Васильев

ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Уже в текстах, оставленных через несколько десятилетий после победы чжоусцев над Инь-Шан, начинает оформляться мысль, что начало Чжоу было временем жизни обладателей "полной истины". Тексты отражают становление окрашенной в тона этимологического мифа концепции, согласно которой начало чжоуского правления было результатом деятельности двух лиц - Вань-вана, мирного пре-

вителя, представлявшего первообраз благочестия, и У-вана, военного вождя и завоевателя. Традиция считает их людьми, добившимися благорасположения Неба, верховного божества в религии чжоуского правящего рода, в котором, судя по ряду свидетельств, древние признавали личное начало, наделенное рядом чисто этических предикатов. Как явствует из надписей на бронзовых ритуальных сосудах, западночжоуские идеологи, видевшие в земной жизни единственную арену правосудия Неба, объясняли возвышение племени чжоу тем, что вождям последнего было вручено "небесное повеление" ("тянь мин"), утраченное прежде наюккими ванами. В обращении к владельцу сосуда "Да Юй дин" (нач. X в. до н.э.) сказано: "Юй, величественному и славному Вань-вану Небо вручило великое повеление. Когда У-ван наследовал Ваню, он создал государство. Он устранил сотворенное ими (шяцями) зло, распространил власть Чжоу на четыре страны света... Я слышал, что Инь потеряло повеление Неба". Мысль об избранничестве Ваня и У повторена в надписи на сосуде "Мао-гун дин" (кон. IX - нач. VII вв. до н.э.). Официально санкционированное утверждение исторического идеала в прошлом обусловило то, что с самого начала политическая мысль стала ориентироваться не на поиски новых методов, а на копирование. Первые ваны из дома Чжоу превратились в идеальные образцы, определявшие способ и характер социального поведения представителей западночжоуского правящего слоя. Так, в наставлении владельцу сосуда "Му гуй" (кон. X в. до н.э.) сказано: "Му, ты не смеешь пренебрегать светлыми образцами, которые установлены прежними ванами", а лейтмотивом речи правителя, сохранившейся в надписи на "Да Юй дине", служат слова: "Я только лишь следую образцу, заключенному в "да" Вань-вана". Сумма магических способностей - "да", упоминания о которой появляются впервые в ранних западночжоуских надписях, представляет собой важнейший элемент концепции сохранения традиционного порядка в мире.

В официальных гимнах дома Чжоу, а также в других ранних текстах, встречается утверждение, что первые чжоуские ваны стали избранниками Неба потому, что в них проявилась "да", а с нею и возможность достижения идеального для данной системы образца поведения: "Ведь этот Вань-ван был осторожен и почителен, с открытой душой служил Верховному владыке (т.е. Небу - К.В.) и

тогда обрел большое благополучие. Его "дэ" была без порока и поэтому он получил владения четырех стран света" ("Ни цзин", "Да я", "Да мин"). Что касается последующих поколений, то их задача заключалась в сохранении "небесного повеления", полученного Вань-ваном. Исполнение этой задачи представлялось западночжоуским идеологом делом весьма сложным. Если с одной стороны, они видели в Небе воплощение высшего этического авторитета, то с другой, судя по данным семи глав "Шу цзин", создание которых современная наука относит к X-УИ вв. до н.э., они испытывали постоянный страх перед бесстрастием и неисповедимостью небесного правосудия: "Небесное повеление нелегко сохранить. Небу трудно доверять". "На Небо нельзя полагаться" и т.д. ("Шу цзин", "Чжоу шу", "Цзинь ши"). В условиях примитивности и противоречивости религиозно-этических воззрений они вынуждены были искать выход не в достижении правителем неких абстрактных достоинств, основанных на внутреннем нравственном самоопределении, а во внешнем копировании канонизированного образца поведения, представлявшего одну из ипостасей "дэ": "Нам чужь в том, чтобы лишь сохранять "дэ" вана - умиротворителя, тогда Небо не будет иметь случая изменить повеление, полученное Вань-ваном". ("Шу цзин", "Чжоу шу", "Цзинь ши"). Убеждение в том, что для сохранения милости Неба жизнь правителя должна была проходить в замкнутом кругу неизменных действий, соответствовавших разным проявлениям "дэ", было одной из центральных догм западночжоуской официальной идеологии. Однако типизация поведения была характерной чертой жизни не только правителей, но в других группах правящего слоя, внутри которых, по-видимому, существовали свои стандарты деятельности. Ведь одним из наиболее распространенных элементов правил и предписаний, встречающихся в западночжоуских надписях, были призывы к подражанию. В этой системе социальной регламентации использовались стандарты разных уровней. Кроме первых западночжоуских ванов, бывших главными объектами подражания, часто в качестве образцов выступали и предки тех лиц, к которым обращены надписи на ритуальных сосудах: "Приказываю тебе, Юй, следовать образцу и быть преемником твоему предку Вань-гуну" ("Да Юй дин"). В надписи на сосуде "Фань Шэи гуй" (сер.

IX в. до н.э.) сказано: "Фель Хан не смеет не брать за образец своих усопших предков". Аналогичные предписания сохранились и на других известных западночжоуских памятниках ("Ши ван дин", "Го Му-лай чжу"). Поскольку надписи обращены к представителям древнекитайского государственно-административного аппарата, естественно заключить, что именно в сфере управления обществом подражание образцу первых чжоуских ванов или образцу предков было нормами оценки и поведения. Одним из институтов, поддерживавших здесь установку на тщательное сохранение заданного образца, было наследственное замещение должностей. Собственно говоря, упоминаемый в надписях "образец предков" был символом целой социально-этической программы, устанавливавшей последовательность действий представителей публичной власти в той или иной ситуации.

Е.И.Васильева

ЭПИЗОД БОРЬБЫ ШАХА 'АББАСА I С КУРДСКИМ ПЛЕМЕННОМ МУКРИ

В XVI веке Курдистан стал ареной непрерывных войн между Османской империей, к тому времени достигшей зенита своего могущества, и Ираном, объединившимся в рамках Сефевидского государства. Курдские области подверглись хищническому ограблению, и Курдистан был поделен между Ираном и Турцией - линией раздела должен был служить Загросский хребет.

К востоку от Загросских гор находилось сильное Арделанское княжество, проживали многочисленные курдские племена: мукри, махмуди, бередост, думбули, сийях-мансур и др.; курдские эмиры управляли Махидаштом, Дартангом, Бене и Паланганом. Несмотря на все старания сефевидских шахов покорить курдов, Арделанское княжество сохраняло полунезависимое положение. По свидетельству Шараф-хана Бидлиси, вали Арделана "самодержавно и безраздельно" управлял своими владениями. Эмиры племен мукри, махмуди, бередост и др. (как, впрочем, и многих курдских племен, проживавших по другую сторону Загросского хребта) в зависимости от сложившейся

политической конъюнктуры, признавали власть то турецкого султана, то персидского шаха, а в действительности не подчинялись ни тому, ни другому.

С приходом к власти шаха 'Аббаса (1587-1629) предпринимаются новые усилия, направленные на установление реальной власти иранского шаха над курдами. Последовательно проводя централизаторскую политику, шах 'Аббас прибегал к самым крутым мерам, вплоть до уничтожения непокорных эмиратов и почти поголовного истребления "своевольных" племен.

Примером этого может служить кровавая расправа, учиненная шахом 'Аббасом над племенем мукри. Попытки предмественников 'Аббаса I - Тахмасба и Мухаммеда - привести мукрицев в повиновение закончились неудачей. Амйре-бек б. Найх Хайдар, глава племени мукри, открыто сотрудничал с турками во время завоевания ими Закавказья и даже получил звание пана и область Мераги на правах беглербегства "при условии, что он ее отнимет у кызылбашских наместников" (Нераф-наме, М. 1967, стр.341).

Наследовавший Амйре-беку его сын Найх Хайдар, по словам Искандара мушй (Тарйх-и 'алам-арэ-йи 'Аббасй, Тегран, 1885 г.х. II, стр. 812), "пользовался еще большей независимостью, нежели отец". При сыне Найх Хайдара Кубад-хэне "непослушание их (мукрицев) перешло границы благоразумия".

Удобный момент свести счеты с мукриским эмиром представился шаху 'Аббасу весной 1610 г., после захвата крепости Димдин. Эта крепость служила оплотом другому непокорному курдскому эмиру, главе племени берадост Амйр-хэну, восставшему против иранского шаха. Исполненный трагизма рассказ об этом побойце содержится в упомянутой хронике "Тарйх-и 'алам-арэ-йи 'Аббасй", написанной верным сторонником и придворным историографом шаха 'Аббаса.

Весной 1610 г. шах 'Аббас направился к резиденции мукриского эмира - крепости Гаудол, но до крепости не дошел и остановился лагерем в ее окрестностях. Кубад-хэн выехал ему навстречу в сопровождении 150 верных слуг. "К августейшему лагерю он подъехал к вечеру и с тремя-четырьмя приближенными вошел в небесноподобную обитель. Когда оказались они в государевом нагге и стали снимать сапоги, гуламы, повинуясь высочайшему повелению, окружили его и его спутников и, не давая двинуться и произнести

/хоть слово/, разрубили на части острыми мечами, а их обезображенные тела унесли за перегородку в шатре ... 'Али-кули-хакү нәйхү ишик-агаси-бани было приказано стоять у входа в шатер и вызывать собравшихся по одному, а, когда войдут в шатер, убить и тела убитых убрать за перегородку, чтобы они были укрыты от взоров входящих" (стр. 818).

Так погиб Кубад-хән и вся его свита. Затем "его величество воссели на быстрого, как ветер, коня с плавной поступью небес и направились к крепости Гаудол", чтобы заняться истреблением ничего не подозревавшего населения. "Убивали каждого, кто попал им в руки", пощады не было никому. Мукришцев связывали по 50-60 человек и приводили к шаху - "каждущие мнения борцы за веру в мгновение ока отправляли их на тот свет". Заодно были уничтожены и небольшие племена: би'и, уриад и др. только за то, что "пребывали среди народа, враждебного правительству".

Лишь несколько дней спустя "утих монарший гнев". Небольшая группа тех, что остались в живых, уже не казалась шаху 'Аббасу опасной и была им помилована.

Расправа 'Аббаса I с племенем мукри является лишь одним из эпизодов широко развернувшейся кампании сефевидских шахов, направленной на покорение курдов. Она показывает, что осуществляемая поныне в отношении курдского народа политика угнетения уходит корнями в далекое прошлое.

Литература: تاریخ عالم آرای عباسی تالیف اسکندر
بیک ترکمان ، جلد ۱-۲ ، طهران ، ۱۳۲۴ - ۱۳۳۵ .

А.М.Голдобин

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ОАР В 1962 г.

В середине 1962 г. положение ОАР в арабском мире было очень сложным. ОАР не имела ни одного союзника среди арабских государств. К старому конфликту с Ираком присоединилась еще более ожесточенная вражда с Сирией, которая после выхода из ОАР велла кампанию нападок на правительство Насера.

В июле 1962 г. сирийский премьер подал жалобу в Лигу арабских государств, обвиняя Египет во вмешательстве во внутренние дела Сирии. Сирийско-египетский спор рассматривался в августе 1962 г. на сессии Лиги в Штуре. В разгар дискуссии было объявлено о бегстве в Сирию египетского офицера, который будто бы привез документы, подтверждавшие жалобы сирийского правительства. В этой обстановке египетская делегация покинула сессию в Штуре. ОАР временно прервала связи с Лигой.

Однако в сентябре 1962 г. ОАР получила возможность преодолеть временную изоляцию и восстановить свой престиж в арабском мире. 26 сентября 1962 г. произошел революционный переворот в Йемене. Новое республиканское правительство, не располагая собственными значительными силами и имея дело с монархической контрреволюцией, обратилось к Камру с просьбой о помощи. Тем самым ОАР смогла подтвердить свое положение защитника революционного движения во всем арабском мире. В начале октября 1962 г. в Йемен прибыли египетские войска.

В тот момент обе стороны нуждались друг в друге: и ОАР и Йеменские республиканцы. ОАР смогла благодаря событиям в Йемене создать перелом в свою пользу среди арабского прогрессивного общественного мнения. Кстати, после революционного переворота в Сирии в марте 1963 г. обвинения против ОАР в Лиге арабских государств были сняты. Египет приобрел союзника — Йеменскую Арабскую Республику. В свою очередь Йеменское республиканское правительство смогло благодаря египетским войскам выдержать первые удары монархистов, закрепить новый режим в основных центрах страны, добиться определенной военно-политической стабилизации. В Йемене, особенно, в главных городах, стали быстро расти новые силы, прежде всего, патриотическая молодежь, рабочая и учащаяся. Впоследствии это позволило отразить наступление роялистов в декабре 1967 г. Укрепление позиций арабской революции в Йемене имело первостепенное значение для начала антиимпериалистического восстания в Южном Йемене (Адене и Хадрамауте) в октябре 1963 г., которое привело к освобождению этого района от английского господства.

В дальнейшем проявились отрицательные стороны пребывания египетской армии в Йемене, усугублявшиеся ошибками бывших военных руководителей ОАР (отстраненных в 1967 г.). Имело место неоправданное вмешательство египетских военных в дела ЙАР, не были по-ва-

стоящему созданы Йеменские республиканские вооруженные силы. В 1967 г. президент ОАР Насер принял к выводу, что египетские войска выполнили свою историческую задачу в Йемене и должны быть выведены. Затем йеменские республиканцы сумели одержать решающие победы в гражданской войне.

Т.С.Ернзарова

МОНЕТНЫЕ НАХОДКИ НА ГОРОДИЩЕ АФРАСИАБ

1947-48 гг.

(Из раскопок А.И. Тереножкина)

Для разработки стратиграфии Афрасиабского городища - остатков древнего Самарканда - и решения вопроса о времени возникновения здесь города первостепенное значение имеют находимые на городище монеты, их систематизация и комплексное изучение. Между тем до настоящего времени этот ценнейший источник изучался далеко не достаточно, большая часть монет с городища даже не издана. К таким неизданным материалам принадлежат монеты из раскопок в 1947-1948 гг. А.И.Тереножкина, производившего археологические работы в северной части городища к востоку от цитадели. Именно здесь археологом был открыт первый на городище клад сасанидских серебряных монет. Кроме клада, в раскопочные сезоны указанных двух лет на городище, в разных участках, обнаружено 58 серебряных и бронзовых монет.

Клад сасанидских монет был найден в 1948 г. Он был обнаружен в корчуге при раскопках жилого помещения здания на левом берегу оврага мавзолея Ходжа Данияр¹. Клад состоит из 20 монет Пероза (459-484 гг.) - двух целых экземпляров и большого количества обломков от 18 монет. На целых монетах сохранились две монограммы АТ или АМ и АТ, на двух обломках две другие - АВ и АТ. Еще одна монета Пероза с этой последней монограммой была найдена при раскопках на городище в 1965г.² Монеты с указанными монограммами принято относить к чекану Истахра, Амула и Амрана. Над зольником в том же помещении, в котором стоял хум с кладом сасанидских монет, находилась еще

одна сасанидская монета, плохой сохранности; вероятнее всего, судя по некоторым деталям оформления ее лицевой стороны, драхма Варахрана У (420-439 гг.). Как известно, находки монет Варахрана У в долине Зеравшана, крайне редки, в то время как находки других сасанидских монет, не только единичных, но и кладов, в особенности монет и кладов Пероза, явление отнюдь не редкое. Три согдийские бронзовые монеты китайской формы; найденные в одном помещении с кладом из-за их плохой сохранности не могут быть определены точнее.

Среди единичных монетных находок за 1947-1948 гг. первое место по количеству принадлежит 25 разным согдийским бронзовым монетам (из раскопок в пункте 10 и пункте 36), из которых 9 опять-таки из-за их состояния определены быть не могут. Из 16 определенных экземпляров один принадлежит к числу древнейших азиатских монет Согды с изображением человеческой головы на лицевой стороне и у-образным знаком, присвоенным впоследствии самаркандским царям, на оборотной; две другие - к числу двуязычных согдо-китайских монет, литых в Согде в подражание китайским монетам династии Тан вероятнее всего во второй четверти V в. Остальные 13 монет принадлежат самаркандским (ихшидам) VI-VII вв. Из этих 13 монет - 4 принадлежат ихшиду (MLK') Тукаспадаку (696-698 гг.), пять - его предшественнику, одна - Гуреку (710-737 гг.) и две - сыну последнего и его преемнику на самаркандском престоле (738 - ?). Одна монета (фрагмент) принадлежит неизвестному ихшиду, имя которого, несмотря на многочисленность его монет, имеющихся в распоряжении исследователей, до сих пор не прочтено с достоверностью. Ориентировочно такие монеты в настоящее время датируются мугским археологическим комплексом и археологическим комплексом с городища Ток-кала концом VI в. - началом VII в.³

Другую группу монет составляют II халифетских дирхемов и фельсов (из раскопок в пунктах 2, II, 37 и 38), 5 из которых не поддаются определению. Три из 6 определенных монет времени халифа Мамуна (810-833 гг.) отчеканены в 205 г.х. (820 г.н.э.) в Самарканде, три других - сравнительно редко встречающиеся серебряные монеты, чеканившиеся по типу местных серебряных монет первых аббасидских наместников Абу Дауда Халида и будущего халифа Мухаммеда ад-Махди, были выпущены, как то предполагается, от

имени ад-Амина. За время раскопок на городище только в 1965 г. была обнаружена еще одна такая же монета, но отчеканенная другим штампом.

Вторую по количеству после согдийской группу монет с городища за 1947-1948 гг. составляют 22 саманидских фельса плохой сохранности (из раскопок в пунктах 3, 8, 9 и 30), четыре из которых отчеканены в Самарканде, три в Бухаре и один в Ахсикете. На остальных 14 экземплярах места их чеканки не читаются.

Таким образом, монеты, обнаруженные на городище в раскопочные сезоны 1947 и 1948 гг. охватывают сравнительно длительный период с V в. до середины IX в. и представлены следующими основными комплексами: 1) монетами V века (сасанидские драхмы и согдийская анаэпиграфная бронзовая монета), 2) монетами второй половины VI в. - первой половины VII в. (бронзовые монеты ихшидов) и 3) монеты первой половины IX в. (аббасидские дирхемы и фельсы и саманидские фельсы).

Наиболее ранние из этих монет представлены драхмами двух Сасанидов - Варахрана V и Пероза, самые поздние - саманидскими фельсами. Аналогичную картину дало изучение монет с городища, найденных на нем в 1965 году.

Монеты первых веков н.э. среди них отсутствуют, что является важным обстоятельством для решения вопроса о времени упадка жизни в древнем Самарканде.

Самая ранняя по времени монета, обнаруженная до сих пор при раскопках на Афрасиабе, - медная монета Селевкидов с надписью ΑΠΤΙΟΧΟΥ и кадуцеем была найдена в 1968 г. в стратиграфическом шурфе к востоку от рынка Сиаб.

---

1) А.И.Тереножкин. Раскопки на городище Афрасиаб. КСИИМК XXXVI, 1951, М.Л., стр. 137.

2) Т.С.Ерназарова. О монетных находках на Афрасиабе в 1965 году. Сб. Афрасиаб, Ташкент, 1969, стр.317-329.

3) Согдийские монеты из раскопок А.И.Тереножкина учтены О.И.Смирновой в книге "Сводный каталог согдийских монет". Бронза (печатается).

ДРЕВНЕТУРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ ЭПИГРАФИКА:
ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Древнетуркские рунические надписи являются древнейшими письменными памятниками тюркоязычного населения Центральной и Средней Азии, Южной и Восточной Сибири, юго-восточной Европы; они могут быть датированы V—XI вв. Руническое письмо восходит к старосогдийскому алфавиту; возникновение рунического письма следует отнести к V—VI вв. Известное единство языка памятников позволяет предположить, что в основе этого языка лежал диалект племени ашина, превратившийся в государственный язык Туркского каганата и сохранивший значение литературного койне и после падения этого государства.

Несмотря на огромную территорию распространения (от Монголии до долины Дуная), известные сейчас памятники группируются в сравнительно ограниченных районах — культурно-политических центрах древнетуркских государственных и племенных объединений (Туркского и Уйгурского каганатов, Кыргызского государства, племенных союзов курыкан, кимаков, печенегов, Уйгурского государства в Восточном Туркестане). Жанр памятников весьма разнообразен — это историко-биографические тексты, эпитафийная лирика, памятные надписи, магические и религиозные тексты, юридические документы, метки на бытовых предметах. Сюжетная неоднородность и неравноценность историографической информации, содержащейся в памятниках, делают невозможным унифицированный подход к их изучению; исследование памятников как исторического источника требует выделения таких надписей, которые относятся к одной историко-политической группе, близки по своим сюжетно-жанровым особенностям и дают достаточный для анализа материал. В наибольшей степени указанным требованиям отвечают памятники орхонского круга (Северная Монголия).

В отличие от всех других рунических памятников, древнетуркские орхонские тексты содержат, взаимно дополняя друг друга, связное изложение истории Восточнотуркского каганата от его создания до начала упадка, рассказанное от имени крупнейших деятелей

лей этого государства. Древнеуйгурские рунические памятники Монголии не менее важны для изучения истории Уйгурского каганата. Новые перспективы открывает включение в круг уже известных памятников Бугутской согдийской надписи и Тарьятской стены. Бугутская надпись является единственным известным памятником первого Туркского каганата и сюжетно принадлежит к кругу историко-биографических "царских" надписей. Тарьятская руническая надпись является третьим крупным памятником, относящимся к уйгурской эпохе. В сопоставлении с известными крупными текстами древнетуркского и древнеуйгурского периодов могут оказаться весьма интересными многочисленные мелкие рунические надписи Монголии, особенно значительное число которых было обнаружено за последние два года. Однако, такого рода сопоставительное исследование встречает ряд трудностей филологического характера.

Изучение древнетуркских рунических памятников теперь находится на той ступени развития, когда настоятельно необходимо критическое переиздание и составление свода всех известных текстов. Многочисленные издания ряда памятников не только не охватывают сколько-нибудь полно известных ныне надписей, но, что главное, содержат значительное число неточно воспроизведенных текстов или частей текста. Так, ревизия надписей Хойто Тамира, предпринятая автором в 1969 г., совершенно меняет представление об этом эпиграфическом комплексе. Вокруг ошибок воспроизведения памятников накопилось немало ошибок исследовательского характера. Потребность составления "Корпуса древнетуркских рунических надписей" в настоящее время общепризнана.

Древнетуркские рунические памятники являются первыми письменными документами, не связанными с китайской историографической традицией, фиксирующими исторические события, происходившие на огромных территориях Центральной Азии и Южной Сибири. Ярче, чем какие-либо другие документы, они показывают процесс формирования древней цивилизации и ранней государственности на этих территориях, сложение самобытной культуры их народов. Памятники убедительно свидетельствуют, что в эпоху апогея внешней экспансии Танской империи (УП-IX вв.) народы Центральной Азии и Южной Сибири сумели отстоять и упрочить свою политическую и культурную независимость от Китая. Вместе с тем, руническая эпиграфика показывает теснейшую этническую и культурную связь населения Цен-

тральной Азии и Южной Сибири с населением Средней Азии (сама руническая письменность — согдийского происхождения).

Таковы основные итоги и актуальные задачи изучения древнетюркской рунической письменности, ее культурно-историческая оценка и историографическая значимость.

Б. Б. Кумеков

РАССЕЛЕНИЕ КИМАКСКИХ ПЛЕМЕН В IX-XI вв

Анализ сведений о кимаках, имеющих в известных нам арабо-персидских сочинениях IX-XVI вв., а также привлечение картографического материала, содержащегося в них, позволяют представить сравнительно полную картину расселения кимаков с первого по времени упоминания этнонима "кимак" (Тамим б. Бахр) до их "моченовения" в XI в.; подтвердить, уточнить и дополнить те представления о расселении кимаков, которые существуют в исторической науке (В. В. Бартольд, И. Маркварт, В. Ф. Минорский); проследить расширение территории кимакских племен.

I. Расселение кимаков к середине IX в. Наиболее ранние сведения о расселении кимаков содержатся в легенде о изначальном семиплеменном составе кимаков, приводимом автором XI в. Гардизи. И. Маркварт относит эти сведения к началу VIII в. По данным этого источника кимакские племена обитают на Иртыше. Эта локализация кимаков подтверждается рядом арабо-персидских источников (Тамим б. Бахр, Ибн Хордадбех, Кудам б. Джафер, "Худуд ал-алам", ал-Идриси). С первой половины IX в. кимакки расселяются в северо-восточном Семиречье (возможность распространения владений кимаков столь далеко на юг от Прииртышья не рассматривалась в научной литературе) и становятся соседями тогузгузов (Тамим б. Бахр, Ибн Хордадбех, "Худуд ал-алам"). Западная граница кимакских племен (кыпчачков) доходила вплоть до восточной части Южного Урала и Приаральских степей ("Худуд ал-алам", Янь-ши, Гардизи, ал-Марвази, ал-Бекфи).

Археологические изыскания в Центральном, Восточном и Северо-Восточном Казахстане открыли ряд курганных захоронений IX-

XII вв., принадлежащих к кимако-кыпчакским племенам (А.Х.Маргулан, С.С.Черников, Ф.Х.Арсланова).

II. Расселение кимаков к середине X в. Сведения ал-Истахри, Ибн Хаукаля, "Худуд ал-алам", Мас'уди, Фирдауси позволяют заключить, что распространение кочевий кимакских племен шло с востока на запад (это движение началось после разгрома союза печенежских племен союзом огузов, кимаков и карлуков между серединой и концом IX в.). В результате этого кочевья кимаков распространились на районы южной и юго-западной части предгорий Южного Урала, на бассейны Эмбы и Урала до Каспийского побережья. К этому времени относится путешествие Абу Дулафа, которому пришлось ехать по земле кимаков 35 дней. Сведения о местоположении кимаков имеются в астрономических таблицах ал-Брусави и Ибн Саида ал-Магриби.

III. Расселение кимаков к началу XI в. Сведения ал-Макдиси позволяют установить, что во второй половине X в. группа кимаков продвинулась к правобережью Сыр-Дарьи (Сауран, Шегльджан), соприкасаясь непосредственно с мусульманскими областями Туркестана. К этому времени относятся сведения ал-Идриси, который описывает расселение кимаков на их основной территории (Прииртышье) и приводит уникальные сведения об обитании кимаков в Северо-восточном Семиречье между Джунгарским Алатау (Дардан) и Тарбагатаем (Гир-гир), вокруг системы Адакольских озер (Гаган). На этой территории кимаки граничили не только с карлуками и тогуз-гузами, но и с группой тьянь-шаньских киргизов, что подтверждается сведениями ал-Марвази и Ауфи.

IV. События первой трети XI в., описываемые ал-Марвази, Ауфи, Шабангарем, Шукруллахом и нашедшие свое отражение также в хронике Матфея Эдесского, породили грандиозную волну миграций кочевых племен, вытесненных из Центральной Азии и вторгшихся в Среднюю Азию и Восточную Европу. В результате этих событий кимаки потеряли политическую гегемонию над подчиненными племенами, и на смену кимакам приходит усилившееся родственное племя - кыпчаки. В ходе этих событий ареал расселения кимакских племен также претерпел значительные изменения. Естественно, в такой ситуации кимаки могли удержаться только на тех землях, где они жили компактными группами. Сведения Махмуда Кашгарского, который располагает именами кимаков (кимаков) в бассейне Иртыша, на их основной территории, относятся именно к этому периоду. На карте Махмуда Кашгарского имаки (кимаки) показаны на левом берегу Иртыша.

О НЕКОТОРЫХ ТАНГУТСКИХ НАИМЕНОВАНИЯХ СОСЕДНИХ
НАРОДОВ

Всякий раз, когда в исследовании прежде мало известного или неизвестного языка наступает этап чтения текстов большого объема историко-литературного содержания, возникает вопрос о выделении этнонимов - наименований народов данного ареала и данной эпохи, встречающихся в текстах. Приходится решать подобную задачу и при чтении тангутских текстов. Если некоторые этнонимы: китайцы, тибетцы - были известны почти сразу из Дянчжоуской степы-билингвы 1094 г. и тангутско-китайского словаря "Жемчужина в руке" 1190 г., то для выявления других (уйгуры, татары, чжурчжэни) потребовались многие годы. Лишь в настоящее время с достаточной уверенностью можно назвать основные тангутские наименования народов, проживавших на границах тангутского государства Великое Ся /982 - 1227/. Ниже мы и остановимся на анализе их происхождения и смысла тех письменных знаков, которыми данный этноним передавался.

1. Китайцы . Произношение этнониме в китайской транскрипции "цаань", реконструкции чтения - у Нисида *bsar* у Софронова *za*. Тангутское наименование китайцев совпадало с тибетским *rgya* /джя/. Полное тибетское наименование Китая *rgya-nag* /джя-на/ также встречалось нам в тангутских текстах в форме   (H. *bsarnhiab* C. *zanda*), где второй компонент наименования передан, как и в тибетском названии, в том же значении "черный". Тибетское "джя-на" по толкованию известного словаря Сарат Чандра Даса /стр. 305/ означало "большая страна, где люди носят черные одежды". Структура письменного знака, которым передан тангутский этноним "китаец" вскрывает презрительное отношение тангутов к китайцам, явление нередкое у многих народов по отношению к соседям. По тангутскому словарю "Море письмен" /М., 1969, № 2340/ знак образован из среднего компонента знака со значением "китаец" и полностью знака со значением "насекомое". Это явная мистификация. Совершенно очевидно, что знак - сам производный

от , а компонент , якобы вошедший из знака в знак , сам, как и - самостоятельный знак со значением "меленький", "мелкий". Таким образом, знак "китаец" легко читаемая типичная комбинаторная идеограмма со значением "мелкое насекомое". Эта идеограмма была для обозначения этнонима "китаец" основной. Все прочие произведены графически от нее. Это:

а. . Кит. тр. 漢 хань, Н. х̃а С. хан , слово, передающее самоназвание китайцев, по имени одной из китайских династий / 206 до н.э. - 220 н.э. /.

б. . Кит. тр. 寬 куань, Н. kh^wah , С. khwa , слово, видимо, передающее одно из китайских наименований Китая - 華 хуа.

в. . Кит. тр. 淮 вэй, Н. yə^wih , С. ngwi - также наименование Китая и китайцев, вероятно, по названию династии Вэй / 386-535 /.

Все три последние знака фонограммы, употреблявшиеся для передачи соответствующего слога.

2. Тибетцы . Кит. тр. 藏 бо, Н. pah , С. phə Этноним передает самоназвание тибетцев - 为 , bod /бо/. По словарю "Море письмен" /№ 879/ знак образован из левой части знака "рассуждать" и правой части знака "тибетец", "искусный мастер", т.е. тибетцы - это люди "искусные в рассуждениях"; взятые сами по себе компоненты знака: "рука" и "искусный мастер" передавали идею почтительного отношения тангутов к родственным тибетцам, "мастерам на все руки".

Другие наименования.

а. . Кит. тр. по фаньце 至 + 言 чжэ', Н. tət̃h С. tət̃ei. Тибетец, искусный мастер, умелец.

б.   . Кит. тр. по фаньце (藏 + 度) + 野, би-э' . Н. pi^wie С. p̃ei . ie . Происхождение двух последних наименований тибетцев нам неясно.

3. Уйгуры   . Кит. тр. 回纥 вэй-у, Н. ye^w С. wei-wə . Этноним из-за большого сходства первого знака с (кит. тр. 土 ту, Н. thu , С. thu) ошибочно не раз отождествлялся нами с тугу/хунь/. То, что данным словом обозначались уйгуры, соседи Ся и одна из народностей, населявших тен-

гутское государство, установлено нами недавно по Своду законов Ся XII в. Слово происходит из тюркского *Uyur*. Реконструкции Нисида и Софронова не точно воспроизводят - Нисида - первый, а Софронова - второй знак. Оба знака фонограммы, употреблявшиеся для транскрибирования соответствующих слогов.

4. Кидань **𐰇𐰏**. Кит. тр. **契丹** "чи/чи/-дань", Н. *tāh tātā*, С. *tāhiatan* (ср. кит. **契丹** "кидань"). Оба знака были специально образованы для передачи этнонима "кидань" из **契** "то", "другой" и **丹** "тонкий", "не имеющий подкладки", с добавлением детерминатива **木** "дерево". Знаки могли пониматься как "то, тонкое дерево" и возможно символизировали непрочность киданьского государства. Ср. в "Крупинках золота на ладони": "Кидане ступают медленным шагом".

5. Чжурчжэни **𐰇𐰏**. Кит. тр. **女直** "нойчи", Н. *ñihtaiñ*, С. *ndziut'siə*. Калька с китайского названия чжурчжэней **女直** нойчи. Первый знак по аналогии с китайским **女** также имел значение "девушка", "женщина". И второй знак содержит детерминатив **彡**, связанный с жейским началом, красотой, изяществом. Причина такого истолкования этнонима в его написании нам не понятна.

6. Татары **𐰇𐰏**. Первый знак **𐰇** не зафиксирован ни в одном из известных словарей и, думается, что это ошибка переписчика или резчика досок текста Свода законов /гл. IV, л. 28а/, где данный этноним встретился нам впервые, а ошибочные написания знаков не редки. Возможно, надо было писать **𐰇𐰏**, кит. тр. **打打** дада, Н. *tahtah*, С. *tata*. Этноним передает самоназвания одного из монгольских племен "татар", близкое к его китайской передаче **鞑達鞑** дада. Знак имел значение "щенок", "собака" и отражал презрительное отношение тангутов к их северным соседям.

О ДВУХ ТИПАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ТРАДИЦИОННЫХ КИТАЙСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ГОСУДАРСТВЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Согласно традиционному китайскому подходу к государству последнее рассматривалось как часть космоса, организованная таким же образом, как и мир в целом, что создавало возможность экстраполяции выводов, сделанных в царстве природы, на человеческое общество и обратно. Исходя из этого, представляется вполне правомерным наше сообщение о типах взаимодействия в традиционных китайских представлениях о государстве и государственной деятельности начать с определения характера действия во Вселенной.

Китайские представления о мировом процессе легче всего определить в сравнении с европейскими. Наиболее удачно это сделано Нидамом. В его формулировке основное отличие сводится к следующему: с точки зрения европейцев гармония была предустановлена, с точки зрения китайцев – возникала как результат кооперирования всего сущего, следовавшего в своих действиях велению собственной природы.

Предположим, что мысль Нидама верна и приложима к политической теории. В таком случае априорно можно указать на один момент, которому должна принадлежать видная роль в традиционных политических воззрениях. Мы имеем в виду взаимодействие. Если мировая гармония не предустановлена, а возникает в результате взаимодействия, то это придает моменту ее осуществления огромную дополнительную важность. Действительно, взаимодействие занимает в китайских политических представлениях одно из самых видных мест.

Нидам определил и характер взаимодействия – как следование приказу своей внутренней природы. Экстраполяция этого вывода на политические воззрения, по нашему мнению, может быть сделана с большими оговорками. Нидам прав лишь относительно взаимодействия в идеально устроенном мире, где собственно всякая устроенная, то есть реально политическая деятельность, прекращается и начинается идеальное состояние "недеяния" властей. На предше-

ствующих же этапах взаимодействие было основано далеко не на следовании своей природе, а скорее наоборот, на внешнем импульсе, на стимулировании. Цель нашего сообщения - показать на материале династических историй и официальных документов периода Хань-Цин механизм этого стимулирования.

Стимулирование распалось на два вида, каждый из которых имел совершенно ясно осознаваемый современниками аналог в природе. Первый брал за основу механизм возникновения тени и эха, второй - распространения таких стихий как свет, звук, вода.

Первый вид. По формулировке Дун Чжун-шу: "если раздается звук, то обязательно появляется эхо, если имеется (твердый) предмет, то он обязательно отбрасывает тень". В сфере государственных отношений этот тип взаимодействия предполагал легкий и естественный перенос положительных качеств монарха на весь мир. Например: "когда наверху проявляют искренние чувства любви к государству, то внизу (возникают) ответные стремления отдать все силы общему делу". Этот вид взаимоотношений можно назвать слабым стимулированием. Воздействие здесь косвенное. Оно опосредовано определенным, гармоническим устройством мира. Оно осуществляется как следование своей природе у одного из элементов. Однако это именно воздействие, ибо второе действие (качество) возникает как результат первого.

Второй вид. Вторым видом, которому в политических воззрениях принадлежала гораздо более важная роль, чем первому, основывался на распространении стихий. Формы воздействия сохраняли прямую аналогию с явлениями природы. Свету солнца и луны соответствовал блеск (光 гуан) императора, раскатом грома - звуки его славы (声 шэн), ветру в природе - ветер императорского влияния (風 фэн), потокам дождя - изливающимся на подданных потоки монаршей милости (澤 цзе). Последняя форма была, пожалуй, наиболее употребительной. Ею пользовались и те виды императорского воздействия на окружающую действительность, которые не имели наглядного аналога в природе. И "дэ" "добродетель", вернее благотворная сила, и "энь" "милость" приобретали вид потоков: 德澤, 恩澤 - дэ цзе, эн цзе. Эти потоки превосходили всякую меру (格外逾外 гэ вай, вэй гэ). Они должны были буквально затопить адресат, который должен был купаться (沐 му) в этих потоках и приходил в состояние возбуждения (感教 гань цзи). Если

воздействии было благим, то возбуждение носило радостный характер (廣十元 гань де), если - грозным, результатом был трепет (震十氣 чжэнь чжэ). Ветем следовало действие, которого добились сверху.

Как можно видеть, приведенные выше стандартные образы и термины официальных документов рисуют картину прямо противоположную той, которая возникает от знакомстве с теорией "недеяния". Мало общего у нее и с трактовкой взаимодействия у Нидэма. Следование своей природе здесь окончательно отнесено на задний план стимулированием.

О.И.Смирнова

К ВОПРОСУ О СРЕДНЕАЗИАТСКИХ КУЛЬТАХ (Из среднеазиатской топонимики)

Для изучения доисламских культов Средней Азии несомненный интерес представляет топонимика края, в частности ее парфянский слой.

Зафиксированный в мусульманских источниках топонимический материал, наряду с названиями согдийского происхождения с характерным компонентом *баг* - "бог, божество" и *багън* (< *"bagina"*) "храм", дословно "божница", позволяет также выделить группу топонимов, содержащих элемент *-mi an*, в арабской графике *-ми-сан*, др-иран. *mae ana-* "жилье, обитель", н-перс. *mahan* "родина".

На одном из топонимов этого ряда мы остановимся в настоящей заметке.

Среди селений Хорезма мусульманские источники упоминают одно, название которого передается ими по-разному: *Хушмийсан*, *Рѣхушмийсан*, *Ардахушмийсан* и соответственно с глухим зубным *Артахушмийсан*.¹ Два первых варианта названия - *Хушмийсан* и *Рѣхушмийсан* - являются позднейшими сокращениями (возможно, описками) от полной его формы - *Ардахушмийсан* или *Артахушмийсан*.

Насколько мне известно, топоним *Ардахушмийсан* до сих пор не привлекал к себе специального внимания исследователей, хотя он представляет определенный интерес.

Во второй части рассматриваемого слова следует видеть внешнеупомянутое др.-иран. *mašāna-* "жилище, жилище", "обитель"; в первой же - Ардахуит- / Артахуит - легко узнать эвстийское *Arta Vahišta* "Лучшая праведность", выступавшее как понятие религиозное и как персонализирующее это понятие божество, которому были посвящены второй месяц и третий день зороастрийского календаря. Таким образом, название Ардахуитмйсан означает "обитель Лучшей праведности", а по сути дела обозначает храм, посвященный этому божеству. В данном топониме компонент -мйсан выступает в том же значении, которое засвидетельствовано для согдийского *paš'in* (в арабской передаче *فشن*, *فشن*) в названиях *Хурвеги* (*خور فشن*) "Храм Солнца", в районе Насафа (бассейн Кашка-Дарь) и *Дивнегикат* (*دينفنگت*) "Город храма (священной) Веры" в районе Чача (Ташкента). Здесь уместно будет напомнить и о топонимах более раннего слоя, зафиксированных в памятниках парфянского времени, таких как "Обитель (храм) Наны Анахиты (= Наны Незапятнанной)" и "Обитель (храм) Митры".

В Согде эвстийскому *Arta Vahišta* был посвящен третий день согдийского календаря *xtwāt juš*, а в Хорезме - второй месяц года, как в зороастрийском и персидском календарях. Любопытно также отметить, что на оборотной стороне одного из типов кушанских монет помещалось изображение богини Лучшей праведности в сопровождении ее имени Ардохно.

Предложенная выше этимология топонима Ардахуитмйсан позволяет думать, что в Хорезме на месте данного (или существовавшего до него) селения стоял храм, посвященный божеству Лучшей праведности.

Где же находились селение и храм?

Согласно дорожнику арабского географа Мукаддаси, селение Ардахуитмйсан располагалось между городами Хазараспом и Гурганджем; по Хамдаллаху Казвини, оно стояло на тракте, проходившем через эти города, примерно на половине пути между ними (в 17 фарсах от Хазараспа и в 15-ти от Гурганджа). И следовательно, можно считать, что на этом древнем тракте некогда находился один из крупнейших храмов Хорезма, название которого Ардахуитмйсан сохранили для нас географы, зафиксировав средневековое селение под тем же названием, которое за ним оставалось во всяком случае до XIII века. Судя по названиям селений, храмы, посвященные богине Лучшей праведности, стояли также один в районе Бухары, другой - Самарканде.

Дальнейшее исследование данных топонимики бесспорно расширит наше представление о среднеазиатских пантеонах и позволит составить карту среднеазиатских доисламских оятылиц.

1) В.В.Бартольд, Сочинения, т. I, 1963, стр. 203, 204, 211.

Т.И.Султанов

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНАХ "АК-ОРДА", "КОК-ОРДА" И "ОЗ-ОРДА"

Согласно степному обычаю Чингиз-хан еще при жизни выделил удел старшему сыну Джучи. После смерти Джучи этот удел и вновь завоеванные на Западе земли достались его сыну Батю, который, подчиняясь требованиям того же обычая, передал улусы своим братьям.

Обстоятельства выделения уделов сыновьям Джучи-хана в ранних источниках не получили достаточно полного отражения. Ничего об этом не говорит нам и автор "Анонима Искандера" Му'ин ад-дин Натанзи, сообщавший наиболее подробные сведения по истории восточной части улуса Джучидов. Сведения о выделении Батием уделов своим братьям мы находим у Абу-л-Гази и Махмуда б. Вали, писавших в XIII в. и, по-видимому, пользовавшихся каким-то не дошедшим до нас или пока еще не обнаруженным источником.

Известно, что основным политическим делением улуса Джучи было разделение на правое крыло, которое досталось Батю, и левое крыло, которое получили Орда-Ичен и четыре его брата. Автор "Анонима Искандера" называет царевичей левого крыла, т.е. потомков Орда-Ичена и четырех его братьев, султанами Ак-Орды, а потомков царевичей правого крыла - султанами Кок-Орды и образование этих двух Орд относит ко времени правления хана Токтая и темника Ногая.

Это употребление терминов "Ак-Орда" и "Кок-Орда" было принято историками, хотя в исторической литературе было отмечено несоответствие сообщения "Анонима Искандера" с данными других, не менее авторитетных источников (А.Ю.Якубовский). Последние исследования по истории Золотой Орды (М.Г.Сафаргалев, Г.А.Фе-

доров-Давыдов) позволяют прийти к выводу, что в "Анониме Искандера" имеются серьезные историко-географические ошибки и что Кок-Орду следует искать не на западе, а на востоке, точнее - за рекой Яиком, а Ак-Орду - вблизи Сарая.

Несоответствие в употреблении терминов "Ак-Орда" и "Кок-Орда", имеющееся в "Анониме", связано, по-видимому, с ошибкой, которую допустил Му'ин ад-дин Натанзи, отнеся образование этих двух Орд к началу XIV в. и назвав владетелями земель по Сыр-Дарье царевичей левого крыла, потомков Ногай, которые являлись эмирами правого крыла (Рашид ад-дин).

Известно, что улус, который получили Орда-Ичен и четыре его брата, располагался на востоке владений Джучидов, причем ставка Орда-Ичена находилась около озера Ала-Куль (В.В.Бертольд, Е.Бретшнейдер). Вероятно, подчиняясь требованию монгольских обычаев, Батый-хан отдал Орда-Ичену, который был, по-видимому, самым младшим сыном Джучи (М.Г.Сафьргалиев), резиденцию их отца, располагавшуюся в верховьях Иртыша и именуемую в других источниках "Кок-Ордой" ("Муиззи", Абу-л-Гази). Впоследствии, в самом начале XIV в., ослабленные постоянными войнами потомки Орда-Ичена вынуждены были переместить центр улуса Орды из восточной части территории современного Казахстана к бассейну реки Сыр-Дарья. Скорее всего, это перемещение привело к тому, что не только новая резиденция - город Сыгнак, но и все владения царевичей левого крыла стали обозначаться термином "Кок-Орда".

Очевидно также, что коренной урт Батия, входивший в состав правого крыла, в знак верховенства над уделами султанов левого крыла назывался термином "Ак-Орда"; белый цвет считался выше синего, равно как правое крыло почиталось почетнее левого. И в действительности царевичи левого крыла признавали главенство потомков Батия и помещали их имена на своих ярлыках сверху (Рашид ад-дин).

В связи с этим большой интерес для определения места Ак-Орды в системе политического деления улуса Джучи представляет сообщение Мехмуда б. Вали о том, что Ак-Орда была также известна под названием Юз-Орде (Бахр ал-асрар, фотокопия рук. ЛО ИВ АН СССР, л. 123б). Б.А.Ахмедов и Г.А.Федоров-Давыдов переводят этот термин как "сто орд". Рецензент книги Б.А.Ахмедова, В.П.Юдин считает этот перевод неправильным и предлагает понимать выраже-

ние Дз-Орда как "Орда-Сотня". Таким образом, названные авторы переводят слово "вз", "хуз", числительным "сто", т.е. оба варианта перевода предполагают наличие ста, множества, обилия Орд или другими словами многоордие в одной Орде, что трудно объяснить.

В данном случае, по нашему мнению, тюркское слово "вз", "хуз" употреблено не как числительное, а в другом своем значении: лицо, лицевая сторона, т.е. находящееся на поверхности, в передней части, более важное, главное, основное, почитаемое. Кстати сказать, известны случаи, когда при делении на большие группы центральная, главная группа обозначалась термином "хуз", "вз", а парадные входы, входы-ставки казахских феодальных владетелей - названием "ак-орда", "ак-уй". Поэтому, переводя выражение Дз-Орда не как "сто орд" или "Орда-Сотня", а как о с н о в а я, г л а в н а я Орда, мы получаем логически объяснимую характеристику термина "Ак-Орда".

Возможно, что сочетание Дз-Орда, если его понимать таким образом, и Удуг-Эв - ставка первых потомков Чагатая (Джузейни) находятся в близкой связи с термином "Уду-Хуз", который мог обозначать место первоначального поселения казахов.

И.Ф.Фикман

НАСЕЛЕНИЕ ОКСИРИНХА В IV-VI вв.

Определение численности и этнического состава населения византийского Оксиринха, египетского города полнее всех других представленного в папирологической документации, важно не только для изучения данного города, оно помогает составить себе представление о населении других ему подобных египетских городов средних размеров, хуже или совсем не освещенных источниками.

Численность населения Оксиринха может быть установлена только приблизительно и на основании косвенных данных, поскольку прямых сведений нарративного, археологического или папирологического характера нет. Известно только, что город занимал в римское время - период его наивысшего территориального распространения - около 2,1 км. в длину и 0,8 км. в ширину - а это не мало по сравнению с другими городами Восточной Римской империи, - что преобладали одноэтажные дома, а скученность жильцов была большая.

Отправной точкой может служить Р.Осло , II, 111 (285 г.), представляющий собой не полностью сохранившийся опись домов, расположенных на территории двух районов города ("Гусятников" и "Ермия") с указанием имен домовладельцев и лиц, в них проживавших, но не всех, а только мужчин, свободных и вольноотпущенников, по-видимому в возрасте от 14 до 70 лет. К этому следует добавить, что это далеко не полный список домов упомянутых районов и что значительная часть домов отмечена словами "необитаем", "заколочен", "ныне принадлежащий фиску" и т.п., т.е. перед нами картина города в период запустения, причины которого не установлены, но, по всей видимости, носили временный характер.

Наиболее полными являются данные, касающиеся западного участка района "Ермия". Если предположить, что в районе было четыре участка (по сторонам света), то в целом он насчитывал около двухсот домов, а если допустить, что все районы города были примерно равной величины (а это вполне правдоподобно), то поскольку в римском Оксиринхе было не менее 30 районов, получается, что в городе было около 6000 домов. Если положить в основу подсчета населения соотношение "один дом - одна семья" (фактически во многих домах проживало по несколько семей, но надо учитывать возможность наличия пустовавших домов и менее заселенных районов) и принять во внимание, что средний состав семьи, члены которой проживали вместе, насчитывал 6 человек, то окажется, что в середине II века Оксиринх вмещал примерно 36 000 человек; во избежание завышения будем считать 30 000 человек. В византийское время численность населения изменилась не сильно, даже с учетом некоторого оттока выходцев из Александрии, Антинои и т.п., но поскольку площадь Оксиринха в это время несколько сократилась (Б.П.Гренфелль не указывает насколько), то цифру несколько следует снизить, скажем до 25 000 человек.

Имеется и другая возможность приблизительного подсчета населения Оксиринха. В городе было не менее 80-90 профессиональных корпораций, в среднем корпорация объединяла 8-10 человек, следовательно в Оксиринхе было не менее 640-900 представителей торгово-ремесленного населения города. Они составляли по всей вероятности 20% самостоятельного населения Оксиринха, которое таким образом по самым заниженным данным насчитывало 3200-4500 человек.

Но в данном случае для получения общего числа населения города недопустимо умножение на 6, поскольку речь идет не о числе домов, а членов семьи, имевших определенные занятия. В составе одной большой семьи в условиях широкого распространения наследственности профессий могли оказаться несколько представителей данной специальности. Поэтому представляется целесообразным исходить из состава семьи в 4 человека, что дает население 12.800 - 18.000 человек. Правда, монахи не имели семьи, но тот факт, что Оксирих был городом со значительным монашеским населением дает право не принимать во внимание это обстоятельство. По-видимому, где-то между 15-25 тысячами человек и находится истинное число жителей Оксириха, при всех колебаниях которое оно, по всей вероятности, претерпевало на протяжении позднеримского Египта.

Этнический состав населения Оксириха в птолемеевское время плохо известен из-за отсутствия достаточной папирологической документации. Во всяком случае он был очень пестрым. Самым многочисленным был местный египетский элемент, остальные этнические группы, среди которых на первое место следует поставить греков (они еще отличались по месту происхождения), были в меньшинстве, но играли первенствующую роль в жизни города, составляя его привилегированный и состоятельный элемент. В римское время появились римляне, значительно уступавшие грекам и эллинизированным египтянам по численности, но пользовавшиеся наиболее привилегированным положением.

Византийское время характеризуется упрощением этнического состава населения. Египетский элемент по-прежнему был наиболее многочисленным и составлял основу городского населения. Греческий элемент, вобравший в себя и постепенно подвергавшихся эллинизации римлян, уступал ему по численности, но, несмотря на упадок греческой культуры, продолжал поставлять основные кадры административного аппарата. Из остальных этнических групп сохранились только иудеи, которые в силу своей немногочисленности и неполноправия не играли и не могли играть существенной роли в жизни города, и, возможно, сирийцы. Присутствие в оксирихской документации - представителей других народностей носит чисто временный характер и связано прежде всего с прохождением или размещением отрядов воинов и вукелляриев.

О РОЛИ ЯПОНСКИХ ПАРИЕВ В РАЗВИТИИ РЕМЕСЛА И КУЛЬТУРЫ СТРАНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА (XV-XVI вв.)

Одна из наиболее парадоксальных особенностей положения японских париев в период феодализма связана с существенным расхождением между официальными и бытовыми оценками их социальной значимости и той подлинной ролью, которую они играли в развитии производства и культуры страны. Система социальных оценок феодальной Японии отводила им (их часто определяют общим термином "сэмми" - подлые, "недостойные") самое низкое место в обществе, ставя под сомнение возможность считать их частью народа и даже людьми.

Социальная иерархия в период феодализма базировалась главным образом на отношении различных групп населения к земле. Землеуладение обеспечивало наибольшее уважение в обществе, весьма почетным было и земледелие, а ремесло и торговля считались уже малодостойными, хотя и нужными, терпимыми, видами деятельности.

Группы отверженных были поставлены в обществе гораздо ниже "обычных" ремесленников и торговцев. Традиции и юридические нормы практически лишили их права на землеуладение и земледелие, доступными для них оказались лишь некоторые, строго регламентированные (хотя и по-разному в разное время), виды ремесла и торговли, а также артистической деятельности. Но в отличие от занятий "обычных" ремесленников и торговцев, их виды деятельности считались не просто малочетными, но и позорящими, "оскверняющими".

Парадоксальность положения сэмми в период феодализма заключается в том, что социальная идеология ценила отверженных и их занятия чрезвычайно низко, однако практически они играли важную роль в хозяйственной жизни и в развитии культуры многих феодальных владений, главным образом, в районе Сэто найikai и Кинки. Эта их роль стала особенно заметной в период сэнгoku дэндай (междоусобных войн) - во второй половине XV-XVI вв.

В настоящее время, к сожалению, еще нет возможности судить о подлинных размерах вклада сэмми в развитие ремесла и культуры страны, поскольку мы не располагаем необходимыми статистическими и достаточно полными общими данными. Однако отдельные известные факты все же позволяют сделать некоторые заключения.

Имеющиеся списки доступных для сэмми видов деятельности (в материалах XV-XVI вв.) говорят о том, что отверженные Японии были заняты в чрезвычайно широкой хозяйственной и культурной сфере. Несмотря на существующие официальные оценки, многие отрасли производства, доступные сэмми, играли весьма существенную и все более важную роль в хозяйственной жизни страны, например, строительство, производство оружия, металлургия и т.д.

Создание в XVI веке новых поселений отверженных (так называемых буроку) на окраинах и вблизи многих городов свидетельствовало, в частности, о росте потребностей общества в их разнообразных услугах. Эти поселения способствовали нормальному функционированию хозяйственного организма многих владений, органической и существенной частью которого они становились.

Говоря о роли сэмми в развитии японского искусства в средние века, в первую очередь следует отметить тот несомненный факт, что многие элементы выступлений бродячих артистов (а значительную их часть составляли отверженные) вошли в наиболее распространенные, ставшие классическими, виды театральных представлений: Но, Дзэрури, Кёгэн и т.д. Этот процесс заимствования был также особенно заметным в XV-XVI вв.

Следовательно, жесткие социальные перегородки, чрезвычайно низкие оценки сэмми и их занятий не могли привести и не приводили к их изоляции от процесса общего развития Японии. Практически их деятельность была полезным и существенным элементом всей хозяйственной и культурной системы страны.

И. Ш. Шифман

С И К А Р И К О Н

Одним из важнейших последствий социальных движений в Палестине в I-II вв. н.э. было перераспределение земельных фондов и в

связи с этим образованием новой формы собственности, именуемой в источниках с и к а р и к о н. Предполагают, что ее возникновение вызвано деятельностью сикаризов¹ или иных экстремистов². Согласно другой точке зрения, сикарикон - имущества, конфискованные властями во время антиримских восстаний³, либо принадлежавшие собственникам, похищенным римскими властями на землю⁴.

Пытаясь поставить законы о сикарикон в связь с нормами эллинистического права, С.Фейот утверждал, что слово σικαριων происходит от греческого $\nu\acute{\epsilon}\mu\omicron\varsigma \sigma\upsilon\kappa\alpha\rho\acute{\iota}\nu\omega\upsilon$ ⁵, тогда как А.Гулак возводил их к эллинистической практике продажи имущества $\epsilon\upsilon\upsilon \kappa\acute{\alpha}\rho\upsilon\mu\iota$ - "с глашатаем"⁶. При этом, однако, в литературе не уделялось внимания своеобразию правового статуса сикарикон.

Иер. Гиттин, 5, 47б дает следующие сведения о происхождении сикарикон: "...и отнимали поля их, и продавали их другим, и хозяева лишались всего ($\text{יְמֵי בְּרִיחַ וְיָמֵי מָוֶת}$), и бывали растерзаны, и была страна окончательно в руках сикарикон". Интересную параллель этому составляет указание Иосифа Флавия в "Иудейской войне" (2.265), согласно которому сикарии грабили "дома богатей" ($\tau\acute{\alpha}\varsigma \tau\omega\upsilon\upsilon \delta\upsilon\upsilon\tau\acute{\alpha}\tau\omega\upsilon \sigma\acute{\iota}\kappa\alpha\rho\acute{\iota}\alpha\varsigma$), захватывали их самих, а также разоряли поселения ($\tau\acute{\alpha}\varsigma \kappa\acute{\omega}\mu\alpha\varsigma$). Из этого материала очевидно, что сикарикон - это земли, захваченные сикариями (в иудейской версии - сикарикон; слово могло метонимически обозначать и сикаризов, и захваченное ими имущество).

Правовой статус этих земель определялся следующими обстоятельствами. Мишна (Гиттин, 5,6) предусматривает возможность покупки участка земли как от фактического владельца - сикария (сикарикон), так и от юридического собственника. При этом, однако, действительной оказывается только покупка у фактического владельца: "купили у сикарикон и отказался, и купили у хозяина ($\text{לְיָדָיו וְלֹא הָיָה}$) - покупка его недействительна; у хозяина - и отказался, и купили у сикарикон - покупка его действительна". В этой ситуации отказ от сделки обозначал неуплату денег тому, с кем сделка была заключена. Позиция Мишны, санкционировавшей и юридически оформившей реальное положение вещей, объясняется, надо полагать, тем, что юридический собственник не был фактическим владельцем земли и соответственно не имел реальной возможности провести сделку в жизнь. Однако Тосефта (Гиттин, 5,1), согласно которой дей-

ствительна сделка с юридическим собственником и недействительна с сикарикон, стоит на иной позиции. Она защищает права юридического собственника и санкционирует сделку с сикарикон только в том случае, если собственник формально откажется от своих владельческих прав.

Более позднее решение санхедрина (י"ט ה'ג) имело целью в какой-то степени удовлетворить интересы собственников: "купивший у сикарикон дает хозяевам четверть" (Мишна, Гиттин, 5,6; ср. в Гемаре, Гиттин, 58б: "четверть от земли или четверть денег"; Тосефта, Гиттин, 5,15: "четверть земли и четверть денег"). Не вполне ясно, должен ли покупатель выделить эту сумму из платежа, предназначенного фактическому владельцу, или же она должна была выплачиваться помимо расчета с последним.

Сикарикон, таким образом, представлял собой новый тип собственности, возникший в процессе классовой борьбы в результате перераспределения земельных фондов, — собственность сикариков, захваченную у прежних хозяев. Однако ее юридическое оформление и интеграция в обычные правовые отношения еще не была завершена; она признавалась фактически и лишь частично юридически. Рассмотренные выше материалы показывают, что вопрос в принципе считался дискуссионным, отсюда и различные суждения.

Показательна и в этой среде тенденция к возникновению честно-собственнических отношений и необходимость создать возможность отчуждения этих земель.

---

1) H. Graetz, Das Sikarikon-Gesetz, Jahresbericht des jüdisch-theologischen Seminars, 1892, S. 3-18. Ср.: А.Б. Ранович, Очерк истории древнееврейской религии, М., 1937, стр. 300-303; Г.М. Лившиц, Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима, Минск, 1957, стр. 305-306.

2) E. Schürer, Geschichte des Jüdischen Volkes im Zeitalter Jesu Christi, Bd. I, Leipzig, 1901, S. 575; ср. $\text{ד. הורקה הערות 122-131, א"ב, 2, 5226, 35 ב"ב}$
 כ"ו, תרנ"ו, י"ט

3) J. Ellbogen, Siquarikon, eine Studie, MGWJ, Bd. 69, 1925, S. 249-257; M. Hengel, Die Zeloten, Leiden-Köln, 1961, S. 52-54.

4) S. Klein, Neue Beiträge zur Geschichte und Geographie Galiläas, Palästina-Jahrbuch, Bd. I, 1923.

5) S.Feist, Zur Etymologie von Siqarīqon, MGWJ, Bd.71, 1927, S.138-141.

6) 23-27. му , 5694,5.70 , חיבתו , קריקרון , קולומ

О.П.Деглова

К ВОПРОСУ О ЦЕНТРАХ ЛИТОГРАФИРОВАНИЯ В ИРАНЕ

Литографирование как вид издания привилось в Иране в конце 30-х годов XIX в. и господствовало затем более 60 лет. Лишь во втором десятилетии XX в. оно активно вытесняется наборной печатью.

Первые литографские печатни возникли в Тебризе (середина 30-х годов), но вскоре (конец 30-х годов) опыт литографирования был освоен в Тегеране. Эти два города - Тебриз и Тегеран - в течение нескольких десятилетий были единственными центрами литографирования в Иране.

Инициаторами создания типографий на первых порах были люди, занимавшие высокое положение в государстве ('Аббас-мирза в Тебризе, Му'тамад ад-Дауле Манучихр-хан в Тегеране), и лишь позднее литографирование стало объектом частной инициативы.

В Тегеране одними из первых литографских печатен были "Кабрхане-и Му'тамад ад-Дауле" и государственная литография "Дар ат-таба'е-и даулати". Некоторое время существовала литография, принадлежавшая Ризе-Кули-хану Хидайату (ум. 1288/1871), здесь был напечатан известный исторический труд "Раузат ас-сафа", написанный Х'андамйром и продолженный Хидайатом.

Большой вклад в развитие литографского дела в Тегеране внес Акб Мйр Мухаммад-Бакр Тихрэнй, ученик известного Зейн ал-'Абиди-на Табрйзи и преемник создателя частной тегеранской литографии Акб 'Абд ал-'Али . Его литография существовала более трех десятилетий - в библиотеке ЛО ИВ хранятся книги, выпущенные печатней Мйр Бакра в 1852-1883 гг. - и оставила после себя ряд хороших изданий. Литографированием занимались и сыновья Мйр Бакра. Асадаллах б. Мйр Бакр создал свою печатню еще при жизни отца (издание от 1864 г. в библиотеке ЛО ИВ), которая действовала до

конца века (1894) Акъ Сайид Муртаза наследовал и расширил дело отца, в его печатне были литографированы такие книги, как "Нбсих ат-таварих" Сипихра, "Алемар-и Аббаси" Искандера мунши и др. Последнее по времени известное нам издание датируется 1910 г.

Государственная литография, действовавшая с 40-х годов, расширила свою деятельность при Мухаммад-Хасане И'тимад ас-Салтане (ум. 1896).

По материалам только библиотек ЛО ИВ и ГПБ очевидно, что в Тегеране между 30 годами XIX - 20 годами XX в. существовало около 60 литографских печатен. Кроме вышеупомянутых, из числа долговечных, с продолжительностью не менее 10-15 лет, назовем следующие: "Кархане-и Карбал-и Мухаммад-Хусейн" (1861-1898), "Кархане-и Али-Кули-хан Хаджар И'тизат ас-Салтане" (1871-1886, печатня действовала и после смерти Али-Кули-хана в 1881 г.); "Кархане-и Акъ Мирза Хайбалих" (1884-1898), "Кархане-и Акъ Мирза Амвалих" (1894-1909); "Кархане-и Акъ Мирза Али-Асгар" (1902-1922); "Матба'е-и Хаджи Абд ар-Рахим" (1915-1928). Даты приводятся по данным из собрания ЛО ИВ и ГПБ.

В Тебризе нам известны 16 печатен того же периода. Из них одной из первых была печатня, связанная с именем Амн аш-Шар'а Тебризи "Дар ат-таба'е-и Тебриз". После его смерти его сыновья, Акъ Риза и Акъ Али, также занимались литографированием. Наибольшего успеха добился внук Амн аш-Шар'а Карбал-и (Машхад) Асад Акъ, владелец печатни, где были литографированы многие ценные по содержанию и прекрасно оформленные книги, как, например, "Имтихан ал-фузал" Санглате. В библиотеке ЛО ИВ хранятся издания, опубликованные членами этой семьи в промежутке между 1843-1906 гг.

Из числа долговечных тебризских печатен можно назвать также печатни Мирза Абдаллаха Машхад Аллахвирди (1859-1868), Фахр ал-Хаджа Хаджи Ибрахима (1866-1876); Мирзы Ахмад Акъ Тебризи, книготорговца (1893-1913).

В провинциальных городах Ирана литографирование не было развито до последней четверти XIX в.

Хотя нам известны некоторые книги, выпущенные в Ширазе, Исфахане, Мешхеде и Кагане до этого времени ("Коран", Шираз, 1254/1838-39, здесь же "Диван" Минучихри, 1260/1844;

"Рисале-йи Хасанийе", Исфахан, 1260/1844; "Дивāн" Хā-
физа, Мешхед, 1268/1851-52 и Кашан, 1274/1857-58), но по всей
видимости такие издания были явлением случайным. Часто они были
связаны с деятельностью провинциальных правителей.

Так, в Ширазе в 1877 г. было напечатано сочинение губерна-
тора провинции Фарс Ферхад-мīрза (ум. 1880), о широком развитии
литографирования можно говорить применительно к началу XIX в.,
когда здесь действует 10 печатен.

В Исфахане при канцелярии наместника Исфахана, сына Насир
ад-Дин-шаха, Эмл ас-Султана была создана литография, выпускав-
шая газету "Фарханг" (1888-1891 гг.). В библиотеке ДИ ИВ имеют-
ся издания печати "Фарханг" в Исфахане от 1882, 1909, 1924,
1925 гг. В начале века здесь были основаны литографии "Махмудийе",
"Гудбахār". Несколько литографских издательств существовало в
конце XIX и начале XX века в Мешхеде.

В предреволюционные годы литографии действовали и в других
провинциальных городах - Йезде, Бушахре, Казвине, Кермане, Хама-
дане, Реште, Ардебиле. Но одновременно и в Тегеране и в провин-
циальных городах создаются и успешно конкурируют с литографиями
неборные типографии. И хотя еще в 20-х годах, по свидетельству
Ю.Н.Марра, половина книг литографируется, тем не менее литогра-
фирование как вид издания сходит со сцены.

IV. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Я.В.Васильков

"ЭПИКА" И "ДИДАКТИКА" В МАХАБХАРАТЕ

Вопрос о соотношении эпического и религиозно-дидактического элементов в Мбх — один из тех существенных вопросов, которые поставила столь бурно расцветшая было во 2-й половине прошлого века наука о Мбх, долгое время бывшая не в состоянии решить их в силу ограниченности своей методологии. Решение этой и ряда других проблем Мбх стало казаться возможным лишь после значительных сдвигов, происшедших в общей теории эпоса за последние десятилетия.

Наиболее распространенная, освященная авторитетом Хопкинса точка зрения по этому вопросу состоит в следующем: ядром Мбх было некое эпическое повествование, которое впоследствии жрецы-редакторы окутали мифологией и религиозной фантастикой, приспособив поэму для своих дидактических целей.

Попытки подтвердить этот тезис спотыкаются на том простом факте, что в Мбх не только есть целые книги с преобладанием "дидактического" элемента, но этим элементом органически проникнута вся эпопея. Сказители свободно перемежают, подчас в пределах одной песни — "главы", "повествовательные" эпизоды — описаниями аскезы, сцены битв — проповедями. "Дидактическая" терминология часто прорывается в чисто "эпических" сценах: напр., теряющую сознание от ужаса при встрече с лесным чудовищем Драупади

пятеро ее супругов поддерживают, "как чувства, направляющие страсть среди мирских объектов" (З.12.18). Эпические герои суть не только олицетворения "эпического идеала", близкого к нормам европейского эпоса, но по существу фигуры мифологические и подчас символические. Они сродни богам; известно, что им в реальности воздавался культ; в эпосе они — идеальные подвижники и проповедники. Их "богатые" эпитеты соседствуют с такими, как "стойкий в обетах", "богатый подвижническим рвением", "радеющий о единой дхарме" и т.п. Весь текст поэмы есть такой неразрывный сплав привычной нам "чистой эпики" с мифологией и нравственными поучениями, что попытка вычленивать "интерполяции" привела бы лишь к разрушению художественной ткани поэмы. Неудивительно; что ни одному из многочисленных "аналитиков" такая попытка и не удалась.

Сами же индийцы за тысячи лет бытования Мбх всегда видели в ней единое целое. И не потому лишь, что редакторские усилия придали ей в конечном счете идейное единство (как считают Суктханкар, В.Лизани, у нас — П.А. Гринцер). В самом тексте Мбх много свидетельств того, что ее творцы, народные сказители, не дифференцировали "этику" и "дидактику", считали их элементами одного репертуара. Об одном певце, например, сказано, что он "знает дивные сказания...о богах и асурах,...всяческие рассказы о людях, змеях и гандхарвах,...он учитель в области шастр и Араньяки" (Адипарва, 4.1-7). В тексте рассыпаны упоминания и ссылки на веды, пураны и другие памятники устной религиозной литературы, а сама Мбх называется "пятой ведой" и часто — пураной. О сказителях говорится, что они "всеведущи" и могут говорить на любую тему. Перед нами особый тип сказителя, отличный от певца воинских былей или "репсоды", обладающий более богатым репертуаром. Возможно, предшественником его был синкретический певец-прорицатель (ср. узб. "бахши" — 1. сказитель, 2. знахарь, шаман); кстати, ведические рishi были певцами этого типа; а ведь фрагменты "архаического эпоса" о борьбе богов с силами хаоса, образующие древнейший пласт сказаний Мбх, сюжетно близки ряду мест из ведической поэзии... Материалы Мбх дают основание отметить и наличие тяги к "специализации": брахманы поют чаще "архаический эпос" или "дидактические" песни; кшатрии предпочитают воспевать воинские подвиги. Однако, эта дифференциация так и не была доведена до конца.

Еще Хельд, волею за осмеянным "аналитиками" Дальманном, говорил о Мбх, что "религиозный" элемент изначально составляет существенную часть ее содержания. Эмено видел в поэме слияние по меньшей мере трех поэтических жанров и предполагал, что каждый сказитель мог использовать все соответствующие виды поэтической техники. По нашему мнению, "эпические", "дидактические" и другие элементы соотносятся в Мбх как текучие, нестабильные группы устно-поэтических "тем" (о содержании термина см. в кн. A. Lord. *The Singer of Tales*. Cambr., Mass., 1960, pp. 68, 198).

В индийском эпосе мы видим известную нерасчлененность идеологических форм. Подходя к нему с "европоцентрической" моделью героического и светского эпоса, естественно не увидеть ничего, кроме противоестественного смещения жанров. Этот взгляд на Мбх оказался вполне приемлемым для вульгарно-материалистического по своей философской основе направления, утверждающего первичность "эпического повествования" по отношению к "реческой выдумке" — мифологии. Мы считаем мифологию синкретической идеологией первобытного общества, началом развития всех идеологических форм. Чем быстрее развивается общество — тем интенсивней дифференциация. Причина слабой дифференцированности идеологических форм в эпический период индийской культуры, возможно, кроется в социально-экономическом консерватизме индийского общества.

Главное, пожалуй, почему Мбх отказывают в архаичности и фольклорности — это ее отчасти символический характер. Однако, по нашему мнению, в силу указанных выше причин, миф подчас (не как правило) переходит в религиозный символ, не покидая рамок древнеиндийской устно-поэтической традиции.

Еще недавно индийская религия и философия подгонялись под европеоцентристскую мерку. Теперь известно, насколько индийские материалы обогатили и историю философии, и религиоведение. Надо полагать, что вовлечение Мбх в круг сравнительных исследований эпического фольклора может внести не менее ценный вклад в наши знания об эпической поэзии, ее "жанрах", "нормах" и "идеалах".

НЕ ВОШЕДШИЕ В ИЗДАНИЕ БЕЙТЫ РУДАКИ

Литературное наследие Рудаки (ум. в 329/940—41 г.), признанного родоначальника периодско-таджикской поэзии, находится еще, как известно, в стадии собирания. Время не сохранило для нас диван Рудаки, насчитывавший, по средневековым свидетельствам, около ста тысяч бейтов. От семи поэм Рудаки дошли до нашего времени только отдельные строки.

Иранский филолог Саид Нафиси в результате кропотливых текстологических изысканий сумел реконструировать по семидесяти восьми источникам (персидские толковые словари, литературные антологии, поэтические альбомы и др.) некоторую часть наследия Рудаки, общей сложностью в 832 бейта (тегеранское издание 1319/1940 г.). Новая публикация стихов Рудаки (Душанбе, 1958 г.) включила дополнительно 147 бейтов, обнаруженных таджикскими учеными в основном в рукописных средневековых фархангах. Таким образом, к настоящему времени литературное наследие Рудаки восстановлено в объеме 972 бейтов и 4 полустиший, причем почти половину этого составляют разрозненные бейты.

Рукопись Института востоковедения АН СССР под номером А 688 (изготовлена в 1136/1723—24 г.) — альбом стихов "Сафине", составленный в XVII в. известным поэтом Саибом Табризи, позволяет ныне добавить к этому еще 23 бейта, приписываемых Рудаки. Приведем из них два фрагмента /л. 1796/- :

بنهای یکی روی و ببخشای برین جان	ای جان من از آرزوی روی تو زیان
آسان برای دل و آسان پیری جان	دشوار برای رخ و دشوار دهی بوس
زدیک تو دشواری من باشد آسان	زدیک من آسانی تو باشد دشوار

О душа моя испепелилась от любви к твоему лицу!
 Покажи хоть раз лицо и подари ей жизнь.
 С трудом ты показываешь лицо и с трудом даешь поцелуй,
 Легко похищаешь сердце и легко уносишь душу.
 Возле меня спокойствие твое становится тяжким,
 А возле тебя все тяготы мои становятся легкими...

هواره مرا عید ز دیدار تو هموار
 روی تو مرا هست همیشه گل پر بار
 زلفین تو پیوسته بنفشه است بخروار
 وان زگس چشم تو هرسال بیدار
 بازست سیه زگس تو خفته و بیدار
 با قد تو آن نیز بود کج و نگو سار

یکبار بود عید بهر سال بیکبار
 یکبار بسال اندر یکبار بود گل
 یکروز بنفشه چنین از باغ بدسته
 یک هفته بیدار بود زگس دشتی
 زگس نبود باز که بیدار نباشد
 سروست که در باغ همه ساله بود سبز

Один раз бывает праздник в году, только раз, -
 Всегда для меня праздник, оттого что я вижу тебя всегда.
 Один раз в году, только раз, распускаются розы,
 Лицо твое для меня - всегда распустившаяся роза.
 Лишь однажды [в году] набирал в саду я горсточку фиалок, -
 Локоны твои - это копна невянущих фиалок.
 Лишь одну неделю радует взор степной нарцисс,
 Круглый год радуют взор нарциссы твоих глаз...
 Нарцисс не раскроет [своей красоты], пока не пробудится
 от сна,
 а черные нарциссы твои цветут красой, спишь ты или
 бодрствуешь.
 Тот кипарис, что стоит в саду зеленым круглый год,
 Красным кажется рядом со стеной твоим и посрамленным...

Высокий уровень поэтического мастерства, при смысловой ясности и изящной безыскусности лиризма, самый отбор образных средств (в частности, художественный параллелизм), обликующий приведенные строки с опубликованными стихами Рудаки, не дают сами по себе оснований для сомнения в принадлежности их перу Рудаки, хотя вопрос о подлинности многих приписываемых Рудаки стихотворных фрагментов вряд ли когда-нибудь будет разрешен. В приведенных газельных фрагментах можно проследить к тому же логическое сцепление между бейтами, противоречащее канонам более поздней, сформировавшейся, газели.

Надежным представляется и источник найденных строк. Альбом Самба Табризи, включающий образцы творчества более пятисот ран-

ных персоязычных поэтов, был скопирован составителем, как показывает опыт текстологической работы, в ряде случаев с более старых и полных манускриптов, чем те, которыми мы располагаем в настоящее время.

Обнаружение новых стихов Рудаки, равно как и других ранних поэтов - Бабе Кули, Бабе Тахира, Масуд-и Сад-и Салмана, Абу-л-Фараджа Руни, Амака, Анвери и др. - один из результатов завершённой в 1969 г. работы по научному описанию коллекции персидских рукописей Института востоковедения, содержащих литературные произведения до-монгольского периода (серия "Описание персидских и таджикских рукописей ИВ АН СССР, вып. 7. Художественная литература от Рудаки до Камала Исмаила Исфахани", 30 а.л. Исполнители: З.Н.Ворожейкина и Х.Н.Ниязов).

О.Дж.Джалилов

К ВОПРОСУ О СОЗДАТЕЛЯХ И ИСПОЛНИТЕЛЯХ КУРДСКИХ НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН

Особое место в устном поэтическом творчестве курдов занимают исторические песни, известные в народе под названием "Героические песни" (k'ilamê mîranî), "Песни мужей" (k'ilamê mîra), "Песни всадников" (k'ilamê suqara), "Походные песни" (k'ilamê weîra). По своему характеру создание исторических песен несколько отличается от создания других жанров курдского фольклора.

Курдских вождей во всех битвах и сражениях сопровождали певцы-очевидцы. Они назывались денгбешами (dengbêj). Каждый предводитель курдского племени имел одного, а иногда и несколько профессиональных певцов, которые сочиняли песни тут же, на поле боя. Затем эти песни исполнялись в походах, на вечеринках или торжественных собраниях; все присутствовавшие подхватывали их. Таким образом, постепенно исторические песни, созданные певцами-очевидцами, становились достоянием всего племени или всего народа.

У курдов Бохтана и Бахдинана был следующий обычай, который назывался герелавех (gêrlavêj) "сбор соревнующихся певцов".

Зимними вечерами они собирались у кого-нибудь из односельчан и на таком сборе все - знатные и простые - должны были по очереди петь песни. Начинал тот, кто сидел впереди, кончал - последний. Если среди собравшихся оказывался гость, то и он также обязан был спеть для присутствующих песню. Песни, исполненные на сборах, назывались гиск (*gîsk*) (Мелла Махмуд Баязиди, Правы и обычаи курдов. Текст, перевод, предисловие и указатели М.Б.Руденко, М., 1968, стр.60). Они обычно содержали описание боев, в них воспевались храбрость и героизм курдов.

По свидетельству одного из моих информаторов - Саргиса Бояяна (Бараяна), прекрасно знающего курдский язык и множество исторических песен, подобные состязания между дангбежами, на которых присутствовали многие из односельчан и гости, часто организовывались и в Турецком Курдистане.

Дангбежами считали не только профессиональных певцов, но и рядовых исполнителей - знатоков большого количества исторических и любовных песен. В народе до сих пор бытуют исторические песни, которые создавались как профессиональными дангбежами, так и певцами-непрофессионалами.

Исторические песни сложились, в основном, в народной среде и не случайно, что чаще всего их создатели и исполнители - крестьяне. Некоторые исторические песни сложились и в феодальных кругах. Попав в народную среду, такие произведения не только не "глохли" и не "вырождались", напротив совершенствовались и звучали с новой художественной силой (Русское народное поэтическое творчество, под ред. П.Г.Богатырева. М.1956, стр.351).

В курдской действительности не редки случаи, когда авторами исторических песен являются также и женщины - очевидцы события, а героиней песни - женщина-курдянка, которая наравне с мужчинами борется за честь родного очага, племени и народа.

Исторические песни исполнялись не только во время походов и торжественных сборов. В северо-западном Курдистане в специальных певческих школах разучивались поэмы, в которых воспевались подвиги народных героев (В.А.Гордлевский, Из жизни курдов, Известия Кавказского отделения Императорского русского географического общества, т.ХХII, вып.4, Тифлис, 1914, стр. 456). Учителя обучали своих учеников народным поэмам, искусству исполнения, передавали им свой опыт и мастерство.

Разучивание народных, особенно исторических песен, в специальных певческих школах было довольно распространенным явлением.

Среди курдов-мукришцев существовали специальные школы для обучения народных певцов. На северо-западе Курдистана окончивших эти школы называли дангбежами, а на юге - шакрыми. Особо одаренные юности продолжали курс учения, переходя от первого своего учителя ко второму, третьему, становясь их учениками (Oskar Mann, *Kurdisch-Persische forschungen*, Die Mundart der Mukri-Kurden, Abt. IV, Band. II, Teil I, Berlin, 1906, № XXVIII-XXX. Цит. по В.Никитину, Курды, пер. с французского, М., 1964, стр. 379).

Доказательством осведомленности курдского юности и подростка являлось знание и умение рассказать эпизод из истории борьбы своего племени или народа. Поэтому разучивание песни часто передавалось от отца - сыну, от дяди - племяннику и т.д.

Исторические песни исполняются под определенный мотив.

Вопросы изучения курдских народных исторических песен имеют огромное значение как для курдской фольклористики, так и для истории изучения освободительного движения курдов. Они проливают свет также на ряд вопросов, касающихся междусобных войн.

Л.Н.Меньшиков

К ИСТОРИИ ЖАНРА БЯНЬВЭНЬ

0.1. Датированные рукописи дуньхуанских повествований бяньвэнь все переписаны в X веке. Наиболее ранняя из них, рукопись цянцзяньвэнь по "Алмазной сутре" (P.2138) относится к 920 г., наиболее поздняя, рукопись "Бяньвэнь о ханьском полководце Ван Лине" (Коллекция Шао Сянь-мэя) - к 978 г. Время переписки, однако, еще не дает нам возможности датировать само произведение. Поэтому вопрос о датировке составления самих текстов бяньвэнь еще нельзя считать решенным.

0.2. В настоящем сообщении кроме известного "Собрания дуньхуанских бяньвэнь" (Дуньхуан бяньвэнь цзи, Пекин, 1957)

мы используем также материалы из Дуньхуанского фонда акад. С.Ф. Ольденбурга, хранящиеся в Ленинградском отделении Института востоковедения Академии наук СССР. Частично они были нами опубликованы в книге "Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь Десять благих знамений" (М., 1968), в которую включены рукописи бяньвэнь под шифрами: Ф-101, Ф-252, Ф-238. Одна рукопись, "Бяньвэнь о воздаянии за милости" (Ф-96), сдана в издательство для публикации. Еще одна рукопись, "Бяньвэнь по Лotosовой сутре" (Ф-365), в настоящее время готовится к изданию.

0.3. Некоторые дополнительные данные для датировки произведений жанра бяньвэнь могут быть извлечены из самих текстов. Так, в "Бяньвэнь о Вэймоцзе" упоминается Юй-фэй, одно из имен знаменитой Ян Гуй-фэй (казнена в 755 г.), о которой слогались легенды. Имя же Юй-фэй в китайской литературе впервые упоминается в "Повести о бесконечной тоске" Чань Хуна, написанной в первой четверти IX века. Следовательно, "Бяньвэнь о Вэймоцзе" не могла быть написана раньше этого срока. (См. "Бяньвэнь о Вэймоцзе", стр. 51). В "Бяньвэнь по Лotosовой сутре" (P-2133) цитируется стихотворение Цуй Сюаня (IX в.) "Воспеваю сокола на несесте" (Юй цяя шан ми) - поэтому и это произведение не могло существовать до IX в. (См. Дуньхуан бяньвэнь цзи, стр. 502-503).

1.1. Детальное изучение литературной формы известных нам бяньвэнь обнаруживает и другие признаки, позволяющие говорить о времени их создания. Это относится прежде всего к системе стихосложения в бяньвэнь. Стихотворные части бяньвэнь можно подразделить на три большие группы. Первая из них - это нерифмованные стихи, близкие по форме к переводам на китайский язык стихотворных частей буддийских сочинений. Эти части именуются гэтя (gāthā) и в оригинале написаны шлоками. Для нашей проблемы датировки бяньвэнь эти стихи пока не дают ничего, ибо вопрос о форме буддийской поэзии в Китае и этапах ее развития совершенно не исследован.

2.1. Вторая форма стихов, с которой удобно будет начать изложение проблемы, это короткие стихи, восьмистишия и четверостишия, берущие своим образцом так называемые "стихи новой формы" (цзиньтиня) в китайской классической поэзии периода Тан.

Для нашего изложения необходимо вспомнить основные признаки формы восьмистиший, именуемых по-китайски люйши. Люйши состояли из пятисложных или семисложных строк с цезурой перед третьим слогом от конца. В бянъвэнь встречаются почти одни семисложные люйши, поэтому дальше мы будем говорить только о них. Их отличительные признаки следующие. Строки объединялись попарно, составляя четыре пары строк: 1-2, 3-4, 5-6, 7-8. Рифмовались четные строки и первая строка: *aabacada*. Первая пара задавала тему. Вторая развивала ее. Третья давала дальнейшее развитие. Четвертая заключала тему, составляла ее поэтическое резюме. Во второй и третьей паре строки должны были составлять фразы, параллельные друг другу по смыслу и грамматическому построению. В четверостишиях могли сочетаться любые две пары из четырех - китайская теория стихосложения считает четверостишие укороченным восьмистишием (цзэ цзэй - "оборванные строки"). По всем перечисленным признакам восьмистишия в бянъвэнь не отличаются от классических люйши.

2.2. Кроме того, для "стихов новой формы" было характерно чередование тонов, в котором ровные тона группы "пин" противо-поставлялись всем остальным (шэп, шуй, ку), вместе называвшимся "цзэ". Было два варианта построения люйши: 1) люйши, начинавшиеся с тонов "пин"; 2) люйши, начинавшиеся с тонов "цзэ". В обоих вариантах рифмуемые слоги могли быть только в тоне "пин".

2.3. Естественно, что идеальная метрическая схема чередования тонов в каждом конкретном случае могла иметь ритмические отклонения. В классических люйши, особенно в УП-УШ в.в. таких отклонений допускалось не много. В бянъвэнь конкретные схемы восьмистиший выглядят, однако, иначе. При сравнении восьмистиший бянъвэнь с идеальной схемой выясняется, что в них отклонения есть почти в каждой строке, а это в классический период люйши не допускалось. Позднее, однако, в IX - начале X в. в системе люйши появляются изменения, сходные с теми, которые мы видим в восьмистишиях из бянъвэнь. Таким образом, исследование системы чередования тонов дает нам еще один аргумент для утверждения, что известные нам бянъвэнь написаны не ранее IX в.

3.1. Третья форма стихов в биньвэнь - это длинные стихотворения. Они близки к другой форме классической китайской поэзии - так называемым "стихам старой формы" (гутяни), для которых характерно отсутствие строгих законов "стихов новой формы", определенной нормы строк, строгого чередования тонов, обязательного параллелизма, строгого порядка расположения рифмованных строк. Дополнительным их признаком является употребление рифмы слогов не только в тоне "пин", но и в тоне "цаэ". Таким образом, по всем основным данным "стихи старой формы" и "стихи новой формы" противопоставляются друг другу. В конце династии Тан (начиная с IX в.) положение меняется. Намечается определенная тенденция к сближению двух этих форм. Если в "стихах новой формы" появляется большое количество отклонений от законов чередования тонов, то в "стихах старой формы", наоборот, заметна тенденция к более строгой организации, сближающая их со "стихами новой формы". То же в биньвэнь: длинные стихи чаще всего организованы по восьмистишиям, в которых хотя и не соблюдаются законы чередования тонов и рифмы могут быть как в тоне "пин", так и в тоне "цаэ", но в то же время появляются также признаки лейши, как параллелизм 3-4 и 5-6 строк, расположение рифм abacada .

3.2. В длинных стихах биньвэнь есть и другие признаки, роднящие их с поздне-танской поэзией. Это прежде всего употребление в одном стихотворении разностопных строк. Так, многие семисложные строки разбиты на две строки с усечением среднего слога (8-8 вместо 7). Кроме того, в биньвэнь бывает и так, что длинное стихотворение начинается с восьмистишия, в котором стихи насчитывают пять слогов, но следующее восьмистишие уже семисложное. Сочетание разностопных частей также характерно для поздне-танской поэзии.

3.3. Отметим, наконец, некоторые особенности рифмы длинных стихов биньвэнь. В классическом китайском стихосложении периода Тан в "стихах новой формы" допускается только рифма "пин", но в стихах "старой формы" также и рифма "цаэ". Хотя в этих последних возможно смешение различных групп рифм одного тона, рифмовка слогов в разных тонах не позволялась. В биньвэнь, однако, встречаются случаи, когда слога группы 平 бо и 職 чи

(тон ху) рифмуется со слогами группы 支 чии (тон ни). Такая смешанная рифмовка также появляется в конце Тан, но окончательная смена всей системы рифм происходит уже в период Сун, примерно в начале XI в.

В.4. Таким образом, особенности длинных стихов биньвэнь тоже позволяют утверждать, что они созданы не ранее IX в. Стихи биньвэнь занимает такое же промежуточное положение между классическим танским стихосложением и более поздним стихосложением периода Сун, как и поздне-танская поэзия. Совпадение этих процессов во времени в биньвэнь и в авторской поэзии указывает, что в период Тан стихи индивидуальных авторов отнюдь не были искусственным образованием, какими танские формы стали позднее, но были живым изменяющимся явлением.

4.1. Все признаки, выделенные для биньвэнь, указывают на то, что известные тексты этих произведений не могут относиться к периоду более раннему, чем к IX в. В исторических источниках (каковы "Нь хуа цу", "Тан чии янь", "Тай-пин гуан чан"), где упоминаются рассказчики биньвэнь и где (как в записках японского монаха-паломника IX века Экинэя) описывается процесс рассказывания "повествований для простонародья" (суджан), все данные также относятся к IX в. Таким образом, все известные факты указывают на то, что жанр биньвэнь зародился в IX веке, и не обнаружено пока никаких свидетельств о более раннем его существовании.

И.С.Мусаяли

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ КУРДСКОГО НАРОДНОГО СКАЗАНИЯ "ЗАМБИЛЬФРОН"

Сказание "Замбильфрон" (продавец корени) - первое и единственное, известное нам, произведение курдской городской литературы. Сюжет его (история любви жены курдского эмира к бедному корзинщику) впервые привлек к себе внимание курдоведов в конце XIX в. В европейской литературе "Замбильфрон" стал известен в записи, сделанной в 1870 г. в Турции видным собирателем курд-

ских текстов А.Социном.¹ В своем исследовании А.Социн приводит два варианта сказания. Один из них, данный в латинской транскрипции, является народной версией. Другой текст, полученный А.Социном от некоего курда из Дамаска, записан арабским шрифтом и, как правильно предполагал А.Социн, был заимствован из письменного источника и представлял литературную обработку. Оба текста стихотворные и снабжены немецким переводом.

А.Социн не ставил перед собой задачу исследовать это произведение, он ограничился лишь публикацией текста, чтобы как он писал, "сохранить сказание от забвения".

Один вариант повествования "Замбильфрон" имеется и среди текстов, собранных О.Манном². Эта версия в прозе и стихах была записана в Соудбулаке (Межабаде) в 1908 г. Как отмечает О.Манн, сказитель, сообщивший ему эту версию, плохо знал начало и конец произведения, которые передал в прозе, по-видимому, заимствовав из других преданий. Публикуя вариант сказания, О.Манн проявляет к нему большой интерес. Он считает, что оно должно быть изучено с привлечением нескольких вариантов.

Сказанием "Замбильфрон" занимался и Г.Мекен. В своих курдских текстах он приводит из него небольшой отрывок³, записанный им из уст курда, выходца из Турции. Фрагмент содержит 24 строки, издан латиницей и сопровождается немецким переводом.

Таковы первые записи народных версий "Замбильфрон", сделанные в конце XIX - начале XX вв.

Сказанием о Замбильфроне интересовались и советские ученые. Крупнейший исследователь и собиратель фольклора А.Джицди включил в свой сборник три его варианта⁴. Один наиболее полный в прозе и стихах был записан А.Авдаем в 1927 г. Второй - очень краткий, в стихах, и третий - стихотворный с прозаической концовкой записаны А.Джицди в Армении в 1988 г.

В 1984 г. А.Авдай издал еще один вариант сказания⁵. В основном он идентичен версии, записанной им в 1927 г. Однако в последней прозаической части имеются некоторые различия.

В русской литературе "Замбильфрон" впервые стал известен по стихотворному переводу Е.Дунаевского⁶, появившемуся в 1937 г. Перевод был сделан по тексту А.Намилова. Переводчик стремился передать дух народного творения, особенно подчеркнул его социаль-

ную направленность. В 1956 г. появился русский перевод текста⁷, записанного А.Авдалем в 1927 г.

В 1962 г. вышел в свет стихотворный текст "Замбильфрон" с переводом на русский язык.⁸ Вариант был записан И.И.Цукерманом в 1936 г. со слов А.Шамилова. Тогда же ими был сделан перевод, который вместе с текстом был проверен и уточнен в 1957 г. Это тот самый вариант, который лежит в основе перевода Е.Дунаевского.

Одна из версий сказания в переводе на армянский язык была помещена А.Джанди в сборнике "Курдский фольклор"⁹.

В 1967 г. в Ираке известным курдским ученым Г.Мукриани опубликован еще один народный вариант сказания "Замбильфрон"¹⁰ на влном диалекте (сорани). Его передал Г.Мукриани сказитель, выходец из Ирана, который сам и записал эту стихотворную с прозаической вставкой версию.

Такова история собрания курдских фольклорных вариантов сказания "Замбильфрон". Они записаны во многих районах Турции, Армении, Ирака, Сирии, Ирана, что свидетельствует о широкой известности и распространении сказания.

Длительность бытования, большая популярность, а также тот факт, что сказание "Замбильфрон" послужило основой для литературной обработки¹¹, свидетельствует о его большой ценности для истории курдской культуры.

---

1) A.Socin, *Kurdische Sammlungen, Die Texte*, S.-Pb., 1890.

2) O.Mann, *Die Mundart der Mukri-Kurden. Teil I-II*, Berlin, 1906-1909.

3) H.Makas, *Kurdische Texte im Kurmanji-Dialecte*, Leningrad, 1926, S.50-52.

4) *Folkloru kuzmanca*, Jerevan, 1936, r.332-337, 489-494.

5) *Kêta zivane kuzmançi. Vona koma cara*. Rewan, 1934, r. 129-134.

6) *Творчество народов СССР. Альманах I. М., 1937, стр.441-448.*

7) *Советские курдские поэты*, Ереван, 1956, стр. 24-30.

8) *Курдские эпические песни-сказы*, М., ИВИ, 1962, стр.24-28; 147-150.

9) $\lambda \xi \eta \rho$, « φρησυχωξ φηλϋλρ », $\epsilon\rho\lambda\omega\xi$,
1947, стр. 86-89.

10) 1947, « $\text{چیرۆکی زه مێهیل فروش ، هه ولێز}$ ».

11) М.Б.Руденко, Описание курдских рукописей ленинградских собраний. М., 1961.

М.Б.Руденко

СИСТЕМЫ СТИХОСЛОЖЕНИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУРДСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НА СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ

1. В курдской средневековой классической поэзии сосуществуют две системы стихосложения: силлабо-тоническая, привнесенная в письменную литературу из курдского фольклора, и аруз, заимствованный из арабско-персидской классической поэзии.

2. Из силлабо-тонических метров курдского фольклора в письменную поэзию проникает и получает широкое распространение форма семи-восьмисложника, который чаще всего встречается в составе четверо- и шестистиший, рифмуемых по схемам $bbba$, $ccca$, $dddd$ и $ffffaa$. В одной строке можно выделить две стопы, в каждой из которых имеется один ударный слог, причем место его в стопе в разных строфах непостоянно. Можно выделить несколько типов сочетаний ударных и безударных слогов, образующих следующие основные схемы:

1) $\cup \cup \cup \cup$	$\cup \cup \cup$	K'a rax-ge-ki	xweq-mêq-di-vê
2) $\cup \cup \cup \cup$	$\cup \cup \cup$	Bê-xwen-din-	û-ya-sîn ki-rîn
3) $\cup \cup \cup \cup$	$\cup \cup \cup$	Wîr-dek-xe-ya	la-min nè-tê
4) $\cup \cup \cup \cup$	$\cup \cup \cup$	Ka-mîl di-bin	bi-ol-rê-tê

Иногда различные типы сочетаний встречаются в пределах одной строфы, что придает стиху подвижность, гибкость и своеобразный ритмический рисунок. Силлабо-тонический семи-восьмисложник — один из самых распространенных в курдской поэзии размеров — им написаны поэмы "Шейх Сан'ан", "Стихи Факи Тейрана, обращенные к ручью", "Продавец корзин" и др.

3. Другой вид силлабо-тонки - семисложник, встречающийся в составе трехстиший с рифмой ааа, ббб и т.д. В трехстишиях, написанных семисложником, так же, как и в четверостишиях, можно выделить несколько типов сочетаний ударных и безударных слогов, образующих охемы:

1) ١ ١ ١ ١ ١ ١ ١	xe-ber-dâ-rim	xe-ber-dâr
2) ١ ١ ١ ١ ١ ١ ١	a-ğî-îe-kin	da-î(1)-dâr
3) ١ ١ ١ ١ ١ ١ ١	ây-li-min-dî	za-ğil-pâ'n
4) ١ ١ ١ ١ ١ ١ ١	for-sêt-ku-ha	te-dês-te

Этим размером написаны поэмы "Повесть о черном коне", "Крепость Дымды" и др. Третий вид силлабо-тонического метра - четырехсложник, которым, обычно, пишутся четверостишия - встречается значительно реже.

4. Появление аруза в курдской поэзии связано с именем Мелая Джизри (вопрос о времени жизни поэта не получил окончательного решения; одни исследователи относят его к XII в., другие - к XV), использовавшего в своем творчестве обе системы стихосложения. Наряду с формами и метрами народной поэзии в произведениях Мелая Джизри хорошо представлены различные размеры аруза, преимущественно хазадж, рамаль и раджаз. Как уже отмечалось ранее, в курдской средневековой поэзии нарушение метров аруза с точки зрения его канонов - явление очень частое. По-видимому, курды не сумели подчинить арузу метрику курдского стиха, основанного на силлабо-тонике. Следует оговорить, что в произведениях Мелая Джизри такие нарушения встречаются значительно реже, что, вероятно, объясняется преобладанием арабско-персидской лексики в его поэтическом языке.

5. Интересно отметить, что отдельные стихотворения Мелая Джизри на наш взгляд могут отвечать и требованиям аруза и силлабо-тонки. Вот одно из таких стихотворений:

من دی سحر شاهی مهربسی د بر خمسور بو
او دیم زری سر مشتری یا رب پری یان خور بو

حوری وشه کاکل رشه دیم قرقشه خال جشه
خالین د قر مسکی تتر نازک بشر کافور بو

1) U ² UU	U ² UU	U ²	neq-qā-se-se	hf-fē-yē-he	ka-yēt
2) U ² UUU	U ² UUU	U ²	ra-be-ey -si	ti-ku-min-de	rēn-ge
3) U ² UU	UU ² U	UU	mf-rf-ji-wf	ra-bi-df(ni)	new-sūf
4) U ² UU	U ² UUU	U ²	ra-wi-we-he	gō-te-min-re	wa-yet

Резюмируя вышесказанное можно сказать, что

1) в курдской средневековой классической поэзии сосуществуют на равных правах две различные системы стихосложения;

2) особенности аруза в курдской поэзии составляют:

а) систематическое нарушение его канонов, б) наличие различных ритмических рисунков в пределах одного и того же метра аруза.

Э.С.Русинова

КАСТОВАЯ СИСТЕМА В РОМАНАХ М.Р.АНАНДА 30-х ГОДОВ

В одной из своих работ ("Апология героизма", 1957) Мульк Редж Ананд отмечал, что современному писателю "необходимо связать себя с обездоленными и слабыми, чтобы и по-человечески и в качестве художника, наделенного особым даром, помогать переустройству общества". Эти слова могут послужить эпиграфом ко всему творчеству писателя, и этим убеждениям он остается верен во всех своих произведениях, начиная с ранних романов, созданных на английском языке ("Неприкасаемый", 1935, "Кули" 1936 и "Два листка и почка" 1937).

Ананд вошел в литературную жизнь своего времени, как художник, рисующий острые социальные конфликты, яркие жизненно-правдивые ситуации. Герои Ананда, пройдя сложные жизненные пути, отказываются от покорности и непротивления, становятся людьми более зрелых и действенных убеждений, готовыми бороться за свои права.

Тема кастового неравенства и тесно связанная с ней проблема социального прогресса были ведущими мотивами ранних романов Ананда. Сюжеты первых его романов были подсказаны реальными событиями. Роман "Неприкасаемый" возник под впечатлением подлинных об-

стоятельств — борьбы низших каст Индии за осуществление политических прав. Природа наградила героя романа "Неприкасаемый" Бакху пытливым умом, каждой познаний, но от рождения он обречен на самое жалкое существование униженного человека, угнетаемого и презираемого обществом потому, что он принадлежит к касте "неприкасаемых" уборщиков нечистот. Бакху не хочет мкриться со своим положением, он не считает себя хуже других только оттого, что вынужден убирать грязь за ними. Но пробуждающийся в нем протест, желание отомстить за свое унижение уступают место сознанию своей неполноценности, ощущению своей бесправности и рабской зависимости. И хотя Бакху ненавидит несправедливость, чувствует ее остро, готов бороться за свои права, он связан своей принадлежностью к нижней касте, он вынужден подчиниться внешним обстоятельствам и терпеть свое положение раба.

Писатель пытается понять, в чем причина угнетенного положения народа, его бесправия, забитости и приходит к выводу, что одним из самых больших бедствий является колониальная система и узаконенное ею социальное и кастовое неравенство людей. Наследственное разделение людей по профессиям, закрепленное к тому же религией, углубляло социальное расслоение общества и способствовало чрезмерному обогащению одних и полному обнищанию других. Отмене кастовой системы, формально произошедшей в 1950 г., предшествовала полная драматических событий борьба народа за свои права, и начало этой борьбы совпало с первым периодом творчества Ананда.

Даже название романа Ананда свидетельствует о возмущении автора таким обществом, где может быть понятие "неприкасаемости" по отношению к человеку "презираемой" профессии. Ананд предлагает разрушить эту систему, но пока еще найближими средствами. Бакху попадает на площадь, где выступают общественные деятели с речами, посвященными проблеме "неприкасаемости". Ораторы заражают Бакху своей верой в то, что покончить с кастами, с профессиональной закрепленностью людей можно лишь в том случае, если жалкий, грязный труд будут выполнять машины, а тогда не останется профессий, унижающих достоинство человека, и исчезнут бесчеловечные отношения между людьми.

И в следующем своем романе "Кули" Ананд вновь обращается к судьбам отверженных, к изображению людей, находящихся "на дне"

жизни. Возможно выбор темы возник не без влияния чтения книги М. Горького "Бывшие люди". Анянд писал, что созданные великим пролетарским писателем впечатляющие образы навсегда вошли в его жизнь.

Жизнь Муну - героя романа "Кули" - складывается столь же трагично, как и жизнь Бакху, хотя Муну и принадлежит к уважаемой касте воинов раджутов. После разорения и смерти родителей мальчик попадает в качестве слуги в дом банковского служащего и тут впервые он понимает, что каста не играет роли, что существует только два рода людей: богатые и бедные. Наблюдая жизнь, взрослея, Муну понимает, что и в обществе "Белых сахибов", на которых ему так хотелось быть похожим, действует тот же неуомолимый закон, и "женщина, муж которой получает пятьсот рупий, смотрит сверху вниз на ту, чей муж получает триста". Муну понимает, что есть только два сорта людей, и не принадлежность к касте делает людей счастливыми и не касты разделяют людей, а богатство одних и бедность других. С большим мастерством Анянд нарисовал злобную картину кастового разделения людей, ставшего в 30-е годы уже острой социальной проблемой. В центре романа "Кули" забастовка текстильных рабочих Бомбея, и эти события убеждают читателя, что основа, на которой покоится вся система, подорвана, пассивная покорность перерастает в протест, развитие новых общественных отношений и рост самосознания народа наносят удар кастовому строю.

В романе "Два листка и почка" изображена жизнь кули на чайной плантации в Ассаме, разорившихся, отчаявшихся крестьян, нанятых, вернее, заманенных на плантацию лживыми обещаниями. Индийский город и деревня переживают одни и те же процессы. Полное обнищание рабочих в городе, бесправие, заботность, униженность кули на плантациях. Все романы Анянда призывают к борьбе, к объединению всех против одного врага - капитала.

Анянд утверждал, что "стремление писать требует от писателя мужества, чтобы высказывать горькие истины". Анянд имел это мужество. Рисуя подлинные события, отражая в своих произведениях те процессы, которые совершались в индийском обществе, Анянд пришел к выводу, что старые порядки дальше существовать не могут, общество должно быть перестроено.

Г.Г.Свиридов

**"ПОВЕСТИ, СОБРАННЫЕ В УДЗИ" ("УДЗИ-СИИ МОНОГАТАРИ") -
ПАМЯТНИК ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIII ВЕКА**

Время создания относится к начальному периоду эпохи Камакура. По одной из версий произведение было создано в промежутке между 2 годом Кэнряку и 3 годом Дзёку (1212-1221), по другой версии - между периодами Дзёгэн и Кэмпо (1207-1218). Памятник состоит из 15 "маки" (свитков) и 197 историй. 84 истории идентичны сюжетам "Кондзяку-моногатари". В сборнике содержатся, наряду с некоторым количеством индийских и китайских по происхождению рассказов, в основном японские сюжеты.

Буддийские рассказы сборника повествуют о путешествиях и приключениях буддийских проповедников, а также о том, например, как бедняк, вернувшись в лоно буддийской религии, обрел богатство; как высокопоставленный буддийский монах в засуху вызвал дождь и т.д.

Значительно в памятнике число анекдотов, связанных с чиновниками; шуток, основанных на специфических чертах характера или необычных событиях. Много народных сказок, в которых повествуется о том, как черт шимку убрал, о благодарности воробья или черепахи и т.п.

По сравнению с другими собраниями историй того же периода ("Кодайдан", "Дзокукодзайдан", "Хобуцу-си") в "Повестях, собранных в Удзи" повествовательный характер ощутим в большей степени, чем дидактический. В произведении отражена повседневная жизнь простого народа, показаны различные проявления человеческой натуры. Памятник написан живым разговорным языком XIII века и может представлять интерес и с лингвистической точки зрения. Немалое число рассказов содержит местный и национальный колорит.

Подлинное название и автор произведения неизвестны. Из предисловия к памятнику можно узнать об истории его создания в самых общих чертах. "В эту книгу мы отобрали повести, собранные дайнагоном (чиновником) Удзи, и повести, написанные после него". "Удзи-си моногатари". Предисловие (составителя) .

Значительна связь "Повестей, собранных в Удзи" с другим произведением повествовательного жанра - "Кондзяку моногатари сю" (Собрание повестей "Не ныне, а в старину", начало XII века), автором которого по традиции принято считать Минамото Такакуни. В средневековые списки "Кондзяку моногатари сю" распространялись также под название "Удзи-сю моногатари", что позволяет теперь некоторым ученым утверждать, что "Удзи-сю моногатари" - это вариант "Кондзяку моногатари сю".

В имеющихся исследованиях японских литературоведов рассматривается вопрос о взаимосвязи "Повестей, собранных в Удзи" с другими памятниками японской литературы, о соответствиях и параллелях между ними. Все это представляет несомненный интерес для определения сущности процесса становления простонародной повествовательной литературы Японии и для прояснения некоторых проблем идеологии, связанных с трансформацией буддийского учения и влиянием, оказанным на него простонародным мировоззрением.

"Повести, собранные в Удзи" до настоящего времени, насколько нам известно, не изучались русскими или западными исследователями. Название произведения и краткая его характеристика имеются в "Истории японской литературы" Астона, переведенной на русский язык. Отдельные упоминания о памятнике встречаются на страницах "Истории японской литературы" К.Флоренца и в неопубликованной статье Н.А. Невского (АВ, ф.69, оп.2, ед.хр.85).

Работы японских исследователей могут быть разделены на три категории.

а) Издания текста памятника, снабженные комментариями. Подобные издания "Удзи-сю моногатари" осуществлялись в сериях "Нихон бунгэку дзэнсё" ("Полное собрание произведений японской литературы"), "Нихон котэн дзэнсё" ("Полное собрание произведений японской классики") и др.

б) Толкования и переводы "Повестей, собранных в Удзи".

в) Работы, опубликованные в журналах и сборниках и касающиеся вопроса создания "Повестей, собранных в Удзи", проблем, связанных с рукописями памятника и т.д. Первая из серии таких работ - Исследование "Удзи-сю моногатари" Сато Сигэхиро, опубликованное в августовском номере журнала "Рэкиси дзэсси" ("Исторический журнал") за 1908 год. Библиография статей, составленная Ватанабэ

Цуная, включает 13 названий и охватывает годы с 1908 по настоящее время.

В общем течении японской литературы XIII века памятник занимает значительное место как первое произведение простонародной повествовательной литературы. Важным является, видимо, вопрос о соотношении религиозных (буддийских) и светских сюжетов и мотивов. Подлежит изучению и язык произведения, частично проанализированный Кояма Асамару. Интерес представляет проблема авторства "Повестей, собранных в Удзи" и соотношение их с "Кондьяку моногатари". Время создания произведения также нуждается в уточнении, о чем говорят и японские исследователи (Икикути Кюкити).

Необходим полный перевод памятника и разработка системы комментариев.

Г.В.Сорокоушовская

НОВОЕ О СУАД ДЕРВИШ

Имя турецкой писательницы Суад Дервиш (р. 1908 г.) довольно часто появлялось в Турции в 20-30-е годы под литературными новинками, позволявшими надеяться, что в ближайшее время турецкая литература обогатится значительными произведениями писателя-реалиста и революционера. За три последних десятилетия оно стало известным во многих странах мира, но редко находило место на страницах турецкой печати или появлялось под слабыми, бессодержательными произведениями, что породило различные толки.

В 1968 г. в Турции снова громко заговорили о Суад Дервиш. В частности, анкарский журнал "Форум" (см.: Р.Фин, Послесловие к кн.: Суад Дервиш, "Фосфорическая Джеврис", М., 1957, с.194) поместил на своих страницах некоторые ее высказывания, значительное внимание ей уделил стамбульский журнал "Май" (Стамбул, 1968, № 15, декабрь, стр. 6,7,15. Личный экземпляр этого журнала автору любезно предоставил А.Н.Кононов, благодаря чему стало возможным настоящее сообщение).

Опубликованные материалы раскрыли важные моменты биографии писательницы, ее литературной и общественной деятельности; пролили свет на причины столь длительного замалчивания ее имени в Турции.

Стало известно, например, что крупный турецкий поэт, драматург, публицист и общественный деятель Назым Хикмет Раи (1902-1968) был первым, кто познакомил турецких читателей с именем Суад Дервиш. По его рекомендации и с одобрения поэта Доуфа Зии Ортача (р.1892) первое сочинение С.Дервиш - "Бред" (стихи в прозе) было опубликовано в специальном литературном выпуске газеты "Знаменосец" (не позднее 1920 г.).

Известные сведения о том, что для получения высшего образования, о котором женщина Турции того времени могла только мечтать, С.Дервиш, благодаря своему отцу, едет в Германию, учится в Берлинской консерватории и Берлинском университете, теперь дополняются сообщением о ее работе в Берлине между 1930-1938 гг. в немецком издательстве Ульштейна, о публикации ее документального романа "Жены султана" в газете этого издательства, о ее деятельности журналистки.

Материалами интервью, помещенными в журнале "Май", подтверждается правильность высказанного нами ранее суждения о том, что появление романа "Эмине" (1981) свидетельствовало о переломе, наступившем с начала 30-х годов в творчестве писательницы: отныне "женский вопрос" как таковой становится лишь частью большой проблемы освобождения человека, защиты человеческих прав, утверждения человеческой личности. Антивоенные мотивы, как и протест против социального неравенства, прозвучавшие в романе, были продиктованы С.Дервиш прежде всего действиями немецких фашистов, за которыми она имела возможность наблюдать, живя в Германии, и вопиющей нищетой турецкого народа, о которой писательница столкнулась сразу по возвращении на родину.

Идейная направленность произведений Суад Дервиш, ее активная общественная деятельность (она была одним из первых организаторов и председателем профсоюза работников печати в Турции), общение с такими "опасными" личностями, как Назым Хикмет, демократический писатель Сабахаддин Али (1907-1948), турецкие журналисты- супруги Сертель (Мехмед Зекерия Сертель - р. 1892, Сабиха Сертель - р. 1897), Ремад Фуад Баренер (ум. 1968 - один

на основателей социалистического движения в Турции, революционер, племянник первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемала Ататюрка, муж писательницы), поездка в Советский Союз в качестве корреспондента газеты "Заря" (1937), теплые слова, сказанные о нашей стране по возвращении в Турцию, - всего этого оказалось более, чем достаточно, для зачисления писательницы у себя на родине в разряд "неблагонадежных" элементов. В результате печататься становится с каждым годом труднее. С 1943 г. Суад Дервиш подписывает свои произведения часто сменяющимися псевдонимами, а в 1958 г. перед лицом смертельной опасности эмигрирует из Турции.

Бесспорно заслуживает внимания сообщение о том, что роман "Анкарский узник" - первый турецкий роман, опубликованный во Франции, а также - что перу Суад Дервиш, кроме большого количества рассказов, романов, репортажей, принадлежит еще сказки для детей и пьесы.

Представляются интересными высказывания, приведенные журналом "Май" о ее романе "Анкарский узник" и о последующем произведении - "Тени особняка". Думается, сам факт, что французская критика оценивает "Анкарский узник" много выше, чем "Мост на Дрише" Иво Андрича, удостоенный Нобелевской премии, а в творчестве Суад Дервиш в целом видит много общего с произведениями таких известных литературных деятелей, как Джон Эрнст Стейнбек, Эрскин Коудзуэлл, Элио Витторини, Ф.М.Достоевский и А.М.Горький (в плане выбора героя, интереса к его психологии, эмоционального воздействия на читателя языка сочинений), говорит о незаурядности турецкой писательницы, о большой положительной значимости ее творчества.

Но особенно важным, пожалуй, следует считать известие о том, что в настоящее время произведения турецкой писательницы переведены более, чем на двадцать языков, в том числе на болгарский, венгерский, голландский, датский, испанский, итальянский, китайский, немецкий, русский, сербский, финский, французский, японский. Ведь именно всемирная известность писательницы, очевидно, сделала, в первую очередь, невозможным дальнейшее замалчивание ее имени в Турции и оказало погасивший было интерес турецких издателей к личности Суад Дервиш. Непосредственным проявлением

этого последнего явилось и объявление, сделанное тем же журналом "Мей", о предстоящем издании в Турции романов Суад Дервиш "Фосфорическая Джеврие" и "Анкарский узник".

О.Л.Финман

О НЕКОТОРЫХ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХОЖДЕНИЯХ КИТАЙСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

(Цзи Юнь и сатирико-нравоучительные журналы Стиля и Аддисона)

Эпоха Просвещения потому и может быть названа э п о х о й, что это явление не локальное, а общемировое. Просветительское движение в разных странах протекало по-разному, но, при всей специфике местных явлений, основные характеристики были общими: критика феодальных установлений /как правило, не затрагивавшая самого принципа государственной власти/, борьба с абсолютизмом и общественным неравенством, пропаганда науки и "воспитания", рационалистический подход к природе и обществу с позиций "здорового смысла".

Просветительское движение всегда и всюду включало в себя проблемы этики, воспитания людей, исправления общественных нравов. Но просветители разных стран по-разному понимали функцию этого "исправления". Одни делали акцент на исправлении общественных учреждений, формирующих общественные нравы, другие полагали, что в первую очередь следует улучшать нравы людей, чтобы они "созрели" для будущего общественного переворота, для эры социальной гармонии, или же были достойны у же свершившегося переустройства общества. Последняя точка зрения характерна для деятелей раннего английского Просвещения, выступавших после "славной революции" 1688 г. и мечтавших о том, чтобы сделать своих соотечественников достойными жить в этом "лучшем из миров", улучшить их обычаи и нравы. Связанный с этим несколько ограниченный характер английской просветительской литературы, ее морализующий, а не гражданский пафос, неразрывная связь сатиры с назиданием отчетливо выявляются в сатирико-нравоучительных журналах "Болтув",

"Зритель", "Опекун", издававшихся английскими просветителями ХУИ в. Стилем и Аддисоном.

Нам уже приходилось отмечать типологическую близость таких, казалось бы, далеко друг от друга явлений, как творчество английского просветителя Филдинга и роман китайского писателя ХУИ в. У Цзи-цзи "Неофициальная история конфуцианцев" (О.Л.Финмен. Китайский сатирический роман. М., 1966, гл.В). Детальный анализ произведения другого китайского писателя ХУИ в. - "Заметки из хижины Великое в малом" Цзи Юня дает материал для сопоставления этой коллекции коротких рассказов, морализующих анекдотов и различного рода заметок с произведениями, печатавшимися в журналах Стиля и Аддисона.

Цели, которые ставили перед собой Стиль и Аддисон, были аналогичны целям, которые преследовал своими издательскими рассказами (где зло в его различных проявлениях каралось, а добро награждалось) Цзи Юнь. И для английских просветителей, и для Цзи Юня литература была средством борьбы с конкретными и р а з в е с т в е н н ы м и пороками общества, поэтому их произведения носили скорее нравственно-воспитательный, чем обличительный характер, а пропагандируемый ими идеал лежал в сфере этики, а не политики.

При всем различии социальных условий, при всей национальной специфике литератур, - объекты критики у Цзи Юня и у европейских просветителей одни и те же: дурные нравы, нелепые обычаи, невежество, злоупотребления чиновников и т.п. И Цзи Юнь и английские эссеисты пропагандировали образование и воспитание, верили в то, что положительные примеры, давая людям образцы для подражания, могут способствовать улучшению нравов.

Определенное сходство наблюдается и в форме их произведений: и у Цзи Юня и в журналах Стиля и Аддисона используются морализующие анекдоты, сны, разговоры мертвых, сюжетные повествования, рассуждения; есть сходство и в структуре: материалы, публиковавшиеся Стилем и Аддисоном, отличались "необычайной жанровой синкретичностью" (А.А.Влистретова. Английский роман эпохи Просвещения. М., 1966, стр.33), тот же "синкретизм" характерен для оборников Цзи Юня, где рассказы и анекдоты перемежаются заметками научного, информационного или публицистического характера. (О жанровом многообразии "Заметок..." Цзи Юня в кн.: О.Л.Финмен. Цзи Юнь. "Заметки из хижины Великое в малом", сдано в печать). Сходны и

способы характеристики персонажей: почти в каждом номере "Зрителя" печатались "характерологические очерки", характеры в которых были, как правило, "функциональными", используемыми в дидактических, а не в художественных целях; причем в большинстве случаев характеры эти были типическими, а не индивидуальными. Цэн Динь также изображает типические фигуры, важные для него своей дидактической ценностью.

Стянь и Аддисон были оптимистами, верившими во врожденную доброту человеческой природы и способность человека к нравственному совершенствованию. Поэтому их очерки характеров изображали и пороки и добродетели, давая некие "образцы", которым следовало либо подражать, либо избегать. Точно также относится к "человеческой природе" Цэн Динь; большинство персонажей в его дидактических рассказах служит либо "образцами" для подражания, либо своеобразными "предостережениями", показывающими, как опасен путь порока.

Публиковавшиеся в английских журналах письма давали Стянь и Аддисону возможность приводить разные мнения по определенным поводам, приводить различные примеры, иллюстрирующие те или иные положения нравственного или философского порядка. Той же цели служат концовки тех рассказов Цэн Динь, где он сталкивает несколько мнений об изложенном в рассказе событии или о его дидактическом смысле.

Стянь и Аддисон изображали людей из разных социальных подгрупп, в разных "сферах поведения", но интересовали их только моральные проблемы; Цэн Динь в его героях тоже интересовало только соблюдение ими этических норм поведения (человек должен вести себя так, как предписано в данной социальной ситуации). И когда в его рассказе фигурирует недобросовестный чиновник или непочтительный сын, то в обоих случаях речь идет о человеке, ведущем себя "неправильно" (в быту проявляется эта "неправильность" или на службе - для Цэн Динь не очень существенно). Но примечательно то, что в ряде рассказов неправильное поведение персонажа влечет за собой кару, несмотря на то, что наказанный занимает высокое социальное положение, и, наоборот, достоинство человека, занимающего низкое место в социальной иерархии, охраняется от посягательств сильных мира сего. И это естественно, ибо социальное не-

равенство для Цзянь Иня - одна из важнейших причин человеческих бедствий (хотя в то же время только проявление "общих пороков").

Цзянь Инь критиковал не чиновников как таковых, но пороки чиновников, пороки идеологов и ученых; таким образом, он критиковал не социальный порядок, а "нарушение" порядка, но объективно эта критика, как и сатира Стиля и Аддисона, была частью общепросветительской критики всего "неразумного", "аморального", "противоестественного".

У. Я З Ы К О З Н А Н И Е

С. Н. Баевский

СЛОВАРЬ "ЗАФАНГУЙА ВА ДЖАХАНПУЙА" КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП В ИСТОРИИ ПЕРСИДСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ.

проведенная работа по подготовке к изданию раннего памятника персидской лексикографии "Фарханг-и Зафангуя ва джаханпуйа" позволила прийти к следующим выводам.

Словарь "Зафангуя", составленный в конце XIV - начале XV в., явился в свое время, как показывает его исследование, новым и важным этапом в развитии персидской лексикографии. Широкий охват лексики по языкам, выделение арабской, турецкой, "румийской" лексики в отдельные словарики для удобства пользования, расположение вокабул по первой букве, включение наряду с лексикой литературного употребления слов живого разговорного языка, - все это позволяет говорить, что автор "Зафангуя" принципиально отступает от прежних ограниченных целей - служить пособием при чтении персидской поэзии, - которую ставили себе ранние персидские фарханги, являвшиеся по существу словарями рифм. Автор "Зафангуя" дает своему труду более широкое назначение. Составленный им словарь предназначается и для непосредственного общения с иноязычными соседями. В связи с этим он вводит в персидский фарханг новшество - дает описательное обозначение произношения толкуемых слов, иногда отмечая даже их варианты. Словарь "Зафангуя" присуща также не имевшая ранее места характеристика некоторых гласных, входящих в состав толкуемых слов, по

их происхождению и, следовательно, произношению. Автор отмечает "мааруфные" и "маджхульные" гласные, давая им свое название: соответственно "зав-и араби" и "йа-йи араби", "зав-и фарси" и "йа-йи фарси".

Словарь "Зафангуя" является одним из первых в персидской лексикографии опытов классификации словарной лексики, с выделением в обособленные словарики лексики арабской, турецкой, греческой, имевшей употребление в персидской литературе, то есть одной из первых попыток создания многоязычного словаря. Необходимо отметить, что и собственно-персидская лексика подвергается автором своеобразной классификации по трем разделам. По словообразовательному признаку выделены разделы простых персидских слов (бах 1) и слов составных (бах 2); в особую часть вынесены персидские инфинитивы (бах 3). В трудах предшествующих лексикографов глаголы присутствовали, как правило, в личной форме; инфинитивы в качестве вокабулы приводились очень редко, и нигде не было попытки выделить инфинитивы в специальном разделе. Инфинитивы в "Зафангуя", преимущественно старые, даны обычно в двух-трех формах, основной и производных, часто с пометой составителя, выделяющей основную форму.

Известный интерес представляет и приложение к словарю, в котором автор собрал персидские выражения и словосочетания, имеющие иносказательный, переносный смысл. Выделение фразеологических элементов персидского языка в особый раздел не имело места, как можно судить по дошедшим до нас памятникам, в трудах предшествующих лексикографов, но получило развитие в персидской лексикографии более позднего времени.

Как новое для своего времени явление в истории персидской лексикографии можно рассматривать и введение в состав персидского фарханга обособленного словарика "румийской" — то есть греческой, латинской, сирийской лексики (бах 6). Включение отдельных греческих слов имело, правда, место уже в словаре XI в. "Дугат-и фурс", но автор "Зафангуя" значительно расширил круг этой лексики и создал своего рода первый "румийско"-персидский словарь.

Заключительная часть словаря "Зафангуя", названная автором "Дар суханан-и турки" ("О словах турецких"), особенно интересна, так как эта часть словаря (бах 7) может быть отмечена как

самый ранний опыт создания тюрко-персидского словаря. Если мы можем говорить о хорошо развитой к XIV веку традиции составления арабско-персидских словарей, ведущих свое начало от XI в., то практику составления тюрко-персидских словарей можно проследить лишь с XV-XVI вв., когда появляется ряд словарей к произведениям Алишера Навои на старо-узбекском языке.

Словарь "Зафангуя" был, по-видимому, одним из наиболее авторитетных лексикографических сочинений, содержащий ценный лексический материал и удобный в пользовании благодаря своему четкому построению. Признанная авторитетность "Зафангуя" подтверждается и тем фактом, что он многократно привлекался последующими авторами словарей в качестве одного из основных источников вплоть до конца XVII в.; некоторые черты построения "Зафангуя" и методы подачи словарного материала, отмеченные выше, вошли после него в практику персидских лексикографов.

М.Н.Боголюбов

ИРАНО-АРАМЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

В арамейских материалах, относящихся к ахеменидской эпохе, представлены два слова, содержащие букву Q: название одежды $\text{w}^{\text{r}}\text{b}^{\text{r}}\text{q}$ и неустановленного чтения и значения $\text{š}^{\text{d}}/\text{r}^{\text{q}}\text{l}/\text{n}'$. По поводу последнего М.Лидбарски заметил, что "der Name kann natürlich persisch sein" (M.Lidsbaraki. Ephemeris für semitische Epigraphik. Bd.I, Giessen, 1902, S.276). Также в $\text{w}^{\text{r}}\text{b}^{\text{r}}\text{q}$ Каули видел $\text{w}^{\text{r}}\text{b}^{\text{r}}\text{l}$ (Дан.3,21), которое возводит к иран. *wara-bāra- "то, что носят поверх, сверху", "with the Persian final k"^I.

Буква Q в словах иранского происхождения, засвидетельствованных в памятниках арамейской письменности, явление позднее, восходящее к середине III в. до н.э., когда установилось соответствие арамейских t k t q и греческих t x t k . В арамейском ахеменидского времени буквы t и q на иранскую лексику не распространялись. Поэтому у слов $\text{w}^{\text{r}}\text{b}^{\text{r}}\text{q}$, $\text{š}^{\text{d}}/\text{r}^{\text{q}}\text{l}/\text{n}'$ должен быть иной, не иранский источник происхождения.

В арамейском письме из Гермополя² содержится следующая фраза: hn $\text{w}^{\text{r}}\text{t}'\text{k}$ $\text{w}^{\text{r}}\text{h}^{\text{r}}\text{l}\text{š}$ $\text{š}^{\text{h}}\text{h}$ l^{y} $\text{b}^{\text{y}}\text{d}$ $\text{'q}^{\text{b}}\text{h}$ b^{r} $\text{w}^{\text{h}}\text{p}^{\text{r}}\text{'}$. Издатели сочи

в ней *srhlah* за имя собственное муж. р.: "se ti raggiunge *Srhlah*, scrivimi per mezzo di 'Qbh figlio di *Whpr*". Более вероятно, что *srhls* - название предмета, в ст. *emph. srhlah*, посланного отправителем письма и о получении которого он просит уведомить: "если до тебя дошел *srhls* (если ты получил *srhls*), сообщи мне через 'Qbh, сына *Whpr*". Именно так сказано в другом письме из Гермополя³ о получении туники *ktn: wttny ktnh zy 'wrtu ly* "домла до меня туника, которую ты мне послала".

Слова *sr-hls* и *sr-blq* относятся к одному и тому же структурному типу. Осложненное компонентом *srhls* при др.-евр., араб. *hls* "снимать, стягивать (обувь, одежду)", др.-евр. *hlysh* "снаряжение", *hlws* "вооруженный", аккад. *halisu* "кожаная куртка", также может быть названием рода одежды: "если до тебя дошла (одежда) *srhls*, сообщи мне через 'Qbh, сына *Whpr*". Соответственно при *srblq* предполагалось бы существование самостоятельного слова *blq*, что и подтверждается надписью на остраке: *lblq 'm lbwš' h* Ш Ш Ш. Захау считал здесь *blq* и *lbwš* именами собственными: "Dem Balaq samt der Libussa 9 Chomer"⁴. Можно предсказать следующий перевод этой надписи: "На (одежду, называемую) *blq* с (одеждой, называемой) *lbwš* 9 х(аллуров)".

Слово, которое читает *šd/rql/n'*, находится на треугольной пластинке, несущей рельефный отпечаток с изображением символа Ахурамазды и льва, терзающего оленя⁵. Горизонтальная линия второй буквы гладкая, как у *W*. Четвертая буква не имеет удлинений ствола вверх и вниз, характерных для *L* и *N*, и отличается наличием отростка у горизонтальной линии, как у *D/R*. Предлагаемое чтение слова - *šwqr'*, т.е. *šaf'el* от *YQR* со значением "почтение", "уважение". До сих пор *šaf'el* от *YQR* в арамейском не отмечали, ср. аккад. *šūquḫ* "почитать". Новая арамейская надпись на серебряной пластинке из Ирана дает еще один пример на *šaf'el* от *YQR*.

Текст надписи в транслитерации и переводе А.Дюпон-Соммера:⁶

(1) *šqrt'* zy 'bd *hnbndk wšbwr*[

(2) *lgdy 'lh'*

(3) *lhywhy wlhyu 'hwhy wdwthy*

"(1) Le pyrée (?) qu'a fait Hn-bandak -----

(2) en l'honneur du dieu Gaddi

(3) pour sa vie et pour la vie de son frere et de ses oncles".

В поисках объяснения слов $\text{šqrt}'$ и $\text{šbwrt}'$ издатель надписи упустил из виду, что начальный š может принадлежать не только корню, но и префиксу; $\text{šbwrt}'$, в полном написании $\text{šbhwrt}'$, $\text{šbhwt}'$, $\text{šbhwt}'$, форма šaf'el от ВНР - "блеск", "сияние", "слава", "прославление", "возхваление" засвидетельствована в арамейских словарях. Также $\text{šqrt}'$, в полном написании $\text{šwqrt}'$, объясняется как šaf'el от YQR.

Э.Бенвенист сопоставил и.об. Hnbndk с арм. Mehrvandak , согд. Hwrbntk . Компонент НН остался необъясненным. В арамейской письменности ахеменидского времени hēt употребляли для передачи иран. x и xw ⁷. В чтении kwahh-bandaka , при kwahh род.над. x kwah - "солнце", это имя собственное предстает в значении "Раб, слуга (бога) Солнца", как иранская параллель к семитскому 'bdmš 'Abdi Šamaš .

Надпись, таким образом, означает следующее: букв. "Почитание, которое сделал Хванбандак, и возхваление", т.е. "Почтил Хванбандак, и восславил бога Гадди ради своей жизни и ради жизни своих братьев и дядьев".

Серебряная пластинка по краям имеет отверстия. Видимо, она была прикреплена к предмету, которым "прославил и возхвалил Хванбандак бога Гадди". Треугольная пластинка с отпечатком могла иметь подобное же назначение.

1) A.Cowley. *Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C.* Oxford, 1923, No. 42:9.

2) E.Gresciani e M.Kamil. *Le lettere aramaiche di Hermopolis.* Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, anno CCCLXIII - 1966, Memorie, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII, vol.XII, fasc.5, Roma, 1966, No. III:6.

3) Там же, II IV : 4.

4) E.Sachan. *Aramäische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militär-Kolonie zu Elephantine.* Leipzig, 1911, S.247.

5) Воспроизведение пластинки см.: V.Scheil. *Empreintes Achéménides.* Rev.bibl. X (1901), p.566; M.Lidszarski, op.cit.S.276.

6) A.Dupont-Sommer. *Une plaquette d'argent à inscription araméenne.* Iranica Antiqua, vol. IV, fasc.2, 1964, p.119-132.

7) М.Н.Боголюбов. Почетный титул ахеменидского военачальника в Верхнем Египте. Палестинский обзорник, вып.17 (80), 1967, стр.22.

Я.Б.Грунтфест

ОСНОВЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЯЗЫКОВЕДЕНИЯ В ЕВРОПЕ.

Периодизация истории арабского (как и вообще семитского) языковедения в Европе недостаточно разработана. В трудах по общей истории языковедения семитскому языковедению почти не уделяется внимания, немногочисленные же специальные работы носят по преимуществу библиографический характер.

Основными моментами, определяющими периодизацию истории арабского языковедения, должны служить: совершенствование методики исследования и описания языков, развитие классификационных представлений (то есть, по существу, — взглядов на общие закономерности эволюции семитской языковой ветви), основные направления исследований в данное время, расширение конкретных знаний о классическом языке и диалектах (а также и о других семитских языках).

Арабское языковедение развивалось в тесной связи с общим языковедением, и поэтому основные периоды его истории целесообразно наметить в соответствии с главными этапами развития общего и индо-европейского языковедения. Однако содержание каждого периода в арабском и общем языковедении оказывается в той или иной степени различным.

Соответственно для истории арабского языковедения различаем следующие периоды: I- 1505-1820 гг., II - 1821-1880 гг., III - 1880-1918 гг., IV - 1918-1945 гг., V - с 1945 г. по настоящее время.

I период (1505 г. - 1820 г.). Исходная хронологическая граница этого периода - 1505 г., дата появления первой в Европе работы по арабскому языку - грамматики и словаря андалузского диалекта Педро де Алькала.

Уже в начале этого периода обнаруживаются два направления в

методические разработки и описания арабской грамматики: европейская система, восходящая к эллинистической науке, и средневековая арабская грамматическая традиция. В большей части работ обе методики в какой-то степени сочетались, но первая преобладала в работах по арабским диалектам (Педро де Алькала, Эрбен), вторая же была более принята в грамматиках классического языка (Эрпенкус и др.). Дуализм этих двух систем наиболее ярко проявился в синтаксическом разделе "Грамматики" Сильвестра де Саси, который дал два параллельных изложения синтаксиса — на основе европейской и традиционной арабской систем.

В общей семитологии со времен Лудольфа (современник Лейбница) выработались достаточно ясные представления о родстве семитских языков. Были созданы сравнительные словари (Нидлер, Готтингер, Кастель) и даже появились первые опыты сравнительной грамматики (Кастель, Николай).

Таким образом, в этот период арабское языковедение в части описания языка обладало более разносторонней методикой, чем индоевропейское, а в классификационной области — лучшим пониманием принципов установления генетической близости языков.

В период (1821 г.—1880 г.). Предыдущим периодом семитское языковедение было вполне подготовлено к восприятию идей Гумбольдта-Боппа, и сам Бопп, видимо, разработал некоторые свои положения (напр., о связи глагольной флексии с местоимениями) под влиянием идей, уже давно призванных в семитологии. Однако против ожиданий расцвет компаративизма в европейском языковедении вызвал скептическое отношение со стороны ведущих семитологов (Ренау: "...сравнительную филологию ... следует скорее сдерживать, чем поощрять..."). Для теоретических работ в семитологии этого периода характерен историзм, который, однако, не будучи основан на сравнительном методе, носил абстрактный лингво-философский характер (Эвальд, *Abhandlungen*) или сосредоточивался на экстралингвистическом описании (Ренау, *Histoire générale*).

Теоретическое семитское языковедение, таким образом, существенно отстало от общего языковедения. Напротив, в части лингвистического описания были достигнуты значительные успехи: были созданы обширные грамматики (Райт и др.) и словари.

В период (1880 г. — 1918 г.). Это период младограмматизма и сравнительных грамматик. Введение в науку аккадского языка

создало необходимую историческую перспективу для сравнительных исследований. (Акиадский сыграл в сравнительном семитском языковедении ту же роль, что санскрит в индоевропейском). Вершина этого периода — Grundriss Брокельмана.

В грамматических описаниях сохраняется смешанная европейско-арабская методика. В то же время в теоретических работах под влиянием младограмматизма арабские грамматические теории получают резко отрицательную оценку (Вайль).

IX период (1918 г. — 1945 г.). Промежуток между войнами может быть охарактеризован как период "малых дел". Основное внимание уделяется разработке частных, хотя иногда и фундаментальных вопросов (Козн — видовременные отношения), большое внимание уделяется диалектам и современному литературному языку.

Животрепещущей темой становится проблема классификации. Она обостряется благодаря введению в науку иврита и арабского (древне-иудейского) и угаритского языков.

X период с 1945 г. по настоящее время.

Для послевоенного периода характерно крайнее разнообразие проблем и методов. В описании диалектов применяется новейшая методика (Гамаль эль-Дия, Ханна и др.). В изучении классического языка основные успехи достигнуты в области фонологии (Кантино). Возрождается интерес к средневековым грамматическим учениям. Значительное внимание уделяется протоарабским диалектам и среднеарабскому (Блау, Фикк). Классификационные представления в состоянии кризиса. В целом этот период может быть назван эпохой перестройки и поисков новых путей.

В.Г.Гузев, Д.М.Насимов

О НУЛЕВЫХ ФОРМАХ ТУРСКОГО ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В РАЗЛИЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЯХ

В тюркских языках имя существительное в ряде синтаксических функций выступает без морфологических показателей, например, в функции подлежащего, связуемого, прямого дополнения, обстоятельства, определения. При этом оно, выступая в различных грамматических категориях, противопоставляет разным формам имени с морфоло-

гическими показателями. Представляется важным строго различать, в какой грамматической категории выступает не оформленное морфологическим показателем имя в качестве нулевой формы, неотмеченного члена оппозиции, противостоя форме с показателем, отмеченному члену оппозиции. Невнимание к этому приводит к смешению различных грамматических категорий, ср. например, следующую формулировку: "Значение единственного числа существительного передается именительным падежом (атау)". - ("Современный казахский язык", Алма-Ата, 1962, стр.134).

Очевидно, что в оппозициях ат - атлар, с одной стороны, ат - атны, с другой, и ат - аты, с третьей, форма ат, участвуя в разных корреляциях, выступает в различных грамматических категориях имени. В таком случае можно говорить, что данное имя имеет нулевые показатели различных грамматических категорий. Поэтому всегда существует опасность видеть в неформальном имени существительном нулевую форму категории, в которой это имя в данном случае не выступает. Так, например, принято считать, что в предложении мен китоб уқийман 'я читаю книгу' слово китоб 'книга' выступает в форме единственного числа. Однако из сравнения этого примера с другими узбекскими примерами типа тош уй 'каменный дом' или у ўқитувчидир 'он учитель' следует, что в них имя, как и в первом примере, выступает в своеобразной функции, указывающей только на качественную сторону, обозначаемого именем предмета.

В тех случаях, когда имя используется так, что мы должны говорить о реализации его качественных потенций (ср. С.Н. Иванов, Родословное древо тюрков Абу-и-Гази-хана, Ташкент, 1969, стр. 182-183), противопоставление по числу исчезает, становится иррелевантным, и очевидно, что понятия множественность-единичность неприменимы к указанной функции имени - "вне противопоставления по числу резко ослабляется предметность существительного". (И.И. Резани, Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного) - "Советское славяноведение", 1969, 3, стр.76).

Релевантным противопоставление по числу оказывается только в тех случаях, когда имя выражает не качественность, а имеет значение предмета "как точки или области, имеющей определенные пространственно-временные координаты" (Резани, там же), ср. узб.

мен бир китоб ўқийман 'я читаю книгу', ст.-узб. таки атларни бир бир тамчары чыгардук 'затем мы вывели коней' — одного за другим. В первом предложении при помощи слова бир в имени актуализируется значение предметности. Реализацию этого же значения мы видим и в предложении мен китоблар ўқийман 'я читаю книги'. В этих предложениях бир китоб и китоблар противопоставлены в рамках категории числа.

При актуализации в имени качественных значений нейтрализованными оказываются не только противопоставления по числу, но и противопоставления в рамках категории определенности-неопределенности. Это видно из сравнения примеров: I мен китоб ўқийман, с одной стороны, и II мен бир китоб ўқийман, III мен китобни ўқийман, IV мен китоблар ўқийман, V мен китобларни ўқийман } 'я читаю книгу', а также } 'я читаю книги', с другой стороны.

Примеры II-III и IV-V противопоставлены по признаку определенности-неопределенности, причем основной падеж имени выступает как форма неопределенного прямого дополнения, а имя в винительном падеже как форма определенного дополнения. Отметим, что имя китоб во всех этих примерах остается в сфере выражения предметности. Указанное противопоставление падежей не может иметь какого-либо отношения к случаю I, где реализуются качественные значения имени существительного при нейтрализации противопоставлений по признаку определенности-неопределенности.

Итак, важной задачей морфологического исследования должно быть установление сфер релевантности каждой грамматической категории. При таком подходе оказывается, что имя в турецких языках в некоторых случаях функционирует вне категорий числа и определенности-неопределенности. Отсутствие показателя -лар, например, само по себе не обязательно свидетельствует о том, что данное имя выступает в форме единственного числа. Указанных противопоставлений мы не находим также в имени, являющимся компонентом т.н. сложных глаголов типа узб. умид қил- 'надеяться'.

Отметим, что проблема нейтрализации морфологических категорий, тесно связанная с теорией привативных оппозиций, еще не получила должной разработки в турецком языковедении, хотя без решения этой проблемы в некоторых случаях не могут быть достоверно интерпретированы факты языка.

РАЗГАДКА ЗАКОНА ШТЕРНА-ЕРНШТЕДА

1. Описание коптской глагольной системы основывается на законе, открытом почти 100 лет назад Л.Штерном (L.Stern, *Koptische Grammatik, Leipzig, 1880, § 339*) и воскрешенным после длительного забвения П.В.Ернштедом (P.Jernstedt, *Das koptische Praesens und die Anknüpfungsarten des näheren Objekts, Доклады Академии наук СССР, 1927, 69-74*), который его дополнил и уточнил. Суть закона состоит в том, что определенно детерминированное прямое дополнение в презенсно-имперфектной системе не может присоединяться к инфинитиву непосредственно. Однако несмотря на то, что этот основной закон коптской грамматики был давне уже четко сформулирован, до сих пор не удалось понять принцип его действия.

2. Обнаруженная закономерность казалась необъяснимой. Попытки искать разгадку в специфике презенсно-имперфектной системы спряжения остались безуспешными, поскольку были направлены на выяснение с м с л о в о г о з н а ч е н и я презенсных и имперфектных форм, в результате чего последние были выделены в особую группу как "длительные времена". Однако путь выяснения смысла этих форм не привел к разгадке.

3. Обнаружить сущность указанного явления можно лишь выяснив с т р у к т у р у презенсно-имперфектных форм. Значение подмеченной закономерности оказывается неизмеримо важнее, чем до сих пор казалось, поскольку она представляет собой проявление самых глубоких и основных законов строения египетских глагольных форм; она свидетельствует о том, что и в позднейшую, коптскую эпоху, когда, казалось бы, опираемые формы приблизились внешне к синтетическим, флективным и носители языка уже не ощущали их аналитической сущности и не отдавали себе отчета в значении их составных элементов, все же в языковом мышлении египтян эти законы сохранились и неуклонно продолжали действовать.

4. Исследование показывает, что первоосновой египетской предикации была предметная, назывная предикация, из которой впоследствии путем особого конструирования были созданы другие

типы предикации — именная и глагольная. Так называемой наречной предикации, которая устанавливается исследователями египетского языка для презенса, футурума и имперфекта, объединяемых в особую группу, входящую в тип наречных предложений, на самом деле не существовало.

5. В основе презенсной структуры лежит назывное предложение с одним главным членом, например, "человек (налице)". То, что принимается за наречное сказуемое в презенсных предложениях типа "человек на слыхании", выраженное предлогом *hr* ("на") с инфинитивом (или отглагольным наречием — качественном), является обстоятельством при главном члене, совершенно так же как выражение "в доме" в предложении "человек в доме". Входя в обстоятельственное выражение и играя наречную роль, инфинитив должен быть **не детерминированным**. Будучи детерминированным, он приобрел бы предметную сущность и воспринимался бы как имя. Если же инфинитив присоединил бы к себе прямой объект в виде **детерминированного существительного**, т.е., иными словами выступил бы в *status constructus* как *poson regens* с последующим *poson rectum* в прямом "родительном падеже", он и сам стал бы **детерминированным именем** — явления, хорошо известное в семито-хамитских языках.

6. Если строение презенса, хотя и неправильно понятое, было уже известно, этого нельзя сказать об имперфекте. Лишним препятствием к пониманию закона Штерна-Бриштеда (следствие непонимания сущности египетской предикации) было незнание происхождения имперфекта. Его возводили к форме *sdw.f* от глагола с инфинитивом (каллитативом) смыслового глагола. На деле же в основе имперфектной конструкции лежит именное предложение "wp (причастие) *rw* (указательное местоимение) "существующий этот", т.е. "этот является существующим", причем конкретное значение *wp* раскрывалось в предложении *iw.f hr sdw* "причем он (или "который") на слыхании" — в предложении назывном. А в назывном предложении, как уже указывалось, инфинитив выступал в наречной роли и не мог определяться детерминированным именем, иными словами, и в имперфекте он также не терпел при себе беспредложного прямого детерминированного объекта.

**СВЯЗЬ МЕЖДУ ОФОРМЛЕННОСТЬЮ ГЛАГОЛА И ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ
ДОПОЛНЕНИЯ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Материалом для работы послужила книга Гао Ди-бао (Гао Ди-бао. Гао Ди-бао. Пекин, 1955) и рассказ Маи Чэна (Маи Чэи. Цвай ваньваньди нэнь хайман. Хэньминь вэньво, 1964, № 2). Из рассказа Маи Чэна, а также из главы 5 книги Гао Ди-бао выписаны все примеры глаголов с дополнениями. Для уточнения отдельных вопросов произведена выборочная выписка из глав 6, 12 и 13 книги Гао Ди-бао. Работа выполнена под руководством доцента С.Е.Яхонтова на кафедре китайской филологии Востфака ЛГУ.

При классификации примеров учитывались три фактора:

1) видо-временное оформление глагола (простого или результативного); 2) наличие или отсутствие перед дополнением счетного комплекса, а также определения-актуализатора; 3) место дополнения (дополнение, стоящее после глагола, и дополнение, вынесенное при помощи служебного слова *бэ*).

Рассмотренный материал позволил сделать некоторые наблюдения.

1. Неоформленный простой глагол, после которого стоит дополнение без счетного комплекса, может иметь любое из видо-временных значений, которые вообще возможны у неоформленного глагола. Но если существительное-дополнение после простого неоформленного глагола имеет при себе счетный комплекс, то глагол может иметь только два значения:

а) значение повторяющегося, обычного действия: Тянцзянь хуньсань фань йэ дайдэди (Гао Ди-бао, стр.170). Каждый день они по очереди ставили караульщика;

б) побудительно-уведомительное или повелительное значение: Цэбэнь ё пай гэ дуну цэбу (Гао Ди-бао, стр.47). Давайте мы тоже пойдем строим.

2. Если простой глагол оформлен суффиксом -ла, а существительное-дополнение, стоящее после глагола, не имеет определений, то этот глагол почти всегда является неглавным сказуемым; он связан с главным сказуемым условными или временными отношениями: Вэ ниньла му, цэянлай вэ дан нэммо на? (Гао Ди-бао, стр.56). Как я буду, когда вмучусь?

После простого глагола с суффиксом -ла чаще всего стоит дополнение-существительное со счетным комплексом. В этом случае глагол обычно находится в ряду других глаголов, обозначающих последовательные действия, реже является конечным сказуемым.

Наконец, при наличии определения-актуализатора перед дополнением или при наличии обстоятельства времени, указывающего на длительность, простой глагол с -ла, как правило, является самостоятельным сказуемым: Ынцзянь цэд шуфан, Ыцзянь сяобан цэдла Чжубусяньванди вэфан (Гао Юй-бао, стр.57). В двух комнатах устроили классы, в маленькой комнате устроили спальню учителя Чжоу.

3. После глаголов с суффиксом -чэа редко встречается существительное-дополнение со счетным комплексом. После глаголов с суффиксом -го дополнение со счетным комплексом не встретилось.

4. При неоформленных результативных глаголах в качестве дополнения одинаково часто употребляется существительное-дополнение с любыми определениями. Глагол чаще всего стоит в ряду других глаголов, обозначающих последовательные действия.

После результативных глаголов, оформленных суффиксом -ла, очень редко стоит существительное-дополнение со счетным комплексом. Существительное-дополнение, не имеющее счетного комплекса, встречается только при глаголах определенных семантических групп, в частности, - при глаголах мысли, чувства, речи или при глаголах движения.

5. Существительное-дополнение со счетным комплексом очень редко выносится в положение перед глаголом со служебным словом бэй. При этом счетный комплекс обычно содержит числительное и (букв. "один"), которое приобретает какое-либо дополнительное значение - "один из нескольких" или "весь", "целый".

6. Конструкция с бэй относительно редко встречается при простых глаголах (оформленных и неоформленных) и при результативных глаголах, оформленных суффиксом -ла. Чаще всего конструкция с бэй употребляется при неоформленных результативных глаголах.

ним термином עָשָׂה פָּעוּל . Причастие действительного залога именуется עָשִׂי - 'делающий', ж.р. - $\text{עָשִׂיָּה$ 'делающая', мн.ч. - עָשִׂיִּים , עָשִׂוֹת . Причастие страдательного залога - $\text{עָשׂוּ$ 'сделанный', ж.р. - עָשׂוּת 'сделанная', мн.ч. עָשׂוּתִים , עָשׂוּתֹת . Все названия этих грамматических понятий переведены с соответствующих арабских терминов и "прозрачны", т.е. мотивированы с точки зрения древнееврейского языка. Перечисленные глагольные термины не имеют дублетов, хотя имеют варианты, например, עָשָׂה עָשָׂה עָשָׂה и т.п. Единственный термин, имеющий второе название, это עָשָׂה עָשָׂה - 'имя действия', который один раз встречается в арабском названии עָשָׂה (مصدر). С точки зрения древнееврейского языка этот термин, разумеется, немотивированный. Уже в конце XI в. все эти термины в грамматической литературе больше не появляются. Категории времени обозначены терминами, которые применялись в масоретской литературе задолго до X в. и сохранились до наших дней, а именно: עָשָׂה для *perf.* и עָשָׂה для *imperf.*. Но для обозначения *praesens* имеется термин עָשָׂה (араб. فعل), бытовавший наряду с термином עָשָׂה в IX и в X в. и замененный впоследствии (в XII в.) термином עָשָׂה . Для выражения понятия "коренная буква" использован термин עָשָׂה (мн.ч. עָשָׂה , עָשָׂה), который также был распространен в начале X в. наряду с дублетом עָשָׂה . Но в грамматической литературе XII в. и позже утвердился термин עָשָׂה , а не עָשָׂה . В тексте "Мё'ор 'айин" только дважды встречается термин עָשָׂה и дважды форма עָשָׂה ; но здесь как и в других сочинениях начала X в. они имеют значение "образец", а не "порода".

Столь же архаичны и термины по разделу "имя", именуемому עָשָׂה . Определенное имя именуется עָשָׂה , араб. معرفة ; неопределенное עָשָׂה , араб. مفکر . Эти два термина и их варианты встречаются в караимском списке терминов (VIII-IX вв.). *Status constructus* и *status absolutus* именуются в "Мё'ор 'айин", как и в сочинении 'Ахарōна бен Мōше бен 'Амера "Dikduqē haṭṭe'anim" (начало X в.): עָשָׂה и עָשָׂה . Как и в других сочинениях IX-X вв. термин עָשָׂה обозначает здесь также и паузальную форму. Здесь так же как и в упомянутом сочинении 'Ахарōна бен Мōше бен 'Амера, множественное число обозначается двумя терминами: עָשָׂה и עָשָׂה , но от термина עָשָׂה многократно образованы и глагольные формы: *perf.* עָשָׂה , עָשָׂה ; *imperf.* עָשָׂה

§12P'; imperativ §12P ל. Аналогично арабской грамматике в "Ме'ор айна" встречается термин "ломаного множественного": §12P 712P, араб. قسمة في противовес термину 25P §12P. Личное местоимение в данном сочинении именуется לוינו כחך שך לוינו לוינו, לוינו לוינו или לוינו לוינו. Местоименные суффиксы, присоединяемые к глаголам, именуется: שך לוינו לוינו לוינו לוינו или לוינו לוינו שך שך לוינו. Эти местоименные термины не встречаются в литературе XI в. и последующих веков.

Третья основная грамматическая категория, наряду с глаголом и именем, именуется לוינו - 'служебные', это является переводом арабского слова 25P, которое в X веке использовалось караимскими авторами в качестве грамматического термина.

Как уже указывалось в предшествующих сообщениях, основой для автора "Ме'ор айна" служит понятие об одно-, двух- и трехсогласных корнях древнееврейского глагола. Этому раннему уровню истории древнееврейской грамматики соответствуют и термины в области морфологии, особенно в области морфологии глагола.

И.Т.Зотграф

ОТРИЦАНИЯ В ЯЗЫКЕ ДАНЬСКИХ ПЬЕС

В период эпох Сун, Дань и начала Мин в китайской литературе на байхуа выделяются две группы памятников - северная и южная, отличающиеся системой грамматических признаков. Северная группа памятников и южная группа памятников отражают два диалекта, развивавшиеся параллельно¹.

В настоящей статье будет рассмотрена система отрицаний в северных памятниках. Основным источником служат пьесы периода Дань, в качестве дополнительного источника использован памятник Дань-чао би-ши².

Отрицания в даньских пьесах, как и в южных памятниках³, представлены в большом многообразии. Большинство из них не сохранилось в современном языке и было характерно лишь для памятников средневековой китайской литературы.

Отрицания 不 бу и 未 вэй употребляются так же, как в книжных памятниках.

В запретительном предложении (в повелительном предложении, содержащем отрицание) чаще всего употребляется отрицание 休 оу, встречаются также 不要 буяо, 莫 мо, 不必 буби, 勿 у. Как и в книжных памятниках, отрицание 别 бе, обычное в запретительном предложении в современном языке, здесь не представлено.

В ваньских пьесах, как и в книжных памятниках, употребляется отрицательный глагол 無 у /"не иметь", "отсутствовать"/ и отрицательная связка 非 фэй /"не есть"/. Глагол у обычно выступает в функции сказуемого и принимает дополнение; он может быть и обычным отрицанием перед другим глаголом.

Современное отрицание 沒 мэй в ваньских пьесах, как и в книжных памятниках, является отрицательным глаголом /"не иметь", "отсутствовать"/ и наблюдается главным образом перед существительным /как современное 沒有 мэй ю/; перед глаголом используется сравнительно редко; редко встречается в ваньских пьесах мэй и при глаголе 有 ю "иметь"; в имеющихся примерах мэй ю стоит обычно перед существительным. Как любой другой глагол, мэй может оформиться суффиксом 子 ляо и показателем результативного вида 得 де /который в пьесах изображается и как 的 ди /.

Из двух отрицаний 不 бу и 未 вэй, характерных для средневекового китайского языка, в ваньских пьесах, как и в книжных памятниках, обычно употребляется бу и вэй наблюдается крайне редко. /Отрицание бу будет подробно рассмотрено ниже/.

В общем вопросе, выраженном повтором глагола - положительной и отрицательной форм /вместо второй части повтора может употребляться одно отрицание/, в ваньских пьесах встретились отрицания 不 бу, 不 бу бу бу, 無 у, 未 вэй вэй вэй, 否 фэй. Приведем примеры на отрицания бу и бу бу: 唔去不去? /0, 342/⁴ Цзань цэй бу цэй? Мы поедем, или нет? 你招也不招? /0, 24/¹ 你吃飯不? /С, 176/³ 你吃飯不? Тебя покормили, или нет?

Отрицание бу. В памятниках средневековой китайской литературы /в частности в сунских хуабэнях и дуньхуанских бянь-вэнях/, отрицание бу использовалось главным образом либо для

отрицания действия в прошлом вообще, подобно современному 沒... 還 嘛... 咯 /"никогда не"/, либо для отрицания общности действия. Подобные примеры отмечены и в ваньских пьесах: 担担往常不常如此無情無緒 /С, 50/ Цзеце ванчан буцэн хуш у цин у сий. Ты, сестрица, никогда раньше не бывала в таком настроении. 我李春和遠幾日不常回家 /D, 476/ Во ли янь хэ чэ цэи жи буцэн хуй цзя. Я, Ли Янь-хэ, эти несколько дней не возвращался домой.

В ваньских пьесах отрицание буцэн однако чаще употребляется для отрицания конкретного действия в прошлом /соответствует современному 沒 嘛/. Примеры: 還不常去哩 /D, 61/ 這 буцэн ций ли. /Он/ еще не ушел. 我不常領你酒錢來? /D, 151/ Во буцэн вй ни цэу цань лам? Разве я не уплатил тебе за вино? 因伯父下世, 不常成此親事 /D, 357/ 這 буфу он жи, буцэн чэн цин циньши. Так как [мой будущий] тесть покинул этот мир, заму свадьбу не сыграли. 我不常吃飯哩 /D, 323/ Во буцэн чифань ли. Я еще не ел. 我不常領父親母親商量 /D, 315/ Во буцэн вй буцинь муцинь шанляя. Я не посоветовался с отцом и матерью.

В таких случаях, когда отрицается единичное действие, глагол, перед которым стоит отрицание буцэн, может быть оформлен показателем результативного вида: 不常掣的來 /D, 192/ Буцэн нада лам. /Я/ не взял [его] с собой.

В Вань-чао би-ши, как и в ваньских пьесах, отрицание буцэн используется и для отрицания действия в прошлом вообще и для отрицания какого-либо конкретного действия. Примеры: 不常有莫實望咱的言語 /Ши, 8, 23/ Буцэн в чжэньши хай цэа-ды яньбий. /Он/ никогда не говорил ничего такого, что могло бы действительно навредить мне. 我的丈夫頭髮不常被風吹, 肚腹不常忍餓 /Ши, 1, 38/ Воду чжанфу тоуфа буцэн бай фэн чуй, дуфу буцэн жэнь э. Ветер не развеивал волос на голове моего мужа, желудок его не терпел голода. 俺白說的言語不常依 /Ши, 4, 21/ Ань цэи шо-ды яньбий буцэн и. Мы не сдержали своих слов. 教我做右手, 我不常肯從 /Ши, 7, 17/ Цзяо во цэо в шоу, во буцэн каньцунь./Он/ предложил мне быть его правой рукой, но я не согласился. 道那言語我不常听得, 也不常回他話 /Ши, 3, 32/ Дао на яньбий во буцэн синда, е буцэн хуй та хуа. Я не понял, что значат его слова, и не ответил ему.

1) См. Ли Шу-сян, Сборник статей по грамматике китайского языка, стр.148 /吕叔湘, 汉语语法论文集, 科学出版社, 北京, 1955/; см. также И.Т.Зюграф, О локальных различиях в языке памятников средневековой китайской литературы /Тезисы докладов IV годичной научной сессии ЛО ИНА, май 1968/.

2) Характеристику памятника Дань-чао би-ши 元朝秘史 см. "Дань-чао би-ши /Секретная история монголов/. 15 цзюаней. Том I. Текст. Издание текста и предисловие Б.И.Панкратова. М, 1962". Существует двойная разбивка текста Дань-чао би-ши на цзюани /12 и 15/; в данной статье ссылки даются по изданию, имеющему 12 цзюаней.

3) Об отрицаниях в книжных памятниках см. И.Т.Зюграф, Очерки грамматики среднекитайского языка, ИВЛ, М, 1962, стр.67-74.

4) Сборник ваньских пьес, Пекин, 1959 (元人雜劇選, 人民文学出版社, 北京, 1959), сокращенно: Ю.

5) Ван Ши-фу, Западный флигель, Шанхай, 1954 /王实甫, 西厢记, 新文艺出版社, 上海, 1954/, сокращенно: С.

6) Дань-чао би-ши (Секретная история монголов) 元朝秘史, 商务印书馆, 1936, сокращенно: Ши.

К.Б.Копинг

ТАНГУТСКИЕ ПОСЛЕЛОГИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

I. К послелогам в тангутском языке мы относим такие слова, которые выражают синтаксическую функцию знаменательного слова, после которого они стоят. Обычно функцией слова, стоящего перед послелогом, является дополнение, однако некоторые послелоги могут оформлять и определение (например, 併 in^1) или обстоятельство (например, 非 vja^1).

По указанному признаку в группу послелогов можно включить следующие слова: 交 ndo^2 "и", "в", 茲 vje^2 "вместе с", "с", 同 su^1 "по сравнению с", 非 vja^1 "на расстоянии", 併 in^1 (показатель определения или объекта), 在 a^2 "на", "у", "в", "с", 在 ngu^2 (показатель орудия), 在 ka^1 "в", "внутри", 在 nju^1 "из-за", 在 mbu^1 "исходя из", "по", 在 $sjei^1$ "по", "по поверхности" (или показатель объекта). Кроме того,

с некоторой натяжкой в группу послелогов можно включить слово タ ta^1 (показатель темы), хотя ta^1 не указывает на синтаксическую функцию стоящего перед ним знаменательного слова. Слово, которое стоит перед ta^1 , может быть подлежащим или дополнением, одновременно являясь темой в данном предложении (ор.японский суффикс ト "ва").

Все послелогии являются не суффиксами, а отдельными словами, так как между послелогом и предшествующим словом может быть вставлено прилагательное или неопределенный член ナ na^2 . Послелогии являются служебными словами, потому что отдельно, без предшествующего знаменательного слова не употребляются.

II. Одни послелогии встретились нам только после имени, а другие - не только после имени, но и после глагола (причем глагол, после которого стоит послелог, может иметь перед собой относящиеся к нему слова, например, дополнение, определение, а иногда и подлежащее). По этому признаку все послелогии могут быть разделены на две группы: I) послелогии, которые могут стоять только после имени - ナド ndo^2 "к", "в", ナド rie^2 "вместе с", "с", ナド su^1 "по сравнению с", ナド ria^1 "на расстоянии", ナド zn^1 (показатель определения или объекта); 2) послелогии, которые могут стоять либо после имени, либо после глагола с относящимися к нему словами - ナ a^2 "на", "у", "в", "с", ナ ngu^2 (показатель орудия), ナ ka^1 "в", "внутри", ナ $njuo^1$ "из-за", ナ mbu^1 "исходя из", "по", ナ sie^1 "по", "по поверхности" (или показатель объекта), タ ta^1 (показатель темы).

III. С послелогии первой группы все ясно, к ним мы больше возвращаться не будем. Послелогии второй группы, как уже говорилось выше, могут стоять как после имени, так и после глагола с относящимися к нему словами, иначе говоря, они могут оформлять не только отдельное имя, но и целое придаточное предложение. Когда послелогии второй группы стоят в конце придаточного предложения, перевод их на русский язык отличается от перевода этих же послелогов, стоящих после отдельного имени. Приводим таблицу, в которой указаны оба перевода:

Послелог	После имени	после предложения
ナ a^2	на, у, в, с	после того, как
ナ ka^1	в, внутри	когда
ナ $njuo^1$	из-за	так как, потому что

頭 $m\beta u^1$
又 ta^1

исходя из, по так как
что касается то, что; тот, кто

В таблице не указаны два послелога второй группы - 於 ngu^2 (показатель орудия) и 於 $\dot{s}iei^1$ "по", "по поверхности" (или показатель объекта). Сочетание глагола с послелогом ngu^2 переводится на русский язык деепричастным оборотом, например, 引 $viei^2$ 引 $\dot{s}iei^1$ 送 $s\acute{o}^4$ 引 ngu^2 引 $\dot{s}iei^2$ 引 $n\dot{s}in^4$ 引 $nd\dot{s}je^1$ "ведя врага, заставляя его переправляться через реку". Действие, выраженное глаголом с ngu^2 , обычно является средством осуществления действия, выраженного глаголом, стоящим после ngu^2 . Что же касается послелога $\dot{s}iei^1$, то мы располагаем только двумя примерами с этим послелогом, стоящим после глагола.

IV. Кроме того, функцию послелогов в тангутском языке могут выполнять также и слова с пространственным значением: 內 u^2 "внутри", 外 $nd\dot{s}a^1$ "снаружи", 上 $t\dot{s}hio^4$ "наверху", 下 $khju^4$ "внизу", 中 ngu^2 "посередине", 前 $w\acute{o}^2$ 前 $\dot{r}ie^2$ "впереди", 後 $n\dot{s}iuo^1$ "сзади". В отличие от настоящих послелогов это знаменательные слова, которые в предложении могут быть также определением, например, 內 u^2 內 $\dot{s}je^4$ "внутренний шпион", или обстоятельством, например, 內 u^2 內 $nd\dot{s}ie^1$ "находиться внутри". Все слова с пространственным значением могут быть поставлены после имени, т.е. могут употребляться аналогично послелогам первой группы. После глагола с относящимися к нему словами могут быть поставлены только два слова с пространственным значением 前 $w\acute{o}^2$ 前 $\dot{r}ie^2$ "впереди" и 後 $n\dot{s}iuo^1$ "сзади".

Х.Г. Нигматов

О ПОНУДИТЕЛЬНОМ И СТРАДАТЕЛЬНОМ ЗАЛОГАХ (По материалам Словаря Махмуда Камгарского).

I. Понудительный залог. Продуктивными аффиксами этого залога в "Диване" являются - (=)т- и -т(=)р-/-д(=)р-. Они образуют от переходных глаголов каузативно-понудительные, т.е. глаголы с двумя действующими лицами, где S_2 - побуждающий, S_1 - побуждаемый. Интенция такого Γ_2 отличается от интенции Γ_1 тем, что Γ_2 имеет, кроме дополнений Γ_1 , еще одно дополнение в форме датель-

ного падежа, через которое выражается C_1 . В каузативно-понудительных глаголах наблюдается единство словообразовательного (наименования в интенции глагола) и словоизменительного (характеристика C_1) значений. C_2 может иметь значения от активного принуждающего до пассивного позволяющего (А.Н. Кононов): ол аңар ми қыдурди - "он заставил его работать" (том II, стр. 223 по переводу С.М. Муталлибова), ол аңар бал йалгатти - "он дал ему лизать меду" (II, 409).

В "Диване" O_2 каузативно-понудительного глагола в предложении часто опускается, но всегда подразумевается: ол ани богтурди - "он (при посредстве кого-то) задумал его".

От непереходных глаголов аффиксом понудительности образуют переходно-понудительные глаголы. Интенция такого Γ_2 отличается от интенции Γ_1 тем, что Γ_2 управляет прямым дополнением, которым выражается C_1 : ол мәнни аьгә бартурди - "он заставил меня отправиться домой" (II, 196). Связь переходно-понудительного глагола со своим O_2 очень устойчивая - в "Диване" нет ни одного случая опущения O_2 в предложении. Устойчивость связи переходно-понудительного глагола с O_2 определяет характер и место этих глаголов среди залоговых форм. В переходно-понудительных глаголах имеется единство двух противоречивых значений: а) возможность управления прямым дополнением; б) выражение C_1 через прямое дополнение. Это обусловлено внутрикатегориальными и межкатегориальными отношениями грамматической формы (С.Н. Иванов). В ряду соотношения залоговых форм и значений переходно-понудительные глаголы могут управлять дополнением, которым становится C_1 : ол ытны кәритти - "он заставил свою собаку лаять" (II, 352). Внутри класса глаголов они противопоставлены непереходным глаголам как управляющие винительным (основным) падежом дополнения, независимо от его значения. Переходно-понудительный глагол, управляющий прямым дополнением, которое не выражает C_1 , выпадает из ряда залоговых форм. Такой глагол и его исходная основа соотносены и противопоставлены друг другу не как две формы одного глагола, а как два глагола - переходный и непереходный имеющие общий корень: йәм кәлдүр - "принеси пшеницу" (III, 158). Поэтому переходно-понудительные глаголы часто лексикализируются.

2. Страдательный залог образуется с помощью аффикса - (=) л/н. Он выражает неопределенность C_1 , а O_1 становится C_2 .

Поскольку грамматическое значение страдательного залога направлено не на объект, а на субъект, он может быть образован как от переходных, так и от непереходных глаголов.: *är урулды* - "мужчина побит" (I, 160), *ол йарга барыды* - "ходили туда" (II, 160), C_I в предложении является всегда имплицитным.

От переходных глаголов, которые выражают действия, вызывающие изменения в форме, виде, свойстве или состоянии прямого дополнения, афф.-(-)л/н образует глаголы с неопределенно-личным (страдательным) и с медиальным значениями: *топуз йувудды* - "мяч катился (кем-то)", "мяч катился (сам по себе)" (III, 123). Различие между страдательным и медиальным значением заключается в том, является ли C_I имплицитным или отсутствующим, т.е. неподразумеваемым. Раздельное выражение в страдательном обороте O_I и C_I вытекает из природы соотношения и противопоставления тюркских залогов, что нашло свое яркое выражение в древнейших страдательных оборотах.

В "Диване" встречаются, хотя и нечасто, случаи, когда вместо ожидаемых по нормам современных языков страдательных форм употребляются глаголы в основном залоге: "туғум тикиб урулды - "воадригнув мое знамя, ударили в барабаны" (I, 203); *ан татырмы туз йоррми йанас* - "пища вкусна с солью, но ее (соль) чавами не едят" (II, 38). Это обстоятельство позволяет полагать, что неопределенно-личное значение в страдательном залоге является сравнительно новым. Поэтому природу древнейших страдательных оборотов следует искать в другом, видимо, в конструкциях типа *är йагыра илниди* - "мужчина захвачен врагом" (I, 813); *ол бакка кёрүнди* - "он показался беку", "бек видел его" (II, 183). Здесь, как и в понудительных оборотах, C_I выражается через O_2 . Малоизвестный афф.-сың- сохранил способность образовывать такие обороты: *är йагыра уруқты* - "мужчина побит врагом" (II, 264); *кни йагыра бассықты* - "человек подавлен врагом" (II, 130). В этих страдательных оборотах C_I и O_I выражены раздельно. Следы таких оборотов можно находить в современных тюркских языках. Ориентацией на древнейшие страдательные обороты, где C_I и O_I выражались раздельно, достигается разграничение страдательного (с имплицитным C_I и медиального (без C_I) значений в медиально-страдательных глаголах в "Диване".

В медиально-страдательных глаголах налицо два противоречивых значения и отношения. В ряду залоговых отношений они соотносимы с другими залоговыми формами исходной основы, а также связаны с имплицитным C_1 . Поэтому в качестве C_2 могут иметь только O_1 (бутиқ Ҳариди - "ветка сломана (бук.расколота)" (II, 86). Внутри класса глаголов они противопоставлены переходным глаголам как управляющие прямым дополнением. Поэтому они могут сочетаться с каждым C_2 , который может быть носителем признака или состояния, выраженного медиально-страдательным глаголом: қап Ҳариди - мешок лопнул (II, 86); чўчак Ҳариди - "цветок раскрылся" (I, 141). Медиально-страдательные глаголы, C_2 которых не выражают O_1 , выпадают из сферы залоговых форм.

3. Подобно тому, как выход интенции переходно-побудительного глагола за рамки объектов, восходящих к C_1 , означает их лексикализацию, так и освобождение C_2 страдательно-медиальных глаголов от ограничения рамками O_1 является признаком лексикализации этих глаголов. Побудительный и страдательные залоги, как раздельно выражающие O_1 и C_1 , противопоставлены взаимному и возвратному залогам, которые выражают O_1 и C_1 слитно (C_2 этих залоговых форм является производителем действия и одновременно прямым или косвенным объектом).

Раздельность O_1 и C_1 в страдательных оборотах была той важной основой, на базе которой развились в староузбекском конструкции типа могол кыхатинди вайран қылыыбтур - "разрушены монголами" (Бабур), широко распространенные в современных тюркских языках.

Условные обозначения: Γ_1 - исходный глагол и выражаемое им действие; Γ_2 - производный от Γ_1 глагол и выражаемое им действие; C_1 - реальный исполнитель Γ_1 ; C_2 - подлежащее Γ_2 ; O_1 - объект (дополнение) Γ_1 ; O_2 - объект (дополнение) Γ_2 .

Л и т е р а т у р а:

С.Н.Иванов, Родословное древо тюрков Абу-л-Гази-Хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории), Ташкент, 1969.

А.Н.Кононов, Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.

Э.В.Севортян, Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Москва, 1962.

Махмуд Ковгарий, Девону дуготит турк. Тархимои ва наирга тайёрловчи С.М.Муталлибов. т. I-II, Ташкент, 1960-1963.

И.М.Оранский

INDO-IRANICA I

I. Тадж. kat

Во многих районах Таджикистана и Узбекистана (возможно также в других районах Средней Азии и сопредельных стран) под этим словом понимается широкий деревянный помост на четырех ножках, обнесенный с трех сторон деревянными же перильцами (нередко резными). Стоит он обычно в саду, во дворе или на улице перед домом, покрывается паласом или ковром; на таком помосте отдыхают, едят, пьют чай, беседуют, в теплое время года - также спят. Помещается на нем - в зависимости от величины - 5-10 человек. Средневековые персидские фарханги и вслед за ними известный словарь Вуллера (I. A. Vullera) приводят под вокабулой kat (کت) обычно три значения: 1) 'трон'; 2) 'бревно, палка, доска'; 3) 'ров, яма, канава'. Засвидетельствовано это слово и в турецких языках Средней Азии: чаг. كت 1) 'трон, скамья, скамья вообще'; 2) 'носилки для мертвеца' (во 2-ом значении у Бабуря) (В.В.Радлов, Л.З.Будагов), узб. обл. kat 'широкая деревянная кровать'. В современном персидском это слово, по-видимому, неупотребительно или малоупотребительно¹, и некоторые авторы (Х.Лавар) не без оснований склонны рассматривать, например, наличие слова kat 'кровать' в иудейско-персидских текстах из Бухары как черту специфически таджикскую. Впрочем, некоторые современные персидские словари регистрируют слово kat (کت), приводя его обычно в двух значениях: 1) '(подземный) канал, кариз'; 2) 'трон' (во втором значении засвидетельствовано уже у автора X в. Абулнукура Балхи). Как представляется, с точки зрения исторической здесь перед нами два различных по происхождению слова: первое из них ('канал') продолжает (с сохранением -t-) др.-перс. ka(n)ta-'внемка', 'котлован', 'ров'(?), засвидетельствованное надписью Дария I о строительстве дворца в

Сузах (DSf, 25) и восходящее к др.-ир. *kan-* 'копать'; второе ('трон') вместе с тадж. *kat* 'помост', 'кровать' предотвращается на первый взгляд возможным связать с др.-ир. (ав) *kata-* 'камера', 'кладовая', 'погреб' (Aiwb., 432), откуда могли развиться значения 'помещение' → 'место для жилья' → 'место для сна, отдыха' и т.п. Однако, если др.-ир. *kata-* действительно восходит к др.-ир. *kan-* 'копать' (В.И.Абаев) и обозначало первоначально нечто окопанное, огороженное, обнесенное рвом, валом или стеной (откуда развились впоследствии значения 'дом', 'жилище', 'квартал', 'деревня', 'укрепленное поселение', 'город' и т.п.), то сближение тадж. *kat* в интересующем нас значении с этой основой представляется с семантической точки зрения не вполне удовлетворительным.

С другой стороны, от тадж. *kat* неотделимо, по-видимому, каб. *šarakat* 'койка', *niškat* 'откидное кресло', пар. *kaṭ* 'кровать', афг. (панто) *kaṭ* 'койка, кровать' с производными *kaṭkaī*, *kaṭgaī* 'табуретка', 'небольшая кровать', *šarakat* 'кровать, койка', *kaṭōtkai* 'колыбель, люлька', *kaṭola* 'паланкин невесты', *kaṭrāgaī* 'веревка, которой скрепляют койку', *kaṭbun* 'растительное волокно, идущее на плетение коек', *kaṭbān* 'мастер, плетущий веревочные сетки для кроватей'; ср. еще *taṭya katkaī* 'кресло из резного дерева с плетеным сиденьем' (в Свате), инк. *kaṭ* 'люлька, привязанная между двумя деревьями' (с производным глаголом *kat-*: *kaṭā-* 'качать, укачивать ребенка в колыбели'), тадж. обл. (бад.) *katak/katāk* 'веревочная люлька' (сообщено А.С.Розенфельд)². Все эту группу слов следует, по-видимому, связывать с соответствующим словом в новых индоарийских языках: хинд. *khāt* 1) 'кровать'; 2) 'похоронные носилки', гудж., мар., неп., кум., бенг. *khāt*, пандж., ла. *khatt*, пан. *kaṭ*, *kāṭ*, *xōṭ* и т.д. (к др.-инд. *khātva-* 'кровать', ср. др.-инд. *khāṭa-* 'похоронные носилки'). Соблазнительно было бы связать эту группу слов с др.-инд. *kāṭa-* 'плетенка', 'цыновка', 'мат', тем более, что основную часть *kat*'а составляла первоначально, по-видимому, плетенная сетка. Небезынтересно привести в этой связи толкование, содержащееся в известном толковом словаре *Burhān-i Qāṭi* (XVII в.): *kat - ba fath-i avval va sukūn-i s̄nī taxt-i pādšāhān-rā ḡbyand 'umūman va taxt-i pādšāhān-i hindūstān-rā xuzūsan ki miyān-i ān-rā bāfta bāšand...* "kat - с огласовкой

первого знака *џатха* и второго - *сукуи* - так называют трон падишахов вообще и трон падишахов Индии в особенности, середине которого плетут". Г.Моргенштерне связал пар. *kat* кровать с соответствующим словом в пашаи и лахнда. В настоящей заметке сделана попытка проследить распространение индоарийского по происхождению слова *kat/kat* (с производными) в иранских языках среднеазиатско-афганского ареала, откуда оно могло распространиться и далее на запад.

2. Тадж. обл. *мапџа*.

В таджикских и таджикско-персидских говорах Южного Таджикистана и Афганистана, в афганском и памирских языках широко распространено - с незначительными фонетическими вариациями - слово *мапџа*, соответствующее по значению тадж. *kat* (см. выше): вандж. *мапџа*, бад., мад. *мапџа*, инк. *мапџа*, санги. *мапџе*, вах. *мапџа*, мундж. *мапџо*, афг. *мапџ*. В персидском это слово, как кажется, не засвидетельствовано³, что наводит на мысль о возможных его ареальных связях с соответствующим словом в новых индоарийских языках: хинд. *маџа*, пандж., ла. *мапџа*, синд. *мапџо*, паш. *мапџа*, парья *мапџи* и т.д. (к др.-инд. *маџса* - 'платформа'). Ср. еще *мап* (из *мапс или *мапс) 'земляная платформа' в буруваски (М.Майрхофер). На раннем этапе истории индоарийских языков эта же основа (санскр. *мапсакам* I. 'ложе, сиденье, место'; 2. 'место, подставка для огня', пали *мапса-*, *мапсака* - 'кровать') была заимствована в один из древнеиранских языков - именно в сакско-хотанский, где она засвидетельствована в специализированном значении 'сооружение, подставка для огня' (*мапсуо*, *мапсо*) (Н.В.Баiley). На индийское происхождение этого слова в мунджанском, сангличском и ваханском указал в свое время Г.Моргенштерне; вандж. *мапџа* сопоставлялось с соответствующим словом в пашто и в хинди (А.З.Розенфельд). Расширение материала позволяет теперь раздвинуть рамки этих сопоставлений в пространстве и во времени.

Таким образом, можно считать, что оба рассмотренные здесь слова, обозначающие в таджикском, афганском, мунджанском и памирских языках, отчасти также в тюркских языках Средней Азии, предметы материальной культуры, предназначенные для сидения или лежания, ведут свое происхождение от языков индоарийского ареала. Широкое распространение этих слов в языках

среднеазматско-афганского ареала, с одной стороны, и то обстоятельство, что на территории Ирана эти слова неупотребительны (или почти неупотребительны), с другой, может служить еще одним примером ареальных культурных и языковых связей между Индией, Афганистаном и Средней Азией.

1) Ср., впрочем, совр. перс. *nikākt* 'скамья'; ср. также *kātkāb-e vāgāb* 'кровать с мельхиоровыми ножками' в записях иразских свадебных песен (А.М.Шойтов).

2) К соотношению *t* - *t* ср. афг. *katá*, хав. *katá* 'большой, огромный, важный, старший' - куги.-барт.-рун. *katanák*, тадж. обл. (дарв.) *kataná*, инк. *katá* с тем же значением.

3) Приведенное в словаре Джонсона (F. Johnson) *manjá* 'любое возвышенное место, где можно спастись от наводнения' восходит к араб. *nǰ'* и вряд ли имеет отношение к рассматриваемому слову.

Е.Г.Павлова

СПИСОК ТЕРМИНОВ КОВРОТКАЧЕСТВА

В 1966 г. в Иране в серии "Книга для вночества" вышла работа М.А.Бехазина "Иранские ковры".

Автор, известный иранский литератор, в интересной манере рассказывает в ней о древнем иранском искусстве ковроткачества. Он популярно пересказывает содержание двух работ по ковровому делу на английском языке, на которые и указывает в предисловии как на главные источники, использованные при написании книги (A.U.Pope, A Survey of Persian Art, v.VI, London - New York, 1939; A.C.Edwards, The Persian Carpet, a survey of the carpet-weaving industry in Persia, London, 1953). Есть в книге "Иранские ковры" и кое-что новое по сравнению с вышеупомянутыми работами. Так, например, автор более подробно рассказывает об иранских способах крашения шерсти (как древних, так и современных).

Но для нас особая ценность этой книги заключается в том, что мы впервые смогли ознакомиться с персидской терминологией коврового ремесла. До сих пор издавалось значительное количе-

ство статей и больших трудов по этой теме, но на европейских языках. На персидском такая книга вышла впервые. Ниже приводится небольшой словарь наиболее любопытных терминов ковроткачества, составленный по книге Бехазина; в него вошли термины, не приведенные в персидско-русских словарях, или термины, имеющие значение, отличное от указанного в наших словарях. Знаком * отмечены слова, найденные в соответствующем значении в персидско-персидских толковых словарях.

پامو - или
برگ مرو - виноградные листья - краситель темно-желтого цвета

بيکرومات - бихромит - в-во, применяемое европейскими красильщиками вместо купороса, используемого в Иране при обработке шерсти перед крашением.

پاره آهن - уплотнитель в виде широкой и длинной железной пластины.

بوست انار - кора граната - краситель темно-желтого цвета

بوست بلوط لرستان - кора дуристанского дуба - краситель цвета беж

بوست پسته کوهی - кора горной фисташки - краситель красного цвета

بوست گردو - кора грецкого ореха - краситель кофейного и беж цвета

تاننی - танин

نقش بچک زنج - см.
شکل زنج - медальон в форме восьмиугольной звезды

زنج شکل لوزی - медальон миндалевидной формы

زنج مدور - медальон круглой формы

تیر - растяжка

تیر (نوع) جفتی - парный - упрощенный способ завязывания узелка,

при котором один узелок захватывает не 2, а 4 нити основы

چپ - левая стойка

چله - основа

چین - узелок

حاشیه اسلی - кайма, выполненная узором из арабесок

حاشیه اصلی - внешняя, широкая кайма ковра

حاشیه اریک - внутренняя, узкая кайма ковра

قام - резкий, яркий, грубый (о цвете)

- دار = دستگاه - ковроткацкий станок
 دار - растяжка (см. سردار)
 چين - دانم - см.
 دستگاه افقي - горизонтальный ковроткацкий станок
 دستگاه عمودي - вертикальный ковроткацкий станок
 دستگاه گردان - вращающийся ковроткацкий станок
 دغه - دفتين - гребень ткача
 دورويه - двусторонний (о ковре)
 راست رو - правая стойка
 رنگ كروي - хромовые красители
 رنگهاي تركيبی - искусственные красители
 رنگ تيره اي مايل به سرخ - темно-коричневый цвет с красным оттенком
 رنگ گل - цвет охры (от золотисто-желтого до красно-коричневого)
 برفايف - плотность узлов
 زيرتاب - бечевка, которой обвязывается нижняя растяжка
 زيردار - нижняя растяжка
 سرخ تيره ! اندکي مايله آبي - темно-красный с небольшим лиловым оттенком
 سردار - верхняя растяжка
 سر ريشه - кисти, в которые обвязывают концы нитей основы
 قالی جفتی - парный ковер
 قالی روستائی - ковры, изготавливаемые кочевниками и крестьянами (провинциальные ковры)
 قالی شکارگاه - охотничий ковер, т.е. с изображением сцен охоты
 قالی شهري - городской ковер, т.е. изготовленный в городе
 قالی مقبره - погребальный ковер - стелится на могилы и гробницы
 قلاب - крючок на острие ножа для обрезания концов нитей
 کلاله - элемент узора, напоминающий по форме и окраске букет цветов
 کمان - лук - инструмент, применяемый в Кермане для передвижения двух хафов (см.) одновременно
 ماف - کمان - см.
 گره ترکي - турецкий узелок
 گره فارسي - персидский узелок

گلدل - трава, используемая как краситель желтого
цвета

- لال - индийское и иранское название каменели
لواره دوزی - закрепление кромки ковра
مایه - оттенок, интенсивность окраски
سیله - см. هانب
نقش اصهبائی - نقش شاه عباس - вазовый узор
نقش جنگلی یا بید مجنون - узор "Ива Меджнуна"
نقش فرهنگ - крабовый узор
نقش شاه عباس - نقش اصهبائی. см.
نقش شکسته - ломаный стиль узора
نقش گردان - плавный стиль узора
نقش گل هنائی - узор из цветов бальзамина
نقش اصهبائی. см.
نقش لیک ترنج - медальонный узор
نقش لوزی - миндальный узор
نقش ماهی - نقش ماهی. см.
نقش هندسی - геометрический узор
نقشه - эскиз, картон
هانب - палка, с помощью которой раздвигаются нити
основы для проведения утка.

Настоящая работа выполнена на Кафедре иранской филологии
ИГУ под руководством доц. А.Т. Гызальяна.

И.М. Стеблин-Каменский

О ВАХАНСКОМ ВОКАЛИЗМЕ

Система ваханского вокализма, установленная И.И. Зарубиным
(при участии Л.В. Шербы) и отраженная в его неопубликованных
ваханских текстах и словаре, состоит из шести фонем. К выводу о
шестифонемном составе ваханского вокализма пришла и В.С. Соколова,
которая провела экспериментальное исследование ваханских глас-
ных на кимографе (В.С. Соколова, Очерки по фонетике иранских
языков, П, М.-Л., 1953, стр. 215). Все предшествующие исследова-
тели ваханского языка (С.И. Климчицкий, Ваханские тексты, Труды

Тадж. базы АН СССР, вып. III, Лингвистика, М.-Л., 1936, стр. 75-124; G. Morgenstierne, Indo-Iranian Frontier Languages, vol. II, Oslo, 1938) употребляли в своих записях для обозначения гласных звуков I3-I4 знаков (Лоример даже 22 - D. L. R. Lorimer, The Wakhi Language, vol. I-II, London, 1958), но все эти знаки, принимая во внимание работы указанных авторов по другим языкам (например, Г. Моргенштерне по шиканскому - ук. соч., стр. 296) и по словам самих исследователей, отражали именно гласные "звуки" (vowel sounds), а не фонемы. Записанный ими материал был чисто фонетической фиксацией ваханского языка, тогда как первые фонологические записи были сделаны И. И. Зарубиным и В. С. Соколовой.

Т. Н. Пахалина в очерке "Ваханский язык" (Языки народов СССР, т. I, М., 1966, стр. 398-418) выделяет в системе ваханского вокализма тринадцать фонем, отмечая наличие для каждой из шести установленных И. И. Зарубиным гласных долгой и краткой пары, а также фонемы /б/. Различение кратких и долгих гласных отмечается только в той части очерка, которая посвящена фонетике, и не подкрепляется экспериментальными данными.

Для решения вопроса о фонологичности длительности ваханских гласных А. Л. Гринбергом и мною при содействии К. Р. Эйбси в лаборатории экспериментальной фонетики ЛГУ было проведено исследование на осциллографе специально для этой цели составленных фонетических программ, записанных на магнитофон в районе распространения ваханского языка (А. Л. Гринбергом в Афганском Бадахване и мною в Ишканинском районе Горно-Бадахванской АО Таджикской ССР). Полученные в результате проведенных измерений данные, позволяющие утверждать, что фонологической долготы в ваханском нет, готовятся нами к публикации.

Учитывая результаты наших измерений, представляется интересным проанализировать примеры, которыми Т. Н. Пахалина иллюстрирует наличие в ваханском фонологической длительности. В очерке приводятся всего три минимальные пары, различие длительности гласных в которых можно объяснить на фонетическом уровне.

І. рѣд 'нога' - рад 'сведенный (о руке)'. Второе слово всегда выступает как именная часть сложного глагола рад вос- 'становиться сведенной (о руке)', и поэтому несопоставимо со словом, могущим употребляться самостоятельно. Второе слово, как правило, бывает закрыто двумя согласными - радн. Этими двумя причинами

и объясняется сравнительная кратость /a/ в слове rad(n) по сравнению со словом rad, уловленная на слух Т.Н.Пахалиной. Фонема /a/, по наблюдениям В.С.Соколовой и нашим, так же, как и все прочие ваханские гласные фонемы, имеет очень широкий диапазон длительности (по нашим измерениям, в односложном слове, закрытом одним согласным от 10 до 30 сотых секунды у одного и того же информатора при нормальном темпе речи).

2. tō 'до' - то 'сгибание'. Второе слово также выступает только как именная часть сложных глаголов to sag- 'огнуть' и to wos- 'сгибаться'. Оба эти слова - заимствования из таджикского, где они являются омофонами.

3. kīn 'коряга' - kīl 'весь'. Второе слово (заимствованное таджикское "ку(л)") выступает как служебное и во фразе не несет на себе ударения, причем фонема /н/, характеризуемая В.С.Соколовой как неустойчивая, сильно редуцируется.

Все остальные примеры Т.Н.Пахалиной, которые мы не приводим, легко объясняются фонетическими положениями гласных, обычными для целого ряда иранских языков (например, для ишкашимского - Т.Н.Пахалина, Ишкашимский язык, М., 1959, стр.11). Гласные фонемы звучат дольше перед звонкими смычными (для /a/ в односложном слове, закрытом одним согласным, - в среднем 20,9 сотых секунды), перед звонкими целевыми (в среднем 17,6 - минимальная 14 сотых секунды) и перед сонантами (25 для /a/ в том же положении), а перед глухими согласными гласные сокращаются (для /a/ в среднем 16,4 - минимальная 10 сотых секунды). В паре rārg 'зола' - rak 'белое пятно на лбу животного' сокращение /a/ во втором слове вызвано характерным для ваханского нефонологическим оглушением сонанта перед глухой согласной (у некоторых информаторов это слово звучит почти как rak).

Таким образом, анализ этих примеров показывает лишь то, что изменения длительности гласных происходят исключительно на фонетическом, а не на фонологическом уровне, и поэтому нет причин подвергать сомнению местифонемный состав ваханского вокализма, установленный И.И.Зарубиным и подтвержденный экспериментальными исследованиями В.С.Соколовой и нашим. Что же касается фонемы /ō/, то она встречается только в словах, заимствованных из таджикского, и присутствует, как правило, в речи людей, стремящихся подражать таджикскому литературному произношению

(это было отмечено еще С.И.Климчицкии), так как и в бытующем в Вахане таджикском диалекте (важно-таджикском) и в так называемом "мехпамирском форси" (А.З.Розенфельд, Таджикские говоры Советского Бадахшана и их место среди других языков на Лампире, Вестник ЛГУ, № 20, серия истории, языка и литературы, вып.4, Л., 1963, стр.108), выделение фонемы /б/ в качестве особой, отличной от /в/, возможно, неправомерно.

И.И.Цукерман

ПОСЕССИВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В ХОРАНСКОМ КУРМАНДИ

ПосеССИВНОЕ предложение с глаголом hebûn (хор. hewûn / < hebûn) 'быть, иметься, находиться' в ряде говоров курманджи обнаруживает свои особенности. (Ср., например: Bedir-Khan Kamuran Aali, Langue kurde, 2-е éd. Bruxelles, p.57 et suiv.; D.H.MacKenzie, Kurdish dialect studies, I, London, 1961, p.190 ff.). Наиболее распространенной является структура типа *du kuîe Silêman hebûn* 'у Силемана были два сына', обычная и в говоре курдов Армении. В таком предложении объект обладания (*du kuî*) оставляет изафетное определяемое, субъект обладания, или обладатель (*Silêman*) - постизафетное определение, сам же процесс обладания выражается при посредстве связочного глагола *hebûn*, который выполняет функцию связуемого и согласован с подлежащим - изафетным словосочетанием *du kuîe Silêman* 'два сына Силемана'.

Нельзя не заметить, что в этом предложении именно субъект обладания (*Silêman*) остается в тени, между тем как глагола 'иметь', при котором субъект обладания стоял бы подлежащим, как известно, в курдском языке нет. Вот почему, например, в говоре курдов Армении вполне возможно и выдвижение вперед субъекта обладания в качестве тематического подлежащего, с последующим повторным обозначением его - уже в виде местоимения - в предцирующем предложении: *Silêman - du kuîe wî hebûn*, букв. 'Силеман - два сына его были'. Однако такое предложение возникает как эмфатическое и в этом качестве, естественно, выделяется и особыми своими свойствами (И.И.Цукерман, К характеристике предложений

с тематическим подлежащим в курдском языке, - Палестинский сборник, вып.13(76), 1965, стр.160).

Напротив, в хорасанском курманжи (во всяком случае, в некоторых его стилях; перечень источников см.: Палестинский сборник, вып.19(82), 1969, стр.64) с обычным посессивным предложением *du lawê Silêûmîn hewûn*, букв. 'два сына Сылеймана были', успешно конкурирует предложение с вынесенным субъектом обладания - *Silêûmîn - du lawê x(w)e hewûn*, букв. '(у) Сылеймана два сына своих были' - без видимого различия в значении. Предложение это, как видно из приведенного образца, отличается двумя особенностями: во-первых, предикцируемое имя (субъект обладания) стоит в косвенном падеже; во-вторых, субъект обладания отражен в предикцирующем предложении не в виде косвенного падежа личного местоимения, а притяжательным местоимением *x(w)e* 'свой'.

Описываемая структура в наиболее обнаженном виде дана в тех случаях, когда имя обладателя выражено маркированными формами косвенного падежа местоимений и имен существительных. Ср.:

Mîn sed sal omrî xe heye (P3.101) 'Мне сто лет'; *Wî ne xançî xe hewû, ne bra kî we wanra bilfîzi* (P2.115) 'У него не было ни сестры, ни брата, чтобы с ними играть'; *Wî zemîni xe sewe çandinêra pîr k'ê m hewû* (P2.75) 'У него было мало пахотной земли'; *Wana wê lawê xwe hewûn* (Ezîz) 'У них было три сына'; *Şah-İsmailî fikirî kî wî adema qîzeke xwe heye* (Ezîz) 'Ша-Исмаил видит, у этого человека есть дочь'; *Kêrgîyan doşmeni xeyî pîr hene* (P2.44) 'У зайцев много врагов'.

Ср. то же в составе фразеологизмов:

Te we qozê kolxoz we devvê wanvare çî kari xe heye! (P3.8) 'Какое тебе дело до колхозного хлопчатника с их верблюдом!'; *Wî le xandinê kitêw pîr çowîê xe heye* (P2.4) 'Он очень увлекается чтением книг'.

Часто, однако, форма косвенного падежа имени обладателя (субъекта обладания) внешне не выражена, совпадая с формой прямого падежа или будучи "погашенной" в составе словосочетания.

Ср.:

Kerîm feqet gayek' xe hewû (P2.75) 'У Карима был один только бык'; *Wawe we çend salî xe hene?* (P5.60) 'Сколько лет вашему отцу?'; *Iro dîye mîn kari xe pîr heye* (P2.5) 'Сегодня у моей матери много дел'.

Отмечены случаи отсутствия (опущения) местоимения х(w)е в предципирующем предложении (а), возможные, как будто, только при маркированных формах косвенного падежа имени обладателя, и - что, может быть, еще более примечательно - предложения, в составе которых глагол hewûn отражает число субъекта, а не объекта обладания (б):

а) Wî do seyi şikarî hewû (P3.79) 'У него были две охотничьи собаки'; Me sêvzemîni pir hewû (P3.21) 'У нас было много картофеля'; б) Wan zemîni xe pir k'êh hewûn (P2.92) 'У них было очень мало земли'; Her yek' je wan çengêk' xe yi masîgirt'inê hewûn (P2.14) 'У каждого из них была удочка для рыбной ловли'; Her traktorek pênc plûgi xe hewû (P2.82) 'У каждого трактора было пять плугов (т.е. лемехов)'.

Приведенный материал, как нам представляется, с разных сторон иллюстрирует попытки преодолеть синтаксическую идиоматичность традиционного посессивного предложения с затененным субъектом обладания и глаголом, ориентирующимся не на субъект, а на объект обладания. Ср. посессивные предложения обычной структуры (без вынесенного субъекта обладания):

Heft birê min hene (Ezîz) 'У меня есть семь братьев'; Veranek' minî çax' heye (P3.102) 'У меня есть жирный баран'; Îro halî min tonne (P2.5) 'Сегодня я себя плохо чувствую'.

Ср. в текстах Д.Н.Маккензи (цит.соч., стр.191) чередование двух способов выражения посессивности: 1) hakimekî wê kuî hebon 'у одного правителя было три сына'; 2) heft kuî wî hebon 'у него было семь сыновей'.

Э.А.Юсупова

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ В КУРДСКОМ ЯЗЫКЕ

В южном наречии курдского языка привлекают внимание случаи постпозитивного употребления предлогов, что для северного наречия - курманджи представляется явлением необычным.

Круг предлогов, употребляющихся в указанной позиции, довольно широк. Он включает в себя: первичный предлог bo (прим.1),

отыменной предлог *le la* (прим.2), предлог *legel̄*, входящий в группу предлогов, занимающих промежуточное место между первообразными и вторичными (отыменными) предлогами (прим.3), и, наконец, сложные предлоги *lê, pê, têt*. (Подробно о сложных предлогах см.: З.А.Юсупова, Функции местоименной энклитики *-ê* в курдском языке. Тезисы докладов У межвузовской конференции по иранской филологии. Душанбе, 1966, стр.325-327).

Употребление отмеченных предлогов в послеложной позиции строго обусловлено. В постпозиции они оказываются при условии, когда косвенный объект в предложении выражен личным энклитическим местоимением (*-(i)m* - 1 л. ед.ч., *-(i)t* - 2 л. ед.ч., *-î / u* - 3 л.ед.ч.; *-man* - 1 л.мн.ч., *-tan* - 2 л.мн.ч., *-uan* 3 л.мн.ч.). Не отмечено ни одного случая употребления предлога в постпозиции с именем:

1. *Bw kuê+^m bo bang bikeun* 'Позовите мне того юношу'.
2. *Kitêbî tir+im le la nîye* 'У меня нет другой книги'.
3. *Demewê qise+t legel̄ bikem* 'Я хочу поговорить с тобой'.
4. *Emin kar+tan pê dedem* 'Я поручу вам одно дело'.

Как видим, в приведенных примерах выражающее косвенный объект личное энклитическое местоимение присоединяется к прямому объекту (при наличии к нему определения - к определению), а предлог следует за этим сочетанием (т.е. за сочетанием прямой объект + косвенный объект или прямой объект + определение - косвенный объект).

Вместе с тем отмечены случаи, когда предлог и управляемый им косвенный объект (в сочетании с прямым объектом) разделены другими членами предложения (в приводимом ниже примере - вторым косвенным объектом, выраженным именем):

5. *Bw kitêbeke+^m lay kitêbfroş bo bikiê* 'Купи мне эту книгу у торговца книгами'.

При отсутствии в предложении прямого объекта выражающее косвенный объект личное энклитическое местоимение примыкает к другим членам предложения - обычно это бывает разного рода обстоятельственные слова:

6. *Herçend+î legel̄ herîk bû hiç kelkî negirt* 'Сколько он ни возился с ним все было напрасно'.
7. *Minîş zor+im le la xoşê bêrn pweş bikem* 'Мне тоже очень хочется пойти на молитву'.

Из всего сказанного напрашивается вывод о том, что употребление предлогов южного наречия в постпозиции связано с чрезвычайной подвижностью личных энклитических местоимений, которые, отрываясь от предложения, могут присоединяться к любому члену предложения (ср. *kitêbake+â bo bikîfe*, *kitêbekey tirîm bo bikîfe*, *minîq zor+îh rê ewê* и т.д.). В пользу высказанного предположения говорит, прежде всего, тот факт, что в постпозиции предлог оказывается только в том случае, когда косвенный объект выражен личным энклитическим местоимением. При косвенном объекте, выраженном именем, предлог всегда стоит в препозиции. (В препозиции предлог может употребляться и с личными энклитическими местоимениями (ср. *kitêbake bô+â binêge* и *kitêbake+â bo binêge* 'Пришли мне книгу'). Не случайно, видимо, и то, что в северном наречии курдского языка, где отсутствует местоименная энклитика, постпозитивное употребление предлогов не наблюдается.

Г. А. Зограф

ФОРМАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛА ХИНДИ

В существующих грамматиках хинди (урду) система основных видо-временных форм глагола воспроизводится весьма различно. Разные авторы вводят в парадигму от 12 до 24 "временных" форм (включая и формы, квалифицируемые как наклонения), причем вследствие расхождения в составе таких парадигм общее число зафиксированных в различных грамматиках форм подобного рода достигает тридцати. Неоднозначно решаются вопросы, касающиеся интерпретации категорий времени, наклонения и вида. Развитие представлений о глагольной системе с конца прошлого века шло в основном по линии отказа от формальных критериев в пользу функциональных.

В свете сложившегося положения представляется целесообразным вернуться к чисто формальной интерпретации системы с последующей проверкой ее адекватности по функциональным критериям. Основой может служить концепция Келлога (S. Kellogg, *A grammar of the Hindi language*, p. 228), выделявшего три группы форм (I - обра-

зованные от корня, II - образования от причастия несовершенного вида и III - образования от причастия совершенного вида) и отмечавшего строгую симметричность последних двух групп. Сюда нужно добавить образования от дуративного причастия формы "продолженного" вида, системный характер которых хорошо показал В.М.Бескровный (УЗ ЛГУ, № 279, стр.93 сл.). Исходя из преобладающего типа, характерной структурой видо-временных форм глагола хинди следует признать аналитические сочетания вида: причастие - вспомогательный глагол (связка). При этом синтетические формы интерпретируются как минимальный вариант - с одним нулевым компонентом (первым или вторым). Отмеченные в языке формы располагаются в двумерной схеме, различаясь по одной оси (здесь - горизонтальной) типом причастия, а по другой - типом связки. Результатом явится предлагаемая таблица (глагол *salā* 'двигаться'; все формы приведены в 3 л.ед.ч. муж.р.).

Заслуживает быть отмеченным замещение реальными формами практически всех дедуктивно выводимых позиций.

Уязвимыми точками схемы являются следующие позиции (I-я цифра - № строки, 2-я - № столбца):

03 - сочетание типа *sal gabā* допускает двойное толкование:

1) как дуративное причастие и 2) как причастие совершенного вида и форма [прошедшего] общего времени (02) от интенсивного глагола *sal gabnā* (ср. *sal gabegā* и др.); характерно, что В.М.Бескровный, дающий форме вторую интерпретацию, подчеркивает свойственное ей значение "сохранения длительного действия или состояния" (стр.90);

10 и 20 - замещены каждая одной словоформой - глагола-связки, имеющими значение общей констатации наличия явления, признака и т.п. в настоящем/прошедшем;

30 - один член замещающего позицию формального ряда - словоформа глагола-связки - бифункционален; имеет значения: 1) общей констатации некоего ожидаемого в будущем свершения и 2) предположения; отсюда происходит (формально неоправданный и представляющий уступку функциональному истолкованию) "излом" строки, которого можно избежать, отказавшись от выделения предположительного наклонения (ср. В.П.Липеровский, Категория наклонения..., стр.18 сл.);

00 - замещение пустующей позиции императивом - формой, ос-

№№	Причастие Связка	0		I		2		3		Функциональная интерпретация форм по времени/ наклонению
		Ø	(cal)	Несовершенного вида САЛТА	Совершенного вида САЛА	Дурагивное САЛ РАНА	ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ			
0	Ø		/cal/		calā		/cal rabā/		"общее"	предположительное составительное условное
I	hai	/hai/	caltā hai	calā hai	cal rabā hai			настоящее		
2	tbā	/tbā/	caltā tbā	calā tbā	cal rabā tbā			прошедшее		
3	hogā	calēgā / /hogā/	caltā hogā	calā hogā	cal rabā hogā			будущее		
4	bo	calē	caltā bo	calā bo	cal rabā bo					
5	botā	caltā	caltā botā	calā botā	cal rabā botā					
Функциональная интерпретация форм по виду		"общий"		несовершенный		совершенный		продолженный		

таковой в противном случае вне рамок схемы, представляется вполне допустимым формально, но противоречит функциональному истолкованию соседних позиций (как форм изъявительного наклонения);

ОИ и 50 - замещены одной формой, что представляет собой формальную непоследовательность несмотря на бифункциональность последней (можно говорить о двух омонимичных формах: условного наклонения и прошедшего обычного времени изъявительного наклонения); это частная особенность хинди, но не принципиальный порок предлагаемой схемы применительно к индоарийским языкам, поскольку в них может наблюдаться и формальное противопоставление, например, в гуджарати: (ОИ)karṭe 'делал' ~ (50) karat 'если бы/сделал'.

Горизонтальная ось отражает противопоставление форм по видовым признакам. Для хинди, в отличие от русского языка, вид является не лексико-грамматической, а чисто грамматической категорией, находящей последовательное морфологическое отражение в словоизменении глагола. Формам несовершенного вида свойственно выражение незавершенности действия, совершенного - завершенности, продолженного - длительности его протекания. Для форм "общего" вида названные значения иррелевантны. Это - самая общая их характеристика, допускающая частные модификации и семантические сдвиги. Так, формы будущего времени (30), оказавшиеся в "дефектном" ряду, функционально тяготеют к совершенному виду, что влечет за собой тенденцию замещения позиции несовершенного вида перифрастическими образованиями, формально не укладывающимися в заданные измерения (например, *calṭā gahegā* - 'Abdu'1-Naḡ, *Qawā'id-i urdū*, стр.90).

Вертикальная ось отражает противопоставление форм по признакам времени и наклонения. Схема показывает, что формально обе категории лежат в одном измерении. Отсюда и проистекают обычные затруднения с их разграничением, в частности, споры о правомерности выделения предположительного наклонения, о квалификации форм условного наклонения как временных форм сослагательного и др. В этом свете понятно и заявление Сколберга: "Строго говоря, наклонений в хинди нет. То, что морло бы быть ими названо, покрывается различными временами" (H.Scholberg, *Concise grammar of the Hindi language*, p.76). Функциональная интерпретация

большинства форм совпадает с традиционной. Оговорки требуют формы "общего" времени, действительно обладающие обобщенным значением - (O1) как [прошедшее] обычное и (O2) как [прошедшее] общее, - но практически соотносимые преимущественно с планом прошедшего времени (ср., однако: *tva na āī, to māī nāgāy hūgī* 'если ты не придешь, я рассержусь'). Форма (22) обычно квалифицируется как "предпрошедшее".

Предложенная схема показывает наиболее общие значения форм, от которых можно отталкиваться в поисках уточнений их функционального наполнения.

Она же может служить основой для типологического сопоставления новых индоарийских языков как в плане инвентаря глагольных форм, так и в плане модификации присущих этим формам функций.

За рамками схемы остаются перифрастические формы, которые можно определить как выражение категории способа действия (длительные, длительно-прогрессивные, фреквентативные, комплетивные, инхотивные, потенциальные). Эти формы могут быть помещены в третьем измерении предложенной схемы, в виде возникающей над ней последовательности повторяющих ее "этажей". Степень практического заполнения позиций на этих "этажах" в каждом случае будет своей.

Б.Н.Кузнецов

ПРИНЦИП ПИСЬМА ДЕВАНАГАРИ

and ... on close examination
it is found to be no fish at all.
M.F.Meyer

Из современных языков Индии письмом деванагари пользуются хинди, маратхи, непали и (современный) санскрит. Несмотря на то, что характер этого письма в настоящее время считается известным и не является предметом обсуждения, при ближайшем рассмотрении выясняется, что точки зрения на этот счет не вполне совпадают.

С одной стороны, деванагари (наряду с другими индийскими алфавитами) трактуется как слоговое письмо¹, с другой, — как "слабо-фонетическое"² (мы предпочитаем однозначный термин "слого-буквенное"; к тому же под "фонетическим" скорее понимается не "буквенность", а соответствие фонетической системе и научный классификаторский характер системы индийского письма; в смысле соответствия и слоговое письмо может считаться фонетическим). Таким образом, принцип деванагари следует считать не до конца ясным, так как два названных типа письма по существу являются вполне самостоятельными системами, а не подтипами одного типа. Как единый тип со своими подтипами может выступать, пожалуй, слого-буквенное письмо, в основе которого лежат слоговой и буквенный принципы. Так, в зависимости от того, какой принцип является ведущим, в качестве подтипов этого письма можно назвать, к примеру, слого-буквенное и буквенно-слоговое письмо.

Как известно, "отдельные графемы могут обозначать отдельные фонемы или последовательности фонем. В первом случае письмо называется буквенным. Во втором — <...> вся система письма в целом является разновидностью слогового письма", "чаще всего слог состоит из одной гласной и всех предшествующих согласных".³ В настоящем сообщении слог понимается в его обычном смысле, т.е. гласный, предшествуемый (не предшествуемый) и/или последующий (не последующий) одним или более согласными.

В связи с тем, что письмо деванагари в применении к названным языкам в сущности идентично (небольшие различия для нас здесь совершенно не существенны), мы ограничимся вариантом хинди в его традиционной записи.

Алфавит деванагари

(так называемые основные знаки)

Гласные:

अ a, आ ā, इ i, ई ī, उ u, ऊ ū, ऋ ṛ, ए e, ऐ ai,
 ओ o, औ au.

Согласные:

क	ka	ख	kha	ग	ga	घ	gha	ङ	ṅa
च	ca	छ	cha	ज	ja	झ	jha	ञ	ña
ट	ṭa	ठ	ṭha	ड	ḍa	ढ	ḍha	ण	ṇa

"согласными" графемами (ср. क्क क्का , क्क क्का ; при отсутствии сочетания с "гласной" графемой используются аллографы क्क , क्क). Аналогичное рассуждение действительно для других основных знаков "согласных" графем.

В ы в о д ы

1. Письмо деванагари представляет буквенную запись с развитой системой аллографов и являются слоговым не более, чем, например, латиница или русская кириллица (последняя даже имеет четыре графемы, обозначающие слоги: е, ё, и, я, если не считать обычных "гласных" графем).

2. Если все же не учитывать рассмотренных фактов и придерживаться традиционного подхода, то и тогда алфавит деванагари не должен рассматриваться как слоги-буквенный, ибо и в этом случае слоговой принцип не может быть признан ведущим (не говоря уже о его единственности, как в письменности языка чироки или в двух алфавитных формах японского письма - катекане и хирагане)⁵. Скорее всего его следовало бы рассматривать как разновидность буквенно-слоговой письменности.

---

1) См., например: В.В.Иванов, В.Н.Топоров, Санскрит, М., 1960, стр. 47; Г.А.Зограф, Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960, стр. II 7.

2) См., например: Т.Е.Кетенина, Язык хинди, М., 1960, стр. 20; ее же: Язык маратхи, М., 1968, стр. 22; Н.И.Королев, Язык непали, М., 1965, стр. 26.

3) Г.Глисон, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 404.

4) В.В.Иванов, В.Н.Топоров, указ. соч., стр. 49.

5) См. Г.Глисон, указ. соч., стр. 405, 408.

УІ. БИБЛИОГРАФИЯ

Н.А. Дулина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТЪРКОЛОГОВ

(Дооктябрьский период). Составили: А.Н. Кононов,
В.Г. Гузев, Н.А. Дулина, П.А. Дм. Под редакцией и
с введением А.Н. Кононова)

В 1968 году сдан в печать Библиографический словарь отечественных тюркологов. Идея составления Словаря принадлежит А.Н. Кононову, много лет занимающемуся историей востоковедения и в особенности историей тюркологии. В Словарь вошли статьи о 818 тюркологах, живших в XIII—XX веках (верхним хронологическим пределом, определяемым по времени издания трудов тюрколога, является год 1917. В Москве С.Д. Милибанд завершила составление Библиографического словаря советских востоковедов, который в своей тюркологической части является хронологическим продолжением данного Словаря).

Сложный вопрос о том, кого считать тюркологом, и чьи имена включить в Словарь, был решен следующим образом: в Словарь включены лица, способствовавшие распространению знаний о тюркских языках среди русских, то-есть лингвисты-исследователи, писавшие на русском языке, и преподаватели тюркских языков для русских в высших и специальных учебных заведениях, а также историки и этнографы, знавшие тюркские языки и способствовавшие их изучению. В Словарь не включены, исходя из сказанного, толмачи и переводчики с тюркских языков, дипломаты и чиновники, практически знавшие тюркские языки. Словарь не мог вместить в себя также сведения

о тюркологах, писавших только по-тюрки, и о преподавателях тюркских языков для турков. Кроме того, составители считали, что деятельность этих лиц относится к национальной истории тюркских народов.

Во введении к Словарю, представляющем собой краткий очерк истории тюркологии в России, выполненный, как указывалось, А.Н.Кононовым, рассказано как о научном востоковедении, в том числе об истории изучения отдельных тюркских языков, так и о практическом их изучении и о специальных средних и высших учебных заведениях.

Словарные статьи построены по следующей схеме: фамилия, имя, отчество, даты жизни. I. Биографические сведения, в том числе тюркологическая деятельность. II. Список трудов по тюркологии до 1918 в хронологическом порядке. III. Список литературных источников о данном лице в алфавитном порядке. Список сокращений, завершающий Словарь, содержит в себе большую часть использованной литературы, в него не вошли лишь источники, к которым авторы обращались лишь один раз (в таких случаях на эти источники даны ссылки в полной форме в III разделе соответствующей словарной статьи).

Составителям пришлось ознакомиться с большим количеством литературы в ленинградских, московских и казанских библиотеках, а также с архивными материалами. В списке сокращений упомянуто 471 название использованной литературы, среди них: энциклопедии, библиографические словари, справочники, работы по истории науки и отдельных научных и учебных учреждений, специальные и обобщающие труды по тюркскому языковедению, этнографии, истории, литературе, краеведческие исследования, научная и общественная периодика.

Словарь позволяет не только быстро навести справку о жизни, деятельности и трудах отдельных тюркологов, но также составить живое представление о становлении, развитии и достижениях тюркологии. Труды таких тюркологов и востоковедов как Н.И.Ашмарин, В.В.Бартольд, И.Н.Березин, О.Н.Бетлингк, Ч.Ч.Валиханов, В.В.Вельяминов-Зернов, В.И.Вербицкий, Н.И.Веселовский, В.Л.Вяткин, И.И.Гиганов, В.А.Гордлевский, В.В.Григорьев, П.И.Демезон, Б.А.Дорн, К.Г.Залеман, Н.И.Золотницкий, Н.И.Ильминский, А.К.Казем-Бек,

М.А.Кастрен, Н.Ф.Катанов, Ф.Е.Корн, А.Е.Крымский, С.Е.Малов, П.М.Медморанский, Э.К.Пекарский, В.В.Радлов, П.С.Савельев, А.Н.Самойлович, О.И.Сенковский, В.Д.Смирнов, В.Н.Татищев, Х.Д.Френ, С.В.Ястремский и другие принесли заслуженную известность доревольционной российской тюркологии. Лучшие научные традиции, начатые этими учеными, продолжают советские востоковеды. Лингвистическими, историческими, археологическими, этнографическими материалами, собранными такими энтузиастами-тюркологами как А.Г.Бессонов, Л.З.Будагов, В.М.Ионов, Е.Ф.Каль, Д.А.Клеменц, А.Г.Туманский, Х.Фейзаханов, И.А.Худяков, Н.М.Ядринцев и другие с благодарностью пользуются все тюркологи.

Во введении отмечено, в каких городах России и в каком объеме велись тюркологические изыскания. По материалам Словаря можно составить представление о том, кто внес этот вклад. В России, тесно связанной своими историческими судьбами с турецкими народами, на протяжении всей ее истории сохранялась нужда в людях, знающих турецкие языки. В XIX веке в связи с присоединением к России Кавказа и Средней Азии появилась практическая необходимость изучения истории и права присоединенных народов, а также широкого знания русскими, жившими и служившими в этих краях, местных языков. Изучением турецких языков, истории, археологии, этнографии занимались самые широкие слои населения: учителя, военные, чиновники, политические ссыльные, миссионеры и другие.

Например, статьи Словаря о политических ссыльных В.М.Ионове, Д.А.Клеменце, Э.К.Пекарском, И.А.Худякове, С.В.Ястремском, чьих судьба забросила на далекие окраины царской России, показывают, какой значительный вклад они внесли в развитие тюркологии. Судьба И.А.Худякова свидетельствует о том, что жестокий царский режим погубил не только талант, но и жизнь некоторых из них.

Вместе с тем в XIX веке после присоединения к России Средней Азии и Кавказе там появилась местная интеллигенция, понимавшая пользу европейского (русского) образования и способствовавшая открытию значительного количества таких средних и низших, а также специальных учебных заведений, где преподавались турецкие и русский языки (И.А.Алтынсарин, М.Ф.Ахундов, А.К.Бакиханов, Ч.Ч.Валиханов, И.Я.Яковлев и другие). Знакомство с русской куль-

турой и образованностью XIX века позволило раскрыться таланту таких ученых и деятелей культуры, как И.А.Алтынсарин, Ч.Ч.Валиханов, Г.Г.Ибрагимов, А.К.Казем-Бек, Н.Ф.Кетанов, С.А.Новгородов, М.И.Умитаев и другие. Стремление изучить местные тюркские языки вызвало появление не только большого количества учебников для школ и для специальных учебных заведений, но и самоучителей для населения, лучшие из которых неоднократно переиздавались (самоучитель татарского языка А.В.Вагенова с 1846 по 1916 год издавался 20 раз).

Составители Словаря отдают себе отчет в том, что им, конечно, не удалось разыскать имена всех тюркологов и добыть все необходимые библиографические данные о тех из них, кто включен в Словарь, но они надеются, что их труд и в таком виде принесет пользу как востоковедам-тюркологам, так и историкам культуры.

К.Л.Чижикова

БИБЛИОГРАФИЯ ПО БЕНГАЛЬСКОМУ ЯЗЫКОВЕДАНИЮ

В ДУ ИВАН закончена работа над составлением аннотированной библиографии по бенгальскому языковедению.

Бенгальский язык принадлежит к индоарийской группе индоевропейской языковой семьи. Областью употребления бенгальского языка являются Восточный Пакистан и штат Западная Бенгалия в Индии, а также прилегающие к Бенгалии районы Бихара и Ассама. Говорит на бенгали около 90 млн. человек.

Язык бенгали сформировался примерно к X веку н.э. и в настоящее время является одним из наиболее развитых языков Индии. Литература, созданная на этом языке, по праву считается одной из самых интересных и богатых современных индийских литератур.

Развитие советского индоведения, а также возрастающий интерес к истории, культуре и языкам Индии сделали необходимым издание достаточно полной библиографии по бенгальскому языковедению, т.к. материал этот весьма обширен, но пока еще не учтен.

Из библиографических работ, посвященных бенгальскому языку, до сравнительно недавнего времени была известна лишь работа, изданная в Чикагском университете Ричардом Мартином: "An Annotated

bibliography of books and articles on Bengali and Bengali linguistics", содержащая 52 названия. Вторая работа на эту тему подготовлена Центром лингвистических исследований в штате Индиана, США (составитель проф. Дж. Фергюссон) и скоро должна выйти из печати. Она включает около 300 названий.

Издание сводной библиографии печатных работ по бенгальскому языкознанию в нашей стране предпринято впервые и включает 610 названий. Главным инициатором и руководителем этой работы была Е.М.Бызова, старший научный сотрудник Института востоковедения в Москве.

В библиографию включены монографические исследования, словарные и справочные издания, а также статьи по бенгальскому языку, опубликованные в различных периодических отечественных и зарубежных изданиях (на русском и иностранных языках) с середины XVIII века до 1968 года. При отборе литературы были использованы имеющиеся печатные каталоги и библиографии Национальной библиотеки в Калькутте и Британского Музея в Лондоне.

Работы, включенные в библиографию, описаны *de visu* по фондам крупнейших библиотек Москвы и Ленинграда, а также по фондам Национальной библиотеки в Калькутте и частных собраний. Работы, включенные в библиографию, но не просмотренные *de visu*, ввиду их отсутствия в библиотеках Советского Союза, отмечены звездочкой. По той же причине некоторые библиографические единицы не имеют полных выходных данных. Но во всех подобных случаях зарегистрированный материал не вызовет трудностей в его отыскании.

Весь материал данной библиографии делится на пять разделов: I. Грамматики, учебники, монографические исследования. II. Словари, энциклопедии, разговорники. III. Статьи. IV. Рецензии. V. Диссертации и авторефераты.

В каждом основном разделе работы располагаются в алфавитном порядке. Фамилии авторов нескольких работ не повторяются. Сначала идут издания на русском языке, затем - на западноевропейских языках и в конце - на индийских языках. Названия последних, ввиду технической сложности воспроизведения знаков этих алфавитов, даны в транслитерации. Переиздания и переводы присоединяются к первому основному описанию и отдельным номером не выделяются. Сборники, включающие произведения как разных так и одного автора, расписаны по статьям. Названия источников в описаниях приведены в основном в сокращенной форме.

Почти все работы, включенные в библиографию, сопровождаются краткими аннотациями. Исключение составляют лишь короткие заметки, содержание которых в достаточной мере раскрыто в заглавии, а также работы, которые не просмотрены *de visu* ввиду их отсутствия в СССР.

Библиография снабжена вспомогательными указателями: алфавитным указателем авторов, составителей, рецензентов, переводчиков и редакторов, упомянутых в описаниях, и заглавий работ, описанных не на автора, тематическим указателем, а также списком сокращений использованных источников.

Л и т е р а т у р а

1. A bibliography of Indology, vol.III - Bengali language and literature, pt. I. Compiled by S.C.Dasgupta, Calcutta, 1964.
2. Author catalogue of printed books in Bengali language, vol. I-III. Calcutta, 1941-1959. (National Library. Calcutta).
3. A bibliography of dictionaries and encyclopaedias in Indian languages. Publ. by National Library, Calcutta, 1964.
4. A supplementary catalogue of Bengali books in the British Museum. 1886-1910, 1911-1934. London, 1910-1939.

Г.С.Шрон

БИБЛИОГРАФИЯ РАБОТ СОТРУДНИКОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР

В начале 1969 года сдана в печать "Библиография работ сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. 1956-1967". (Составитель Г.С.Шрон. Отв. редактор Ю.Е.Борщевский. Библиографическая редакция В.Б.Португала). В работе учтены все монографии, статьи, рецензии сотрудников ЛО ИВ АН СССР, издания литературных памятников народов Востока и описания и издания рукописных памятников и архивных материалах, выполненные членами коллектива Отделения, а также переводы научной и художественной востоковедной литературы, авторефераты диссертаций, тезисы докладов на конференциях и научных сессиях - одним словом, все написанное и изданное сотрудниками и аспирантами ЛО ИВ АН СССР с момента организации Отделения в 1956 году

по 1967 год включительно. В "Библиографию" вошли также издания, в которых сотрудники Отделения выступают в качестве редакторов, и их статьи в различных энциклопедиях и справочниках. Кроме того, в "Библиографию" включены переводы работ на иностранные языки и все найденные составителем рецензии на книги и статьи, помещенные в указателе. Они расположены непосредственно за переведенным или рецензируемым произведением.

Собранный материал расположен в систематическом порядке и объединен в 4 крупных раздела, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие. Первый - "Общий отдел" - содержит работы, посвященные организации и истории востоковедения в целом, как в Советском Союзе, так и за границей; работы информационного характера о Международных конгрессах востоковедов и отраслевых конгрессах, сессиях и совещаниях; персоналии русских, советских и зарубежных востоковедов; посмертные издания избранных трудов выдающихся советских востоковедов (В.В.Бартольда, Е.Э.Бертельса, Ю.И.Крачковского) и, наконец, библиографии по востоковедению и рецензии на них.

Второй отдел - "Общие работы по отдельным отраслям знания" - включает литературу теоретического и методологического характера по востоковедению в целом, а точнее: по истории культуры народов Востока, их письменности, географии, этнографии, экономике, истории, литературоведению, языкознанию и, в зависимости от характера включенного материала, делятся на соответствующие рубрики.

Третий отдел - "Обработка, описание, каталогизация рукописных, библиотечных и архивных фондов" - состоит из 4-х крупных подразделов: 1) рукописи и ксилографы, 2) библиотечные фонды, 3) архивные материалы (с выделением личных фондов в алфавите филообразователей) и 4) публикации восточных текстов и переводов. Под этой последней рубрикой собраны издания рукописей, хранящихся в Рукописном отделе ИО ИВ АН и других собраниях. Почти все они вошли в серии "Памятники литературы народов Востока" и "Памятники письменности Востока".

И, наконец, четвертый (самый обширный) отдел - "Работы по отдельным отраслям востоковедения" - объединяет литературу по всем востоковедным дисциплинам и проблемам, являющимся предметом исследования в ИО ИВ АН. В соответствии с этим раздел состоит из 19 крупных подразделов: 1) Древний Восток, 2) Семитология,

3) Византиноведение, 4) Ислам, 5) Арабистика, 6) Иранистика, 7) Курдоведение, 8) Туркология, 9) Монголистика, 10) Средняя и Центральная Азия, 11) Кавказоведение (включающее грузиноведение и арменистику), 12) Индология, 13) Китаеведение, 14) Тибетология, 15) Тангутоведение, 16) Чжурчжэни. Кидани, Бохай, 17) Коренистика, 18) Японистика, 19) Страны Юго-Восточной Азии.

Большая часть этих подразделов в зависимости от характера и объема составляющих его изданий в свою очередь делится на такие рубрики, как: история науки, философия, культура, география и этнография, экономика, история, источниковедение, литературоведение (с выделением в самостоятельные рубрики художественных переводов) и языковедение.

В тех же отделах, которые по обилию материала и широте охвата востоковедных проблем невозможно было уложить в рамки вышеприведенной схемы, мы сочли наиболее целесообразным дать рубрикации соответственно предмету или отрасли исследования. Так, отдел "Древний Восток" включает такие рубрики, как: египтология, шумерология, ассирология, хеттология, урартология и др. А в отделе "Семитология" наряду с рубриками "История науки" и "Семитское языковедение" имеются: "Еврейистика", "Сирология и общая арамейстика", "Сабейстика". Этими же соображениями продиктовано и введение дополнительных рубрик в других отделах (например: Документы из Нисы, Согдийский язык и история Согды, Хорезмийский язык и письменность - в отделе "Иранская филология").

Внутри рубрик материал расположен в хронологическом порядке, внутри хронологии - в алфавите авторов и названий. Структурное расположение материала (внутри каждой рубрики) таково: вначале идут монографии и статьи, затем статьи из энциклопедий и справочников, переводы, рецензии и, наконец, редакторские работы.

Справочный аппарат "Библиографии" состоит из списка сокращений, перечня использованной литературы и именованного указателя авторов.

"Библиография работ сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения" наглядно показывает большой объем вклада ленинградских востоковедов в соответствующие области науки (более двух тысяч названий за 12 лет) и еще раз подтверждает, что в области восточной филологии, истории и истории культуры древнего и средневекового Востока, описания и издания рукописных фондов,

дешифровки и разработки языков и письменностей Востока (до сих пор не полностью интерпретированных) Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР является ведущим научным учреждением в Советском Союзе и одним из ведущих в мире.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. В.И. Ленин и вопросы востоковедения

Д.Е.Бертельс. В.И. Ленин и С.Ф. Ольденбург	3
В.Н. Ворожейкина. В.И. Ленин о культуре в антагонистическом обществе и некоторые проблемы изучения городской культуры домонгольского Ирана	8
В.Н. Горегляд. В.И. Ленин о культуре и проблемы исследования японских культурно-исторических традиций . .	II
С.Н. Иванов. Многозначность в грамматике в свете марксистско-ленинского учения о соотношении общего и единичного	14
Е.Я. Люстерник. Индийские посетители и корреспонденты В.И. Ленина. (К проблеме: В.И. Ленин и национально-освободительное движение в Индии).	16
А. Лайкова, К. Онусов. В.И. Ленин на страницах ливанской прессы (1941-1969)	20
И.П. Петрушевский. Значение идей В.И. Ленина для изучения истории феодализма стран Ближнего и Среднего Востока	24
Е.А. Серебряков. Ленинская теория отречения и проблема образности китайской средневековой поэзии . .	27
О.Л. Фимман. В.И. Ленин и проблема взаимосвязи идеологии и художественной литературы	29
В.А. Якобсон. Ленинское учение о государстве и праве и проблемы исследования государства и права на древнем Востоке	32

II. Источниковедение

И.Д.Амусин. К 4Q Testimonia	36
Ч.Г.-А.Байбурди, Ю.Е.Борщевский. Икупительное посольство Хосров-Мирзы в Россию в 1829 г. и его дневник - "Рузнама-и сафер-и Питирбург"	39
М.В.Воробьев. Историография в чжурчженском государстве Цзинь (1115-1234)	41
М.И.Демидова. Искусство ранней дуньхуанской книги	43
Н.В.Елисеева. Биография покойного Мирзы Абу-л-Касима Кайим Макама (сочинение Абд ал-Ваххаба Кайим Маками)	46
Л.Н.Карская. Персидский географический трактат (Рисале) Мухаммеда ал-Багдэди как источник для изучения Курдистана начала XIX в.	48
А.М.Куликова. История одной малайской рукописи.	51
К.К.Курдоев. Труды Аминие Авдала (1906-1961) по курдской этнографии	54
В.В.Кусев. "Описание рукописей на языке павто".	56
Н.Д.Миклухо-Маклай. К характеристике среднеазиатской географической литературы XVI-XVII вв.	59
Л.К.Павловская. Пинжуа по истории пяти династий. (О некоторых вопросах структуры и приемах изложения истории)	61
М.Б.Пиотровский. Средневековые рассказы о древних погребениях Йемена	64
М.А.Салахетдинова. Об источниках, использованных Хафиз-и Танышем в предисловии к "Шараф-наме-йи Шахи"	66

III. История

А.С.Боголюбов. О месте кийас в ряду основ мусульманского права	69
Ю.Е.Борщевский. Восстание декабристов и его истолкование царской дипломатией в Иране	70

К.В.Васильев. Об одном аспекте древнекитайского традиционализма	78
Е.И.Васильева. Эпизод борьбы шаха "Аббаса I с курдским племенем мукри	76
А.М.Голдобин. Некоторые вопросы внешней политики ОАР в 1962 г.	78
Т.С.Ернazarова. Монетные находки на городище Афрасиаб 1947-48 гг. (Из раскопок А.И.Тереножкина). . .	80
С.Г.Кляшторный. Древнетюркская руническая эпиграфика: итоги и перспективы изучения	83
Б.Б.Кумекoв. Расселение кимакских племен в IX-XI вв.	85
Е.И.Кычанов. О некоторых тэнгутских наименованиях соседних народов	87
А.С.Мартынов. О двух типах взаимодействия в традиционных китайских представлениях о государстве и государственной деятельности	90
О.И.Смирнова. К вопросу о среднеазиатских культах. (Из среднеазиатской топонимики)	92
Т.И.Султанов. К вопросу о терминах "Ак-Орда", "Кок-Орда" и "Юз-Орда"	94
И.Ф.Фихман. Население Оксиринха в IV-VI вв.	96
З.Я.Ханин. О роли японских париев в развитии ремесла и культуры страны в средние века (XV-XVI вв.) . . .	99
И.Ш.Шифман. Сикарикон	100
О.П.Щеглова. К вопросу о центрах литографирования в Иране	103

IV. Литературоведение

Я.В.Васильков. "Эпика" и "дидактика" в Махабхарате	106
З.Н.Ворожейкина. Не вошедшие в издание бейты Рудаки	109
О.Дж.Джалилов. К вопросу о создателях и исполнителях курдских народных исторических песен	III
Л.Н.Меньшиков. К истории жанра бяньвэнь	III

И.С.Мусаев. История изучения курдского народного сказания "Зембильфрон"	117
М.Б.Руденко. Системы стихосложения в средневековой курдской классической поэзии на северном диалекте.	120
Э.С.Русинова. Кастовая система в романах М.Р.Ананда 30-х годов	128
Г.Г.Свиридов. "Повести, собранные в Удзи" ("Удзи-сви моногетари") - памятник японской литературы XII века	126
Г.В.Сорокоумовская. Новое о Суад Дервиш	128
О.И.Финман. О некоторых типологических сходениях китайского и английского Просвещения. (Цзи Юнь и сатирико-правоучительные журналы Стиля и Аддисона)	131

У. Языкознание

С.И.Баевский. Словарь "Зафангуя ва джахангуя" как важный этап в истории персидской лексикографии	135
М.Н.Боголюбов. Ирано-арамейские заметки	137
Я.Б.Грунфест. Основы периодизации истории арабского языкознания в Европе	140
В.Г.Гузев, Д.М.Насилов. О нулевых формах турецкого имени существительного в различных грамматических категориях	142
А.И.Еланская. Разгадка закона Штерна-Эриштедта.	145
О.И.Завьялова. Связь между оформленностью глагола и определенностью дополнения в китайском языке	147
М.Н.Зислин. О морфологической терминологии в неопубликованном сочинении по грамматике древнееврейского языка "М'б'р 'айни". (Рукопись ГПБ 1208 г., П.Собр. Фирк. евр. ПА 132, I)	149
И.Т.Зогреф. Отрицания в языке венских пьес	151
К.Б.Кеплинг. Тангутские послелоги и их классификация	154
Х.Г.Нигматов. О покудительном и страдательном залогах. (По материалам Словаря Махмуда Кашгарского).	156
И.М.Оранский. Indo-Iranica I	160
Е.Г.Павлова. Список терминов ковроткачества	163

И.М.Стеблин-Каменский. О ваханском вокализме	166
И.И.Цукерман. Посессивное предложение в хорасанском курманджи	169
З.А.Юсупова. О некоторых особенностях употребления предлогов в курдском языке	171
Г.А.Зюграф. Формальная репрезентация видо-временной системы глагола хинди	173
Б.И.Кузнецов. Принцип письма деванагари	177

УІ. Библиография

Н.А.Дулина. Библиографический словарь отечественных тюркологов. (Дооктябрьский период)	181
К.Л.Чижикова. Библиография по бенгальскому языкознанию	184
Г.С.Шрон. Библиография работ сотрудников Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР	186

Подписано к печати 4/Ш-70г.

А-01432 Зая.77 Тир.250 Объем 12,25 л. л.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер.,2

